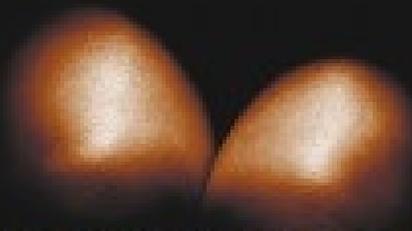

ЧЁРЧ.

Книга 2

ПЕРЕВОД ГРУППЫ "BOOKHOURS"
СТИЛО ФАНТОМ

Сломленная женщина.

Мужчина, который стал другим.

Черчу Логану хотелось кое-кого убить, а Эмме Хартли — умереть. Это был адский союз.

Но вот, всего одна рана, пара пинт крови, и неожиданно все между ними изменилось.

Их по-прежнему ждёт нечто великое? Или тьма окончательно их поглотила и оторвала друг от друга?

Похоже, пришло время Чёрчу отвечать за свои поступки.

Запал, встречайте — ваш взрыв.

Стило Фантом, «Чёрч. Книга 2»

Серия: Чёрч #2

Переводчик: Татьяна Соболев

Редактор: Татьяна Соболев

Обложка: Татьяна Соболев

Вычитка: Татьяна Соболев

Переведено для группы: vk.com/bookhours

Моя мать снова вышла замуж.

Обычно тут я говорю, что в отношении мужчин у нее ужасный вкус. Так и есть. Действительно ужасный.

Но в Джерри есть что-то такое... возможно, в случае с ним, она наконец сделала правильный выбор.

Или неправильный.

Иногда это трудно понять.

Видите ли, у меня не всё в порядке. В голове. В сердце. Одна мучительная, разъедающая меня тьма, от которой я гнию и разлагаюсь. Я запуталась. Я ничего не понимаю.

Или, может, наоборот, понимаю слишком много?

Проблема очевидна.

Я слышу голоса. В смысле, не в голове или типа того, я не шизофреник. По крайней мере, пока. Я слышу *чужие* голоса, те самые, что всю жизнь меня доставали. Говорили со мной. Убеждали меня быть хорошей девочкой, тихой, милой, не рассказывать ни о чём маме, ей не нужно знать, это секрет.

Говорили, что я никчемная, что только мешаю, что вообще не должна была появиться на свет, и, ах, как жаль, что до меня не достала та вешалка.

Твердили мне, что я мусор, и навсегда останусь мусором, и что мне следует быть благодарной за любое оказанное мне внимание, а теперь заткнись, отсоси этот член и поживее.

Но последний голос...

Иногда я задаюсь вопросом, что из этого я себе придумала. Конечно же всё, что касается любви, это очевидно. Ему не известно, что такое любовь, он *не умеет* любить, поэтому естественно он меня не любил. Даже в конце.

Все эти разговоры о том, что я особенная, что вместе мы можем достичь чего-то великого — это ложь. Разумеется, ложь.

Его желание, чтобы я это сделала, стремление обманом меня в это втянуть, всё игры. Всё манипуляции. Все только для себя, ничего для меня.

Мне казалось, что я всё знаю, но, возможно, всего лишь обманывала себя. Может, мне просто хотелось во что-то верить... верить так сильно, что я была готова за это умереть.

А теперь доктор Розенштейн вбил мне в голову эти новые мысли. Это его голос я теперь слышу громче всех.

Так кому же мне верить? Голосу, который нашептывает мне тёмными, холодными ночами, как мне на самом деле это нравилось? Или голосу, который открыто говорит со мной при свете дня, разрушая мою реальность и заставляя меня задумываться о таких вещах, какие мне раньше и в голову не приходили.

Доктор Розенштейн не такой уж и плохой. Он вытащил меня из больницы, убедил мою мать поместить меня в психиатрическую лечебницу. Не самое лучшее место — мне никогда

особо не нравились окна с решетками — но и не самое худшее. И я делала все, что мне говорили, убеждала всех, что иду на поправку, что уже не жалкий призрак девушки. Я соблюдала все правила, рисовала картины, подружилась со своей соседкой по палате.

Я так хорошо играла свою роль, что за закрытыми дверями посоветовались. Мне снизили дозировки, сделали поблажки, и после одной недели в больнице и трех долгих недель в психушке меня, наконец, выпустили. Мне все равно придется дважды в неделю ходить на групповую терапию и один раз в неделю на индивидуальные сеансы, но я хотя бы больше не буду спать за решеткой.

Не то чтобы возвращение домой что-то сильно изменило. Сейчас на моем окне нет решеток, но я по-прежнему под замком. Вы ведь не думаете, что Марго так легко сдастся? Теперь, когда я всецело у нее под каблуком, она упивается своей властью. По сути, я под домашним арестом. Она каждый день поминутно знает, где я нахожусь, и если я сделаю хоть шаг из дома Джерри, то вернусь в психушку. Если я вдруг что-нибудь натворю, то вернусь в психушку. Если я не буду заниматься домашними делами... ну, вы поняли.

И все же, думаю, мне не стоит жаловаться. По крайней мере, дом Джерри лучше, чем дурка.

По дороге домой я нервничала. Когда шла по коридору, меня слегка мутило. Этот душный кабинет, дерьмовый раскладной диван. Меня ведь не существует, так чем я заслужила отдельную комнату, верно?

Однако отдельную комнату мне все же дали. В ней красивые однотонные стены, аккуратный письменный стол и удобная двуспальная кровать, на которой почти не спали. В принципе, на ней и сейчас редко *спят* — большинство ночей я провожу, пялясь в потолок.

Потому что это не моя комната.

Это комната Пола.

Прищурившись, он склонился, над своей работой. Затем нахмурился.

Он был от нее не в восторге.

Руки у Чёрча росли откуда надо — в восемь лет он сам собрал себе компьютер с материнской платой и всем прочим. В старших классах он посещал занятия по труду и естественно получал хорошие оценки. И хотя он ни коим образом не был ни плотником, ни механиком, но тем не менее считал, что вполне способен соорудить и отремонтировать практически всё.

И всё же сейчас он по-прежнему был недоволен конечным результатом.

Он покрутил предмет. На его взгляд, он был слишком неустойчивым. Чёрчу нужно было как-то его закрепить, сделать практически неподвижным.

«Блядь».

На дворе стоял декабрь, но в комнате было жарко. Плохая вентиляция плюс четыре галогенных лампы и большая физическая нагрузка привели к тому, что с Чёрча градом лил пот. Он выпрямился и со стоном потянулся. Потом стащил через голову футболку и швырнул грязную, пропитанную потом ткань в угол комнаты.

Так немного лучше.

Он всегда был равнодушен к температуре и погоде. Конечно, его не волновала ни сильная жара, ни мороз, но он не имел ничего против жаркого дня, и ему было плевать, если шел свежий снег.

«Но Эмма».

Эмма любила холод. Ей нравилось отключать отопление и чувствовать, как холод пробирает ее до костей. Нравилось плавать в ледяной воде, пока кровь практически не застывала у нее в жилах.

Кроме того, ей нравилась высокая влажность, такая, чтобы одежда прилипала к телу, а еще она любила, когда солнце обжигало ей кожу до ярко-розового цвета.

«Эмма».

Чёрч наклонился и поднял с пола предмет, что лежал у его ноги. Ее портсигар. Чёрч открыл его и нахмурился. Осталось всего четыре сигареты. Когда она попала в больницу, он был полон.

«Ему следует поторопиться».

Он вытащил одну сигарету и зажал ее между губами. Потом бросил портсигар на свою грязную футболку и достал из заднего кармана зажигалку. Первая затяжка всегда была самой тяжелой, особенно учитывая, что у самокруток отсутствовал фильтр — Чёрч не был заядлым курильщиком и не планировал им становиться. Он вообще не видел в этом ничего привлекательного.

Но по горлу проносился терпкий запах, дым и жжение. Это было больно. Это было бескомпромиссно, и от переизбытка ощущений он тут же остро осознавал окружающую его реальность.

Это было так похоже на Эмму.
«Хватит. Возвращайся к работе».

— Надеюсь, ты там одеваешься?

Эмма не одевалась. Она лежала на кровати, в одних простых хлопчатобумажных трусиках и футболке. Смотрела в потолок. Это был обычный гипсокартон, на который густыми, размашистыми мазками была нанесена краска. Но Эмма кое-что на нем заметила — маленькие дырочки, расположенные на большом расстоянии друг от друга. Спустя какое-то время она поняла, что они, видимо, появились от кнопок. Давным-давно, к потолку что-то прикрепляли.

От одной этой мысли Эмма невольно фыркнула.

«Что у тебя там висело, Чёрч? Плакаты с «Backstreet Boys»? С «Limp Bizkit»?»

— Эмма! — раздался в дверях пронзительный голос Марго. — Какого черта ты тут лежишь? Знаешь, что нам с Джерри ещё час везти тебя туда и столько же обратно? Думаешь, нам это нравится? Что мы так развлекаемся? А ты отнимаешь у нас еще больше времени. Ради всего святого, одевайся. И больше никаких шортов, этот шрам отвратителен.

Эмма не потрудилась взглянуть на дверь и лишь услышала, как ее мать затопала по коридору. Затем она наклонилась и осторожно потрогала бугристую, сморщенную кожу на внутренней стороне своего бедра. По спине пробежал холодок.

«Он так его и не увидел. Держу пари, ему бы понравилось».

Эмма тут же отогнала эти мысли. Нехорошо так думать. Она вскочила с кровати и начала натягивать брюки.

Она привыкла думать о Чёрче как о чем-то абстрактном. Как о парне, который работал ассистентом ее учителя математики, как о пижоне, который спал чуть дальше по коридору. Как о странном типе, у которого, возможно, когда-то на потолке были развешены плакаты с рок-группами.

«Или вырезки из дел серийных убийц...»

Если она позволяла себе копнуть глубже, то вновь обращалась к своей тёмной стороне. Так это называл доктор Розенштейн. Её тёмная сторона всецело принадлежала Чёрчу. До него она была лишь крошечным уголком ее души, но теперь стала ее тенью, и, если Эмма не будет осторожна, он может снова обрести над ней контроль. Захватить контроль над *Эммой*.

По мнению доктора Розенштейна, в этом не было ничего хорошего.

«Ох, Эмма. Это такая глупость. Мы всегда вместе. Ничто не сможет нас разлучить. Это всего лишь небольшая пауза».

— Нет! — закричала она, зажав руками уши, словно это могло заглушить голос Чёрча. Она сделала пару глубоких вдохов. — Нет. Я и сама по себе полноценная личность. Мне не нужно, чтобы кто-то меня дополнял. Я не должна жертвовать собой ради кого-то другого. Я больше не собираюсь это слушать.

Она всегда думала, что работа над собой — для слабаков, но эта мантра ее успокоила. Эмма повторила ее ещё несколько раз, предельно сосредоточившись на словах, и закончила собираться. Расчесала волосы, надела ботинки и выбежала на улицу. Джерри находился за

рулем своего «Бьюика». На переднем сиденье, закутавшись в нелепую шубу, сидела Марго. Она зыркнула на Эмму и раздраженно постучала по циферблату своих часов.

— Мы опоздаем, — прорычала она, когда Эмма скользнула на заднее сиденье.

— Я понимаю. Извините. Я... в следующий раз я постараюсь побыстрее.

На секунду — всего на секунду — в зеркале заднего вида она встретила взглядом с Джерри. Его настороженные голубые глаза впились в ее безжизненные зеленые. Затем он завел машину и выехал с подъездной дорожки.

Джерри Логан. Она устроилась поудобнее и уставилась ему в затылок. Перед тем, как она решила разлить в его доме собственное Красное море, он и впрямь ее удивил. Но с тех пор Джерри был довольно скуп на слова. Он всегда навещал ее в больнице и в психиатрической лечебнице, но каждый раз молчал, как рыба. Вернувшись домой неделю назад, Эмма подумала, что, может, хоть теперь он ей что-нибудь скажет. Снова с ней поговорит или, может, сообщит какую-нибудь информацию. Что угодно.

Но Джерри стал убедительной имитацией своего сына — без крайней необходимости не раскрывал рта.

Эмме начинало казаться, будто ее предали. Она снова и снова прокручивала все это в голове. Сначала Джерри внушает ей уверенность в том, что он ее союзник, а потом молчит, делая вид, что она для него пустое место. Марго несколько раз пытается избавиться от Эммы, а потом связывает их такой горой обязательств, что ей теперь вовек не уйти. Но хуже всего...

Она закрыла глаза и поджала губы. Сильно их прикусила. Она не хотела, отказывалась в это верить.

Чёрч...

Пять недель.

После тех нескольких минут в больнице прошло целых пять недель, и с того момента — ничего. Он сказал, что не сможет ее навещать. Сказал, что ей нужно набраться терпения и постараться убедить всех в том, что она нормальная. Достаточно нормальная, чтобы выбраться из больницы.

Да, что ж, терпения она набралась. Она делала то, что ей говорили — *всегда* делала то, что ей говорили. И что же?

Ничего.

Ни слова. Ни грёбаного звука. Ни знака, ни намёка или чего-нибудь в этом роде. Поначалу, попав в лечебницу, Эмма думала, что Джерри втайне сообщит ей последние новости о своем сыне. Но он этого не сделал, а поскольку весь смысл ее пребывания на «Солнечном ранчо» состоял в том, чтобы “забыть” Чёрча, сама Эмма его спросить не могла.

Потом, когда ее отпустили домой, она подумала, что на этом все. Чёрч просто интуитивно почувствует и появится. Заберет ее, как принц из мрачной сказки.

Ничего подобного. Ее принца и след простыл, а дому, в котором ее заперли, было далеко до башни замка. И теперь у нее в голове раздавался голос доктора Розенштейна, вытесняя собой все остальные, сбивая ее с толку и заставляя задаваться вопросами. Возвращаясь домой после выписки из психушки, она попыталась вскользь спросить Джерри о его сыне:

— *Мне, наверное, будет неловко жить дома вместе с Полом, да?*

Теперь, когда она говорила о нем вслух, он был Полом. Тем, на ком она больше не смогла бы помешаться. Кому придёт в голову помешаться на мужчине по имени Пол Логан?

— Думаю, это было бы неловко, живи Пол дома, — ответила Марго.

— А?

— Через пару дней после произошедшего с тобой «инцидента» он вернулся в Нью-Йорк. Решил, что лучше ему держаться от тебя подальше.

В Нью-Йорк. Туда, где его настоящая жизнь, его квартира, его университет. Куда он собирался бежать после того, как убедил Эмму убить его сестру.

Но она не убила Лиззи, и он заявил, что не хочет, чтобы она убивала ради него, уже нет. Теперь ему просто хотелось быть с ней.

«Тогда почему ты туда сбежал?! Трус!»

До Рождества оставалось около трех недель. Эмма ни на какие чудеса не надеялась. Чёрч ее использовал, возможно, от начала до самого конца. Теперь ее главным желанием было убедить всех, что ей лучше, что она нормальная. Черт, может, она и впрямь *станет* нормальной. Достаточно нормальной, чтобы лишить Марго права опекуна.

Тогда она уедет далеко-далеко. Обрежет волосы. Возьмет себе имя Бекки. Без разницы. Всё, что угодно. Всё. Ничто не может быть хуже такого существования.

Они остановились на красный свет, и она снова посмотрела в зеркало. Уже второй раз за утро она поймала на себе взгляд Джерри, и теперь он не отводил его до тех пор, пока не загорелся зеленый.

«Впрочем, когда дело касается Чёрча, все становится не тем, чем кажется».

ЧЁРЧ

Манипуляция — это язык.

Это подтекст, интонация и манера речи.

Это неувловимое движение глаз и легкий толчок локтем. Вздох здесь, взгляд там.

Иногда мне кажется, что я уже с этим родился, — не припомню, чтобы меня кто-нибудь этому учил.

Иногда я делаю это неосознанно.

Иногда — очень даже целенаправленно.

Может, это все манипуляции. А может, ничего такого и нет.

Может, они стали такой неотъемлемой частью меня, что мне уже сложно определить, когда я манипулирую людьми, а когда — нет.

Эмма знала. Она знала это с самого начала. Возможно, она не догадывалась об истинных масштабах всего этого, но подсознательно чувствовала, что происходит. И она не возражала. Она использовала меня, чтобы почувствовать себя любимой. Я использовал ее, чтобы ощутить контроль.

Сможет ли что-нибудь когда-нибудь стать таким же совершенным?

Думаю, нет.

Но держу пари, могло бы быть и лучше.

Там неувловимое движение глаз, тут — легкий толчок локтем, и мы могли бы стать гораздо лучше.

Солнечное, мать его, ранчо.

Какое ужасное название. Ни ранчо, ни солнцем тут и не пахло. Нет, это было большое готическое здание из песчаника, расположенное в живописном уголке штата. Оно выглядело довольно мило, если не обращать внимания на окружавший дом четырехметровый двойной забор и на установленные на окнах решетки.

Эмма это место терпеть не могла, но у него имелось одно преимущество — доктор Розенштейн. Его приемный кабинет располагался в Мемфисе, который находился за пределами штата, и ехать туда было слишком далеко. Однако по вторникам и пятницам он приезжал на «Ранчо», чтобы проведать некоторых пациентов. Когда она сначала попала в больницу, врачи попросили Розенштейна оценить ее состояние — по сути, именно он передал Марго опеку. Хотя Эмма его не винила, Марго мастерски умела изображать из себя образцовую мать и добропорядочную гражданку.

Кроме того, именно он рекомендовал и способствовал переезду Эммы на «Солнечное ранчо». Он заверил ее, что это хорошее заведение с высокими показателями выздоровления, но на самом деле это ничего для нее не значило. Очевидно, что оно не было *таким уж* распрекрасным, раз ей так легко удавалось всех обманывать, и Эмма знала, что она такая не единственная.

Имелась и еще одна причина, по которой ей не нравилось «Солнечное ранчо».

— Эмма! Ты увидела за окном что-то интересное? Не хочешь рассказать об этом всей группе?

— Нет, — вздохнула она, не потрудившись отвести взгляд от вида за окном. — Просто наслаждаюсь хорошей погодой.

Групповая терапия. Если бы Эмма знала, что попытка покончить с собой в конце концов приведет ее к групповой терапии, она бы точно довела дело до конца. Она участвовала во всем, что ей навязывали в лечебнице, ходила на все назначенные сеансы к доктору Розенштейну, но на групповых занятиях поставила жирный крест.

Поставила жирный крест на Дрю «Каспере» Каспериане.

Он даже не являлся врачом, а всего лишь дипломированным психологом. Он был чем-то вроде домоправительницы «Солнечного ранчо». Каспер взял за правило обращаться по имени ко всем медсестрам, санитарам, уборщицам и пациентам. Он был для всех лучшим другом. Мистером Крутым, Мистером Клёвым, Мистером Мы-ведь-друзья-так-почему-бы-тебе-все-мне-не-рассказать?

Эмма могла поклясться, что с момента их первой встречи буквально *кожей* почувствовала его внутреннего извращенца. Она также не сомневалась в том, что не случайно восемьдесят процентов пациентов «Солнечного ранчо» составляли женщины — Каспер имел большое влияние в приемном отделении. Количество мест было ограничено, и кого попало туда не пускали. По-видимому, вагины нуждались в психологической помощи гораздо больше, чем пенисы.

После третьей недели проживания на «Солнечном ранчо» подозрения Эммы подтвердились. Войдя в свою комнату, она обнаружила, что ее новая соседка плачет, свернувшись калачиком у себя на кровати и накрывшись одеялом. Эмма не хотела причинить ей никакого вреда, она просто стянула с нее одеяло, чтобы посмотреть, что случилось. Но это только еще больше вывело девушку из себя, и вот тогда она заметила кровь.

Ее соседка по комнате была девственницей. Каспер обошелся с ней отнюдь не нежно. Эмма убеждала ее кому-нибудь об этом рассказать, кому угодно. Предлагала даже поговорить вместо нее. Но девушка отказалась. Она поступила на «Ранчо» из неблагополучной семьи и страдала расстройствами шизофренического спектра. Соседка Эммы знала, что ее изнасиловал психотерапевт, но также не хотела наживать себе неприятностей, а Каспер заверил ее в том, что, если она проболтается, они у нее появятся. Он сказал, что к тому же, она сама этого хотела, она к нему приставала, разве она не помнит? И, в конце концов, кто ей поверит?

Что за мерзкое существо.

Но Эмма находилась здесь не для того, чтобы спасти жизни, ее целью было выбраться, сойти за нормальную, и она знала, что свобода уже близка. Если ее соседка не хочет ничего предпринимать, то и она ничего не сможет с этим поделать. Были и другие девушки, много девушек с похожими историями, но все это держалось в большом секрете. Некоторые из них и правда подкатывали к Касперу — между пациентками и их психотерапевтами-мужчинами культ героя был весьма распространенным явлением. И некоторым из тех, кто не искал его внимания, в конце концов, оно начиналось нравиться или, по крайней мере, они себя в этом убеждали. Однако, большинству только увеличивали дозы их лекарств, и они старались держаться от него подальше.

Так что да, на его сеансах групповой терапии Эмма старалась играть пассивную роль.

— А как насчет тебя, Дженни? — спросил Каспер и, заглянув в свои записи, жестом указал на нового члена группы — сидящую рядом с ним бледную, испуганную девушку.

Понедельники были посвящены депрессии. Все сидящие в большом кругу, либо страдали какой-то формой депрессии, биполярного расстройства либо в какой-то момент пытались покончить с собой. Эмма скользнула взглядом по Дженни и тут же догадалась о самоубийстве. На обоих запястьях девушки виднелись одинаковые повязки.

«Как банально. Я хотя бы проявила изобретательность в том, где себя порезать».

Она подавила желание почесать шрам. Доктор Розенштейн сказал ей, что на самом деле зуд у нее в голове. Рана зажила отлично, даже быстрее, чем ожидали врачи. Розенштейн считал, что расчёсывание было чисто психосоматическим. Она создала себе момент времени и спроектировала его на свою ногу. Теперь, когда он забывался, ее сознание не хотело его отпускать.

— Ты должна об этом забыть, Эмма.

Ей не хотелось этого признавать и она, скорее всего, никогда бы не рискнула произнести такое вслух, но доктор Розенштейн ей нравился.

«Убеди их, что ты нормальная», — посоветовал Чёрч, и она с головой окунулась в работу. Она всегда была с Розенштейном честной и открытой — но не настолько честной и открытой, чтобы их с Чёрчем арестовали — и во время их бесед действительно многое о себе узнала.

Это было... мило.

«Но всё же чертовски запутанно. Остаётся ли любовь любовью, если в ее основе лежит одержимость?»

— С каких это пор ты так полюбила групповые занятия?

Эмма тут же вытянулась в струнку и огляделась. Рядом с ней сидел долговязый парень. Райану Парку было двадцать три года и из всех пациентов «Солнечного ранчо» он казался ей ближе всех по возрасту. По его утверждению, он был бывшим популярным диджеем и работал на рейв-дискотеках Детройта. Она ему не поверила. Скорее всего, он проглотил целый пузырьёк «Ксанакса», а потом запил его бутылкой «Джемесона», поэтому, чтобы он пришел в себя, семья запихнула его на «Ранчо».

Она не знала, имелись ли у него какие-то другие проблемы помимо попытки самоубийства; депрессивным он ей никогда не казался. Наоборот, Райан всегда был возбуждён, постоянно двигался, говорил и суетился. И вечно к ней прикасался. Господи, как же ему нравилось к ней прикасаться! Он запал на нее сразу же после своего приезда на «Ранчо», но ее это мало беспокоило. Это было даже мило. Но с тех пор, как ее выписали, он явно поднялся на новый уровень. Казалось, парень не отдавал себе отчета в том, что почти все время это делает, но всякий раз, когда она оказывалась в пределах его досягаемости, он так или иначе к ней прикасался.

Но она полагала, что Райан в какой-то момент может очень ей пригодиться, поэтому спускала ему это с рук. Его маленькая страсть несла с собой определённые выгоды — он был очень пронырливым, имел дар проникать в запертые комнаты и брать то, что ему не принадлежит. Кроме того, он с готовностью взял бы на себя ее вину, возникни какая-нибудь проблема. Это было даже круто — хоть раз в жизни не выступить в роли лакея. Стать тем, кто дергает за ниточки. Поначалу она часто ловила себя на том, что пялится на него с другого конца комнаты, размышляя, а смог бы он ради нее кого-нибудь убить? Если бы смог. Кого бы она выбрала в качестве своей мишени? Каспера? Нет, слишком просто. Марго? Слишком очевидно. Кто еще причинил ей много горя и боли?

«Хммм...»

— Земля вызывает Ээээээ, — Райан помахал рукой у нее перед лицом.

Она помотала головой. Иногда ей всё ещё было сложно не выпадать из реальности. Может, у нее и хорошо получалось притворяться нормальной, но до нормальной ей было довольно далеко.

«Очень, очень далеко... на самом деле, есть большая вероятность, что я свихнулась еще больше...»

— Прости, — пробормотала она, окинув взглядом комнату.

Все повставали с мест и складывали у дальней стены свои стулья. Каспер стоял перед новенькой — Дженни и, не давая девушке подняться, улыбался ей своей жуткой улыбкой. Райан проследил за ее взглядом и покачал головой.

— Ох, уж этот парень. Когда мы уже что-нибудь с ним сделаем? — вздохнул он, побарабанив пальцами по ее бедру.

Эмма искоса посмотрела на Райана, гадая, серьезно ли он это сказал.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она, встав с места и подхватив свой стул.

Затем отнесла его к стене ко всем остальным.

— Ты же знаешь, что он трахает тут всех, у кого есть сиськи.

Она фыркнула:

— У меня тоже есть сиськи, но меня он не трахал.

Райан скользнул глазами по ее груди, затем быстро их отвел, и его взгляд заметался по комнате. Эмма улыбнулась про себя, увидев румянец, заливший основание его шеи.

— Ты особенная, Э. Мы все это знаем. Вот почему тебе разрешают ночевать дома.

— Верно, — кивнула она. — Так с чего ты взял, что я хочу что-то сделать с нашим дружелюбным привидением Каспером?

— Да ладно тебе, ты была кем-то вроде... крутого парня «Солнечного ранчо». Если не ты, то кто? Эмма, стань героем, который нам нужен, а не тем, которого мы заслуживаем.

— Что это вообще значит?

— Понятия не имею.

— И как так вышло, что я стала здесь крутым парнем? Когда я тут жила, то соблюдала правила добросовестнее всех остальных.

— Ты что, и впрямь не догадываешься? — усмехнулся он, похлопав ее по спине. — Да ты была здесь единственной, кто не сходил с ума от страха. Со дня первой нашей встречи и до сих пор, ты вела себя так... так, словно это для тебя обычное дело. Режим, врачи, изменения, да всё... Не похоже, что тебя это беспокоит. Если это не круто, то я не знаю, что тогда.

Она замедлила шаг, позволив ему погладить себя по спине. Неужели это правда? Эмма справлялась с ситуацией так же, как и со всем остальным в своей жизни — Розенштейн называл это “раздельным мышлением”. Она вроде как отключала свой мозг, отказываясь признавать свои эмоции, чтобы справиться с тем, что было насущной проблемой. Ну и что, что она пыталась покончить с собой. Подумаешь, психически неуравновешенна и не контролирует собственную жизнь. Кого волнует, что она в буквальном смысле пленница капризов ее матери? Единственный способ выжить и двигаться дальше — это последовательно делать шаг за шагом.

«Просто нужно по-прежнему хотеть жить, это главное».

Как бы Эмма ни старалась быть нормальной, как бы ни хотела отогнать от себя темноту, иногда тьма все же ее поглощала. Словно возникшее откуда ни возмись цунами, она овладевала ее разумом и уничтожала все ее мысли, все эмоции. Требовала, чтобы она что-то почувствовала, почувствовала *всё*. Дьявольский голос приказывал ей его признать. Ответить ему.

Иногда у нее получалось сопротивляться. Но временами тьма настигала ее так неожиданно, что Эмма не осознавала, что происходит, пока все уже не было сделано. До тех пор, пока она не ловила себя в три часа ночи на том, что копается в кухонных ящиках, и понимала, что Марго спрятала все режущие предметы еще до Эмминого возвращения домой.

«Но по сути, довести дело до конца можно было и обычной ложкой. Просто направить её прямо в идиотские нарощенные ресницы Марго и давить до тех пор, пока ложка не уткнется в череп».

— Райан, — тихо произнесла она его имя, когда ее сознание окутала тьма.

Он повернулся к ней, и взглянул на нее такими большими и серьезными глазами, что она чуть снова не рассмеялась.

«Глупый мальчик. Не влюбляйся в меня. Я полна острых осколков, о которые ты непременно порежешься».

— В чем дело? — спросил он.

— Помнишь, как ты пробрался в кабинет и украл досье того парня? — сказала она, и Райан усмехнулся.

— Это одна из моих лучших работ. Так в чём дело? Что тебе раздобыть? — спросил он.

— Ну, если ты так хочешь задать жару Касперу, нам нужно побольше о нем узнать. Карта пациента — это ловкий трюк. Но вот если бы тебе удалось достать личное дело и заявление сотрудника, это уж точно меня бы впечатлило.

— Для тебя все, что угодно, — поддразнил ее Райан, прижав руку к сердцу. — Считаю, что дело сделано, Э.

— Хорошо. Но всё это только между нами, ладно?

Румянец, что до сих пор оставался где-то в районе его горловины, теперь залил всю шею Райана вплоть до подбородка.

— Только между нами, Э. Ты все получишь. Я этим займусь. Как можно скорее. Эй, не хочешь вместе пообедать? Я могу занять нам место, мы могли бы...

— Райан, ты же знаешь, что я больше не могу ходить в столовую — я ведь тут не живу. И мне все равно нужно встретиться с Марго, — сказала Эмма.

— А, встреча с дьяволом. Звучит просто потрясающе. Увидимся после, Э, — рассмеялся он и, ободряюще сжав ей руку, направился к ведущей в столовую лестнице.

И тут Эмма заметила повисшую в холле тишину. Она огляделась вокруг и вдруг поняла, что поблизости нет Марго. Джерри тоже, но это как раз было не удивительно, он обычно ждал в машине. Но Марго всегда тёрлась рядом, пытаясь флиртовать с каждым мужчиной, имевшим несчастье попасться ей на пути.

Эмма вышла в приемную, но там никого не оказалось. Потом заглянула в пару художественных классов, снова зашла в общую комнату и даже наведальась в ванную, но по-прежнему ничего. Она уже подумала, что ее мать, наверное, вышла и ждёт ее в машине с Джерри, но тут вдруг увидела, как из спортзала с измученным видом выбежала новенькая-Дженни. Тогда Эмма решила быстро заглянуть туда.

Всё основное освещение было выключено, но в другом конце комнаты из открытой двери на глянцевую баскетбольную площадку падал свет. Прижавшись к трибунам, Эмма на цыпочках двинулась вперед. Подойдя поближе, она поняла, что слышит голоса. Одним точно был Каспер, но с кем он разговаривал?

— *А Вы шалун, доктор, похоже, я испортила вам всё веселье.*

Ах ну, конечно. Марго. Эмма огляделась по сторонам, затем юркнула под край трибун, рядом с открытой дверью. Это была комната для хранения оборудования, Эмма как-то туда уже заходила — довольно просторное помещение со сваленными там баскетбольными мячами, ракетками, волейбольной сеткой и всем прочим. По-видимому, оно еще оказалось и отличным укрытием для тайных интрижек.

— Миссис Логан, — усмехнулся Каспер. — Понимаю, что Вы могли подумать будто тут что-то... что-то происходило, но это была новая пациентка. Она тут новенькая и никого не знает, и ей просто нужен был совет, как вписаться в коллектив.

— Да неужели? — рассмеялась Марго. — И видимо, чтобы в него вписаться, нужно делать минет?

Это было уже слишком, Эмма просто не могла не посмотреть. Дверь оказалась открытой, поэтому девушка слегка к ней прислонилась и скользнула к самому краю. Затем присела на корточки и выглянула из-за дверной ручки, надеясь, что так ей удастся остаться незамеченной.

Каспер стоял спиной к двери, скрестив руки на груди. Марго небрежно облокотилась на стопку матов и нахально ему улыбалась. Эмма не отрицала, у Марго всегда была

удивительная улыбка. Приоткрытые красные губы, всегда красные, обнажали идеальные зубы. Ее гордость и отрада, ее белоснежная улыбка. Она редко награждала ею свою дочь, зато одаривала этой улыбкой каждого встречного-поперечного мужчину, а вот теперь — и Эмминого психотерапевта-извращенца.

«Как обычно».

— Я никогда ее об этом не просил, — ответил Каспер. — Некоторые мои пациентки переходят границы, и умение их сдерживать — весьма деликатный вопрос.

Марго закатила глаза и надула нижнюю губу, очевидно, поверив в его чушь не больше, чем Эмма.

— Цк-цк-цк, молодой врач, пользующийся беззащитностью своих пациенток. Такие вещи могут испортить Вам карьеру, разве нет?

— Думаю, миссис Логан...

— Зовите меня Марго, — хриплым голосом произнесла она.

— *Марго*, мы уже об этом говорили. У меня не может быть отношений с родителями пациентов. Это было бы... неэтично.

— Уверена, что сексуальное насилие над пациентками тоже неэтично, однако Вас это не остановило.

— Я имел в виду, что для меня это слишком опасно. Нельзя, чтобы нас с Вами застукали вне лечебницы. То, что случилось на прошлой неделе... было удивительно, но этого не должно повториться.

«На прошлой неделе? Какого хрена произошло на прошлой неделе? Минуточку... в тот день она не ждала меня у кабинета Розенштейна. Я обнаружила ее здесь, и она сказала, что ждёт меня. Ну да, конечно, скорее всего поджидала его член, чтобы он ее дотрахал».

— Ну, Эмма ведь не будет лечиться тут вечно. В конце концов, я засуну ее в какую-нибудь другую дыру, а пока мы можем еще немного позабавиться.

— Марго, мне кажется, что...

— *А мне* кажется, что у Вас нет выбора, доктор. Но я понимаю, что всё это очень сбивает с толку. Может, нам стоит сходить в административное здание и обсудить это с Вашим отделом кадров? Посмотрим, может, они смогут нам помочь разгадать эту маленькую загадку? — пригрозила она.

— Я хотел сказать, — усмехнулся Каспер и, шагнув к ней, обхватил ее за пояс. — Что мне кажется, к отказам ты не привыкла, верно? И кто я такой, чтобы менять твои привычки?

— Вот именно. Давай, нам нужно поторапливаться, пока она там беседует со своим дружкой.

Затем они стали целоваться, что уже произвело на Эмму достаточно неприятное впечатление, но, когда он развернул Марго и нагнул над матами, девушка почувствовала, что сейчас расстанется с завтраком. Она увидела, как юбка матери скользнула вверх по бедрам, а затем Каспер загородил Эмме обзор своей задницей. Его руки легли на ремень и расстегнули молнию.

Эмма медленно встала и осторожно попятилась от двери. Отойдя достаточно далеко, она повернулась и тихо вышла из спортзала. Ей не нужно было видеть, как её мать жарят раком в спортзале психбольницы, она и так уже знала, какой мерзкий человек Марго, давно на это насмотрелась. Поэтому она просто вышла из здания, спустилась по ступенькам и огляделась в поисках машины Джерри.

Забавно, но, когда Эмма обнаружила, что Каспер домогается своих пациенток, ее

первой реакцией был гнев. Ей хотелось уличить его или кому-нибудь рассказать. Чтобы защитить других, более уязвимых женщин.

Однако первой реакцией Марго было желание его уличить и шантажировать. Использовать эту информацию в своих интересах. Кого волнуют другие женщины — Марго волновалась только о себе.

Это и впрямь было ужасно. Постыдно. Эмма это знала, она это понимала.

И все же, проскользнув в машину Джерри и выдумав какую-то тупую отмазку, что Марго еще разговаривает с врачами, она не могла отделаться от мысли...

«Я хотела поступить хорошо, а Марго — плохо, ну и кто из нас на самом деле получает желаемое?»

ЭММА

Ладно, да, иногда я понимаю, что сбиваю с толку.

В смысле, помимо того, что я чокнутая...

Я жертва сексуального насилия с глубоко укоренившимися проблемами, возникшими в результате этого насилия, и все же я люблю секс, осознаю свою сексуальность и, как правило, не боюсь ею насладиться.

Может, оттого что я подверглась этому в столь юном возрасте, я теперь лучше это понимаю? Хотя, скорее всего, нет.

Может, это потому, что я научилась систематизировать свершенное надо мной насилие и полностью отделять его от своего восприятия самой себя.

Или, может, просто это стало неотъемлемой частью меня — с раннего возраста мне вдалбливали в голову, что я гожусь лишь на то, чтобы ублажать мужчин. Теперь я в этом настоящий эксперт.

Честно говоря, хрен его знает. Начиная с восьмого класса и до переезда сюда, я пыталась заполнить сексом пустоту. Хотя бы ненадолго почувствовать себя желанной или что-то за это получить — деньги, выпивку, наркотики, поездку, место для ночлега, момент бытия. Что угодно. Мужчины использовали меня, я использовала их, все оказывались в выигрыше. Счастливые деньки! Конечно, иногда потом приходится плакать. Иногда тебе кажется, что ты никогда уже не остановишься. Но в конце концов ты останавливаешься, а затем попадаешь в очередную дерьмовую историю. Круговорот жизни, детка.

Поэтому, когда я вижу, как Райан на меня смотрит, понимаю, что он меня любит, хочет и, вполне вероятно, дрожит, думая обо мне, то не чувствую никакой неловкости. Я имею в виду, что в сексуальном плане он интересуется мной не больше, чем какая-нибудь грязная тряпка, так что нет, между нами этого никогда не произойдет. Но это все же не значит, что я не могу хоть немного этим насладиться.

Кроме того, Райан на самом деле меня не любит. Райан даже не особенно-то меня и хочет. Я просто одного с ним возраста, у меня классные ноги, и когда мы оба по часу торчали на этой групповой терапии, я его отвлекала. Стала для него тем, на что можно поглазеть. Поэтому он убеждает себя, что я его луна и звезды, что-то вроде богини, ну и что,

почему бы и нет?

Может, теперь мой черед ненадолго стать для кого-то объектом поклонения.

— Эмма, ты ни на одной из наших бесед не говорила о своем будущем. Ни разу. Ты упоминаешь прошлое, признаешь настоящее, но никогда не касаешься того, что будет дальше. Ты с удовольствием слушаешь мои разговоры о твоих планах на будущее, но никогда ничего к ним не добавляешь. Поэтому сегодня я хочу остановиться на этом — на будущем. Что ты думаешь делать со своей жизнью, Эмма? Каковы твои планы на будущее?

Эмме всегда было интересно, а не является ли такое частое повторение имени каким-нибудь психологическим трюком. Если бы каждый раз, когда доктор Розенштейн его произносил, она опрокидывала стопку, то совершенно окосела бы уже в первые пятнадцать минут их беседы.

— Мои планы? — повторила она, даже не потрудившись на него взглянуть.

Не отрывая глаз от окна, Эмма смотрела на лужайку, расположенную позади «Солнечного ранчо». Кто-то пытался организовать там футбольный матч. Двое пациентов кричали друг на друга. Ещё один плакал. Она подавила желание улыбнуться.

— Да. Наверняка, у тебя есть планы, Эмма.

«Одна стопка».

— Наверняка.

— Ты хочешь вернуться в колледж? Или найти работу? Где ты видишь себя через пять лет? О чем ты мечтала в детстве, Эмма? Кем ты хотела стать, когда вырастешь?

«Вторая стопка».

— Балериной, — усмехнулась она. — Я была такой долговязой, что учитель физкультуры посоветовал мне попробовать себя в баскетболе или балете. Гонять мяч мне не очень-то нравилось.

— Эмма, я спрашиваю не об этом и, думаю, ты это знаешь. Если хочешь, мы можем поговорить о том, почему ты уходишь от разговора о будущем, но у меня такое чувство, что я уже знаю причину. Ты боишься, Эмма. Боишься будущего.

«Третью и четвертую стопку одним залпом!»

— Я не боюсь, — вздохнула она. — Просто я никогда... честно говоря, не думаю, что вообще когда-нибудь представляла себе свое будущее. Наверное, в глубине души я всегда считала, что умру молодой. От передозировки, недоедания, вождения в пьяном виде... или самоубийства.

Проблема этой притворной терапии, которую старательно посещала Эмма, чтобы ее признали нормальной и отпустили, состояла в том, что... она действительно проходила терапию.

Она никогда ни с кем не делилась своими мыслями о смерти в юном возрасте, никогда сознательно не облекала эти мысли в слова. Она и впрямь полагала, что умрет молодой? Но когда эти слова пронесли у нее в голове, Эмма поняла, что это правда. Какой смысл ей жить дальше?

— Я понимаю, Эмма. У тебя было очень трудное детство, в котором постоянно

подкреплялась мысль, что ты недостойна жить. Но мы уже прошли эту ступень. Ты уже взрослая и можешь делать все, что захочешь.

— Всё, что захочу? — захохотала она. — Доктор, я сейчас даже из дома выйти не могу. Я обязана приходить сюда три раза в неделю, не важно хочется мне этого или нет. Я не могу найти работу, не могу открыть счет в банке, *ничего* не могу.

— Видишь? Вот об этом я и говорю — ты думаешь *онастоящем времени*. А я спрашиваю о *будущем*. После этого настанет другой период. Может быть, не сразу. Спустя недели, месяцы, *возможно годы*, но он рано или поздно настанет, и тебе стоит начать к нему готовиться.

«*Месяцы? Возможно, годы?*»

Когда он произнес эти слова, она почувствовала, как ее покидает жизнь. Если ей придется прожить под властью Марго еще месяц, Эмма найдет другой способ со всем покончить. И на этот раз она перережет правильную артерию.

— Чем тебе нравится заниматься? — продолжил доктор Розенштейн, прервав ее молчание. — У каждого есть любимое занятие, хобби. Бег? Музыка? Раскрашивание статуэток?

«*Преследование. Зацикливание. Страдание*».

— Бег, — выдавила она из себя. — Я раньше бегала.

— О! Тебе нравится бегать?

— Я бы не сказала, что мне это нравится, — поспешно добавила она. — Я делала это для моциона, и чтобы выбраться из дома. Чтобы хотя бы ненадолго убежать от жизни.

— Ладно, тогда, может, не бег. Что-нибудь еще?

«*Слушать голос Чёрча. Смотреть, как он дышит. Думать о нем. Любить его. Делать для него всё, что он захочет*».

— Мне нравится..., — медленно проговорила она. — Наблюдать за людьми. Пытаться их понять. Разобраться в них. Узнать, почему они делают то, что делают.

Доктор улыбнулся.

— Ага, мне следовало догадаться. Это ведь так очевидно.

— Э-э... да?

— Психология или социология. Может быть, ты захочешь сесть в это кресло, — усмехнулся он, похлопав по кожаным подлокотникам.

Эмма фыркнула.

— Не думаю, что у людей, страдающих тяжелой депрессией, есть возможность стать психологами, — отметила она.

Он пожал плечами, делая пометки в блокноте.

— Психологи тоже люди с такими же проблемами, что и у всех остальных. Мы просто лучше с ними справляемся.

Она прищурилась.

— Или лучше их прячете.

Её фраза заставила его оторваться от своих записей.

— Да, полагаю, нам было бы проще придумать уловки, скрывающие наши собственные проблемы. Ты всегда можешь заняться социологией, изучением общества, взаимоотношений и культуры.

— Могу поспорить, платят за это хорошо.

— Мы просто рассматриваем идеи, тебе не нужно прямо сейчас подавать заявку на

получение докторской степени, — поддразнил ее он. — Но вот что я тебе скажу: Эмма, ты умна, даже больше, чем ты думаешь. И *очень* наблюдательна, это в тебе заметили все твои врачи. У тебя хорошо получается ладить с людьми и другими пациентами. Об этом мы поговорим завтра и в ближайшие недели. Мне бы хотелось побеседовать с тобой и твоей матерью о том, чтобы где-нибудь после Нового года включить тебя в программу стажировки, таким образом, мы сможем...

И Эмма снова уставилась в окно и отключилась. Футбольные команды окончательно разбрелись, хотя крикун по-прежнему рыдал на краю поля.

Да, Эмма знала, что у нее хорошо получается “ладить” с людьми. Именно так ей столько времени удавалось вписываться в реальный мир. Но это не имело никакого отношения к реальности. Она говорила то, что от нее ожидали, и вела себя так, как от нее ожидали.

Вот почему Чёрч сумел так легко проникнуть сквозь ее защитные барьеры. Она могла говорить ему все, что угодно, вести себя так, как ей заблагорассудится, но ему было все равно. Он принимал ее такой, какая она есть. Ну или, по крайней мере, ей так казалось.

«Ты принимал меня, Чёрч? В самом деле? Или все это было лишь притворством, чтобы заставить меня сделать то, что ты хочешь? Я уже ни в чём не уверена».

Она проделала то, что получалось у нее лучше всего — пробормотала все нужные ответы на остальные комментарии доктора Розенштейна. Он закончил их беседу, затем проводил ее на выход и пригласил в кабинет Марго для небольшого подведения итогов. В дверях мать с дочерью переглянулись. Зеленые глаза — широко распахнутые и настороженные, слегка подозрительные. Карие глаза — прищуренные и пронизывающие, предостерегающие.

Потом дверь закрылась, и Эмма снова оказалась в коридоре.

— Привет, длинноногая Эмма, — послышался откуда-то позади дразнящий голос.

По её спине пробежала дрожь, и она обернулась, едва успев скрыть свое отвращение.

После того, свидетелем чего она стала днем ранее, вид Дрю Каспериана действовал ей на нервы. Когда мужчины вбивали себе в голову, что хотят трахнуть мать *и* дочь, у них в глазах сразу появлялся такой особый похотливый взгляд, словно они собой гордились. Словно это была возможность проявить себя, ну вроде как трахнуть близняшек. Два горячих члена семьи по цене одного или что-то типа того. Она никогда этого не понимала, и лично ее от этого тошнило.

С тех пор, как Эмма в последний раз видела этот взгляд, прошло довольно много времени, но то, что вспыхнуло в глазах Каспера было невозможно ни с чем перепутать. Он перепихнулся с симпатичной мамашей, и это было потрясно.

Но удастся ли ему заполучить еще более симпатичную дочь? Он явно хотел испытать свои силы.

— Привет, Каспер, — сказала она, стараясь говорить спокойно и непринужденно.

— Нам сегодня не помешала бы твоя помощь, — сказал он, между делом прислонившись к стене слева от нее, тем самым зажав ее между собой и скамейкой. — Мы устроили небольшой футбольный матч. С такими ногами, как у тебя, моя команда точно бы выиграла.

— О, спортсмен из меня никудышный, — усмехнулась она. — Длинные ноги как правило спотыкаются друг о друга.

— Все равно было бы весело. Может, как-нибудь в следующий раз, Эм? — спросил он.

— Не думаю, но спасибо за приглашение.

Она уже собиралась уходить, как вдруг он резко обнял ее на прощание, прижав Эммины руки к телу. Она подавила стон. За время своего пребывания на «Ранчо» она научилась избегать его объятий. Но всего неделя вдали от этого места, и ее защитные реакции ослабли. Она неподвижно застыла в его цепкой хватке и отгоняла прочь мрачные мысли о режущих предметах и море крови.

Его крови.

«Как вам такая фантазия, доктор Розентейн? Я вижу будущее, полное крови, расчленёнки и ужасающего понимания того, что Чёрч не превращал меня в убийцу... а просто выпустил его на свободу».

ЧЁРЧ

Сигареты горят, как она. Их дым хранит воспоминания о ней, и просто знание того, что, скатывая их, она облизывала эту папиросную бумагу, которая сейчас сминается у меня между губами...

Я не люблю курить. Но я люблю эти сигареты.

После того, как Эмму увезли в отделение неотложной помощи, после того как там появились Марго с Джерри, и она нацепила на себя маску заботливой, любящей матери, я поехал домой.

Вернулся к себе в спальню.

Стянул с кровати одеяло.

И вот она.

Один или два литра ее крови, впитавшиеся в волокна, отпечатавшиеся на хлопке.

От матраса, само собой, придется избавиться. Появится плесень, от нее заведутся клопы. А может, и ещё что похуже. К тому же, находиться там я больше не мог, а оставь я матрас, Марго бы точно его выбросила.

Неприемлемо. Никто не смеет приближаться к жизненной силе Эммы.

Поэтому я лег на кровать. Растянулся рядом с ней, вдыхая её аромат.

Эмма не могла умереть. Она бы не умерла. Я отказывался допускать даже такую возможность. Я вовремя к ней успел. Я практически все делаю идеально, и той ночью это не должно было измениться.

Но если честно... Жаль, что меня там не было. Жаль, что я не видел, как вонзилось лезвие. Как хлынула кровь. Должно быть, это было прекрасно — создавать такое внушительное пятно.

Я положил на него руку и мог поклясться, что все еще чувствовал ее сердцебиение. Еле ощутимое, но всё же оно было, стучало только для меня. Только для меня.

Я знал, что должен ее отпустить. Не по-настоящему и не навсегда. Но между нами будут стены, решетки, другие люди. У нее в голове, у меня на пути. Это всё испортит. Было бы неплохо сохранить себе это пятно. Чтобы литры ее крови всегда оставались рядом, чтобы мы

хоть как-то могли быть вместе.

Но это было неприемлемо. Может, я и социопат, но не сумасшедший.

Поэтому я вытащил матрас через заднюю дверь. Вытолкал его на задний двор. Протащил сквозь деревья и выволоч на небольшую поляну, которую сделал много лет назад, когда еще учился в средней школе, и осознание того, что я — чудовище, довело меня до пиромании.

Признак большинства серийных убийц, если вы не в курсе.

Канистра с бензином стояла на своем прежнем месте. Как и водонепроницаемые спички.

Матрас горел отлично, даже лучше, чем сигареты. Пламя с ревом ожило и поглотило сердцебиение, заставив кровь кипеть и сворачиваться. Оно превратило всё в дым и развеяло по ветру.

Иногда, когда я вспоминаю тот момент, мне хочется думать, что дым долетел до больницы. Что, возможно, всего через несколько минут Эмма его вдохнула. Возможно, они снова стали с ней единым целым. Возможно, она разделила этот момент со мной.

Теперь у меня закончились сигареты — от них остался лишь пустой серебряный портсигар. А от матраса — лишь квадрат выжженной земли.

Полагаю, это значит, что пришло время завладеть большим.

Чёрч не шевелился. У него это отлично получалось — при необходимости он мог часами стоять без движения. Обычно мать в наказание ставила его в угол, и любое, даже незначительное движение означало удар ремнем, так что он быстро научился превращаться в живую статую.

Несмотря на всю его внешнюю неподвижность, сердце Чёрча бешено колотилось. Он с трудом контролировал дыхание. Его нервные окончания вибрировали от напряжения.

Эмма спала на его кровати. Уточнение — на *новой* кровати. Пепел от старого матраса смешался с землей, и теперь покоился под слоем умирающих листьев и грязи, оставшейся после нескольких дождливых дней. Эти унесенные ветром и дымом литры ее драгоценной крови.

Теперь перед ним лежала она *вся*. Эмма откинула одеяло к ступням, ее длинные ноги доставали до края матраса. На ней была футболка — его, если он не ошибался — и трусики в цветочек. Ее волосы разметались вокруг головы, рассыпались по подушкам огромным нимбом. Одну руку Эмма вытянула в сторону, а другую — сжала и поднесла ко рту. Ее губы были слегка приоткрыты, словно, засыпая, она кашляла в кулак.

Потрясающая. Даже больше, чем, когда он впервые ее встретил. Чёрч всегда говорил ей, что она не красивая, и до сих пор так считал. Красивыми были тюльпаны или участницы конкурсов красоты. Эмма же казалась картиной Пикассо, зданием Гауди, статуей Кунса — внеземной, необычной и такой чертовски удивительной, что слово “красивая” было оскорблением.

Чёрч бросил взгляд на ночной столик. Там стоял стакан с водой и маленький пластиковый стаканчик, вроде тех, в которых раздают таблетки пациентам больниц. Он знал, что у Эммы имеется целый список лекарств, которые ей необходимо принимать. Он видел ее документы. Антидепрессанты и прочие корректирующие поведение препараты. Таблетки, помогающие ей сосредоточиться. Успокоиться.

Естественно, она ничего из них не принимала. Марго выдавала ей таблетки, но Эмма прятала их в рот, а потом просто выплёвывала. У нее в шкафу была собрана неплохая коллекция, которую она, весьма вероятно, могла бы выгодно продать.

Однако одну таблетку она все же принимала. Каждый вечер, неукоснительно.

Своё снотворное.

В самом начале ее мучений из-за кошмаров, вызванных нескончаемыми паническими атаками, таблетки стали для нее необходимостью. Теперь, казалось, она наслаждалась забытьём, что приходило к ней вместе с наркотическим сном. Чёрч мог бы разгуливать по комнате, переставлять вещи, даже включить компьютер, она бы всё равно не проснулась. Он знал все это, потому что уже много раз так делал, а она до сих пор понятия не имела, что он ее навещал.

Какое-то время он вглядывался ей в лицо, затем, наконец, отошел от кровати. Медленно ухватился за компьютерное кресло и придвинул его к краю нового матраса. Усевшись на нем

поудобнее, Чёрч вытащил что-то из кармана. Он склонился к ее ногам и, еще раз взглянув на ее лицо, провел по ногтю лаком.

— Пора просыпаться, Эмма, — прошептал он. — Посмотрим, веришь ли ты в меня.

До встречи с Эммой Чёрч никогда не красил никому ногти, никогда не делал ничего подобного. У него не было никакого фетиша относительно ног, он не питал слабости к педикюру. До нее женщины, с которыми он спал, были всего лишь перепихом на одну ночь, так что у него уж точно никогда не возникало желания сделать для кого-то из них нечто подобное.

Но в ней было что-то такое... Ещё до того, как он прижёт ее сигаретой, до того, как порезал ей живот, до ее самоубийства, до *всего этого*, ему хотелось как-то ее пометить. Хотелось видеть на ее теле что-то своё. И вот однажды он обнаружил на ночном столике Марго какой-то вульгарный красный лак для ногтей. Он напомнил ему кровь. *Идеально*.

С тех пор это стало у них чем-то вроде привычки. Моментом, когда они оба могли на какое-то время затихнуть — для Эммы довольно редкое явление — и просто сосредоточиться на чем-то несущественном. Со временем у него появилась возможность пометить ее другими, более приятными и капитальными способами, но они всегда возвращались к лаку для ногтей. Он знал, что ей это нравится, и в какой-то момент для него стало важным... ее радовать. Поэтому он продолжал это делать.

Только для нее.

После того как все десять пальцев ее ног стали темно-фиолетовыми, Чёрч убрал флакон в карман. Ему хотелось ее разбудить. Хотелось увидеть, как она улыбнется, взглянув на свои накрашенные ногти, хотелось почувствовать ее объятья. Хотелось наклониться к ней и посмотреть, как бьется у нее на шее пульс.

Но он не мог. Уж он-то знал. Как бы ему ни было трудно уступить контроль, он знал, что на этот раз все должно происходить на ее условиях. Ну или, по крайней мере, именно так ей должно казаться. Раньше она отдавала слишком много себя — он немного ее сломал. Ей необходимо взять себя в руки и поверить, что именно она выбирает свой жизненный путь.

Все это его нервировало. Ее доверие к нему было подорвано. Он знал, что Эмма слушает своего врача. Она говорит ему правду и просит его совета. Притворяясь нормальной, она *на самом деле* постепенно превращалась в нормальную.

И от этого ему стало грустно. Конечно же, у Эммы, имелись проблемы, но это не означало, что она теперь должна стать какой-то шаблонной провинциальной принцессой. Одна мысль о том, что она будет такой, как все, разбивала ему сердце, а понимание, что это он заставил ее такой стать, просто его убивало.

«Ты — творение Пикассо, которое я разорвал пополам, и теперь тебя пытаются превратить в обычную раскраску. Не позволяй им этого делать, Эмма. Вернись ко мне».

Не отдавая себе отчета в своих действиях, Чёрч встал со стула и опустился на колени. Когда он приблизился к изголовью кровати, она пошевелилась во сне. Пробормотав что-то, Эмма перевернулась на бок, лицом к нему. Он улыбнулся в темноте.

«Видишь? Эмма, твоя душа знает, что я здесь. Она ко мне тянется. Взывает ко мне. Прислушайся к ней».

Ее левая рука лежала на матрасе, ладонь свешивалась с края. Он потянулся и, осторожно ее коснувшись, погладил пальцами нежную кожу. Эмма снова вздохнула, и он внимательно посмотрел ей в лицо, но она продолжала спать.

Это было плохой идеей. Если он начнет к ней прикасаться, то уже вряд ли остановится. Но и уйти он тоже не мог. Он словно прирос к месту, так близко к ней, но всё же так далеко. Что, если завтра она окончательно выбросит его из своего сердца? Что, если ее душа больше к нему не потянется?

Он сел на корточки и долго держал ее за руку. Потом развернулся и опустился на пол. Затем лег. Он глубоко вздохнул и, не выпуская из руки ее ладони, осторожно скользнул под кровать.

Чёрч подвинулся так, чтобы оказаться прямо под ее спящим телом, и свободной рукой прислонился ладонью к пружинной сетке кровати. Представил, что чувствует ее тепло и силу. Потом прижал эту ладонь к груди и закрыл глаза.

«Я здесь, Эмма. Я с тобой. Всегда с тобой. Просто верь в меня. Не теряй веры. Дождись меня. Только дождись, и все будет хорошо».

Тяжело дыша, Эмма села на кровати и прижала к груди руку. Ей приснился сон. Сон о...

«Ни о чём. Там была одна лишь чернота. Так ведь?»

— Эмма?

Испугавшись, она дернулась в сторону и чуть не упала с кровати. В дверях спальни стоял Джерри. Он так давно не обращался к ней напрямую, что это слегка обескураживало. Так или иначе, сколько сейчас времени? Сквозь жалюзи лился солнечный свет.

— Э-э, да, привет, что? — зарывшись пальцами в волосы, пробормотала она.

— Нам скоро ехать, — напомнил он, многозначительно взглянув на часы.

Она посмотрела на телефон, пытаясь определить время. Если они хотят попасть на «Солнечное ранчо» в срок, то им следует выдвигаться туда уже через десять минут. Почему у нее не прозвонил будильник? Почему ее никто не разбудил?

— Черт, прости. Две секунды, и я буду готова, — вскочив на ноги, проворчала она.

Эмма стала оглядывать кровать и вдруг врезалась в компьютерное кресло. Она и не знала, что оно там стояло. Эмма о него споткнулась и, неловко отпрыгнув, обошла.

«Какого хрена? Я что, выкатила его перед тем, как лечь спать? Мне лучше не налегать на Амбиен».

— Хорошо. Это... хорошо, Эмма. Я знаю, что тебе пришлось... нелегко, — Джерри явно нервничал.

Он словно тщательно подбирал нужные слова. Стараясь не встречаться с ним взглядом, Эмма пронеслась по комнате, натянув на себя первую попавшуюся одежду и запрыгнув в ботинки.

— Прости за всё это, — пробормотала она, схватив щетку и проведя ею по волосам. — Я вроде как испортила твой первый год брака, это не хорошо, но я собираюсь...

Джерри поднял руку и, остановив ее на полуслове, произнес:

— Всё это не важно. Ты — вот что важно. Ты и Пол, конечно. Эмма, я никогда тебе этого не говорил, но как только я тебя увидел, подумал, что ты особенная.

Эмма так и застыла с расческой в волосах. Вот оно. Этого момента она и боялась. Джерри начнет к ней приставать, ей придется его убить, а потом приедет Чёрч и убьет ее.

«Неужели всё настолько плохо? Дорогой Санта, всё что я хочу на Рождество — это долгий, беспробудный сон...»

Но Джерри еще не закончил.

— То, как ты... всё улаживала со своей матерью. Как ты вела себя со мной и со всеми вокруг. Твоя сила и стойкость. У тебя была тяжелая жизнь, Эмма, и я понял... понял, что смогу изменить ее к лучшему. Точно так же, как ты сможешь изменить к лучшему жизнь моего сына. Я очень надеялся, что вы с ним найдете друг в друге своего рода покой. Что-то, что утешит ваши метущиеся души. Видишь ли, вы друг другу подходите. Вы двое. Я почувствовал это сразу, как только тебя увидел. Тогда я понял, что должен жениться на твоей матери, чтобы ты переехала в мой дом. Ради Пола.

Эмма вдруг осознала, что затаила дыхание. Джерри к ней не приставал. Нет, вовсе нет. Джерри говорил ей, что *понимает* ее, и понимал ее еще тогда, когда она об этом знать не знала. Он специально привез ее домой к Чёрчу.

«А он об этом знает? Знает, что его отец **выбрал меня** для него? Кто ты, чёрт возьми, такой, Джерри Логан?»

— Тогда тем более прости, — медленно проговорила она, боясь его отпугнуть. — Меня твоему сыну оказалось мало. А может быть, слишком много. Прости, что отпугнула его.

И тут произошло самое удивительное.

Джерри расхохотался.

— Ох, Эмма, — задыхаясь, произнес он и, сняв очки, вытер слезы. — Если ты думаешь, что Чёрча можно отпугнуть, то ты совершенно не знаешь моего сына.

Чёрч знал, что в основном пошел в мать. Она была довольно высокой и стройной женщиной. И он был высоким и стройным. У нее были темные, почти черные от природы волосы — и у него тоже. У нее были большие голубые глаза. У Чёрча с его сводной сестрой Лиззи тоже были большие, обрамленные темными ресницами глаза. Они во многом походили на свою мать.

Но только сейчас, глядя на сидящего в машине отца, Чёрч кое-что понял.

Без очков глаза Джерри Логана казались очень голубыми. Ярко-голубыми. Даже *светящимися*.

«У меня глаза отца. Я никогда этого не замечал».

— Как дела? — спросил Джерри, протирая стекла очков бумажной салфеткой. Чёрч молча наблюдал за его движениями. — Вне всякого сомнения, хорошо. У Эммы дела идут неплохо, ну, если ты еще не заметил. Очень неплохо. Можно сказать... *потрясающе*. У нее отличный врач. Я этого не знал, пока не посмотрел в интернете, но он, по всей видимости, очень авторитетный. Похоже, он творит с ней чудеса. Она немного растеряна, но он считает, что Эмма уже приходит в себя, обретает внутреннюю силу. К окончанию терапии ты ей уже будешь не нужен.

Чёрч заглянул в глаза Джерри, пытаясь хоть что-нибудь в них прочесть. Но, похоже, он унаследовал от отца еще одно качество — способность скрывать свои мысли и эмоции. Если Чёрч отработал свой пустой взгляд до совершенства, что ж, значит, Джерри его *изобрел*.

— Не буду нужен? Да меня здесь вообще нет, — откашлявшись, проговорил он.

Джерри фыркнул.

— Ты знаешь, о чём я. Не тупи, это тебе не идет.

— Хорошо. Значит, этот доктор убеждает ее в том, что без меня она является полноценной личностью. Не думаю, что это твоя забота, — попробовал зайти с другой стороны Чёрч.

— Наверное, не моя. Но ты — *точно* моя забота, и поскольку твое счастье и благополучие напрямую зависят от Эммы, она тоже становится моей заботой.

— Мое счастье и благополучие?

— Она не будет ждать тебя вечно, — настаивал Джерри. — Ты ведь это понимаешь, да? Она расстроена и растеряна, и этот врач твердит ей, что ей не нужен тот единственный

человек, без которого, как она думала, не может жить. В конце концов, Эмма ему поверит.

— Она этого не сделает, — выдохнул Чёрч и снова откашлялся. — *Не сделает.* Она в меня верит. Я в этом не сомневаюсь.

— Не сомневаешься? Думаю, это хорошо, но вера сама по себе не может творить чудеса. Ей нужна помощь. Немного усилий с твоей стороны. Усилий, которых я не заметил.

— Ты прекрасно знаешь, что они есть, поэтому мне не понятно, к чему весь этот разговор, — голос Чёрча снизился почти до рычания. — Не беспокойся обо мне, не беспокойся *о нас*. Тебе не известно ничего о наших отношениях. Я позабочусь обо всем так, как посчитаю нужным.

— Также, как ты позаботился о своей сестре?

Чёрч резко дернул дверную ручку и вышел из машины. Обычно он справлялся с шоком, как и с любыми другими эмоциями, но Джерри действительно дал ему под дых. Ему что, известно о Лиззи? Известно, что планировал Чёрч?

Послышалось тяжелое дыхание, и затем Джерри неуклюже поспешил за ним через парковку.

— Топаешь прочь. Чересчур драматично, Чёрч, — задыхаясь, сказал он. — Я удивлен. Эта девушка... она и впрямь тебя задела. До сих пор я не был в этом уверен.

Довольно разговоров. От этих разговоров у Чёрча одни проблемы. Он сжал губы в тонкую линию.

— Прекрасно. Залезай обратно в свою скорлупу. Это хорошо. Помолчи и обо всем подумай. *Хорошенько* подумай. В прошлый раз ты был невнимателен. Не учел, насколько она особенная. Теперь ты можешь принять это во внимание. Я всегда верил в тебя, сынок. Верил, что ты сможешь стать всем, кем только захочешь. *Кем угодно*. Теперь пришло время, чтобы *ты* в себя поверил.

Чёрч замер, но Джерри не остановился. Он прошел через всю парковку и сел в свою машину. Завел ее, затем развернул газету и ни разу не оглянувшись на Чёрча, стал читать. Чёрч долго стоял и смотрел на него.

«И как я мог сомневаться в том, что он мой настоящий отец».

Разговор с Джерри еще долго не выходил у Эммы из головы после того, как они с Марго вошли в лечебницу. Он, как обычно, остался подремать в машине.

Пока Эмма не попыталась покончить с собой, у нее имелись серьезные сомнения относительно того, что Джерри вообще заметил ее присутствие в доме. Но теперь она поняла, что он ее *заметил*. Заметил и на самом деле о ней заботился. От этой мысли ей стало очень хорошо. Этот тихий, скромный, интересный мужчина заботился о ней только потому, что считал ее особенной и подходящей для своего сына.

Он сказал, что был впечатлен тем, как она всё улаживала со своей матерью. Впечатлен ее силой и характером. Что случилось с этими качествами? Ей было стыдно в этом признаться, но месяц назад они пропали. Отчаянно пытаюсь казаться нормальной, она потеряла связь с самыми сильными сторонами своей личности. Стала бы она терпеть такого, как Каспер два месяца назад? Чёрта с два! Если бы он снова прикоснулся к какой-нибудь девушке, Эмма пригрозила бы отрезать ему яйца, а потом исцарапала бы его машину. Она бы ему противостояла.

Угрожать человеку насилием — это плохо, так поступил бы только сумасшедший. Но быть нормальным вовсе не значит закрывать на такое глаза. Нормальный человек просто нашел бы способ справиться с негодяем обдуманном образом.

Как ее учили в детском саду — если кто-то делает что-то плохое, и ты не можешь ему помешать, то должен сообщить об этом взрослому. *Вот что* было бы нормальным.

Итак, через три дня после того, как она увидела, как мать трахается с ее психотерапевтом, через два дня после того, как он полез к Эмме обниматься, и намного позже чем, когда ей следовало это сделать, она решила покончить с Дрю Касперианом, и за прибавление уверенности должна была благодарить не кого-нибудь, а Джерри.

К счастью, они приехали на «Солнечное ранчо» немного раньше, так что перед групповой терапией Эмма нанесла незапланированный визит в кабинет доктора Розенштейна. Слава богу, Марго осталась внизу, флиртовать с Каспером. В любом случае, в одиночестве Эмма чувствовала себя раскованнее. Сильнее. Увереннее. Она не давала тьме выбраться наружу, рассуждала логично и здраво и собиралась поступить *правильно*.

Она подождала в приемной, пока врач закончит с другим пациентом, а затем ее проводили к нему в кабинет.

— Эмма, я тебя сегодня не ждал. Как ты? Все в порядке? — спросил Розенштейн своим успокаивающим голосом.

Его тон всегда был мягким и одобрительным. Это уже давно ее беспокоило, она не привыкла к мягкости. И к одобрению. Такие вещи, как правило, казались ей подозрительными.

— Да, доктор, — сказала она, заправив волосы за уши.

Эмма нервничала. Раньше она никогда не делала ничего подобного. За долгие годы самого разного насилия со стороны Марго и ее компании Эмма никогда ни на кого не

стучала. Это ей было не свойственно. Поступать *разумно*.

— В самом деле? Кажется, ты нервничаешь? Что тебя беспокоит? У меня еще есть время до следующего пациента, — сказал он и, усевшись, стал рыться в ящике своего стола.

Затем вытащил ее досье и бросил его на стол.

— Это не займет много времени, — заверила она его. — Я просто... мне уже давно кое что не дает покоя.

— Давно?

— Да, с тех самых пор, как я впервые приехала на «Солнечное ранчо».

— Значит, уже примерно месяц тебе не дает покоя что-то, о чем ты мне не сказала?

— Да...

Мгновение она колебалась, потом сделала глубокий вдох. Иногда было очень легко забыть о своей прежней храбрости. От Эммы осталась лишь оболочка ее прежнего «я». От этой мысли ей стало немного грустно, но она отогнала это чувство.

— Всю жизнь меня учили, что лучше держать рот на замке. Стукачей не ждёт ничего хорошего. Но теперь я начинаю в этом сомневаться. Я хочу... Вы как-то сказали мне верить в систему, верить в свою сеть психологической поддержки. Сейчас я именно это и делаю.

— Хорошо, хорошо, Эмма. Отлично. И говорить правду — это не «стукачество». То, что ты рассказываешь мне о своей матери и о её...

— Дело не в ней, — перебила его она. — Дело в этом заведении. В Дрю Каспериане.

В комнате воцарилось молчание, и Эмме тут же стало неловко. Она отлично разбиралась в видах молчания, умела их различать и улавливать произнесенные слова. Это было нехорошее молчание.

Вообще-то, если она не ошибалась, это было очень плохое молчание.

«Постойте-ка... если что-то кажется слишком хорошим, то скорее всего оно таковым не является, а Вы, доктор Розенштейн, всегда казались мне очень хорошим человеком».

— Хорошо. Эмма, сейчас мы в полной безопасности. Ты можешь всё мне рассказать. Так что у тебя за проблема с мистером Касперианом?

— Моя *проблема* в том, что он кидается на всё, у чего есть вагина, — прямо заявила она. — Нет, не так, забудьте, он *охотится* на все, у чего есть вагина. Он использует свое положение и власть, чтобы заставить пациенток с ним спать. Это абсолютно неэтично, не говоря уже о том, что от этого просто тошнит. Я никак не могла понять, почему никто из медсестер или еще кого-нибудь ничего об этом не говорит и не предпринимает. В смысле... здесь в основном больные люди. Большинство здешних девушек с суицидальными наклонностями, а этот парень трахает их, а потом выбрасывает, словно использованные салфетки. Поэтому я подумала... может, Вы не в курсе, поскольку приезжаете сюда только раз в неделю. Но Вы ведь настоящий врач, так что сможете что-то предпринять, верно? Вы должны.

Снова тишина. Он уставился на нее так, как это делали все психотерапевты и психологи. Словно они думали, если взглянуть попристальнее, то прочтут ее мысли. Однако, на этот раз Эмма отказалась нервничать. Она смотрела прямо на него, гадая, хватит ли у него смелости произнести слова, которые, как она уже знала, должны последовать.

— Эмма, — вздохнул он, проиграв их маленький психологический поединок и переведя взгляд на свой стол. — Я хочу поблагодарить тебя за...беспокойство. Это свидетельствует об успехе. Вспомни, какой ты была, когда впервые сюда попала — не думаю, что та девушка

так заботилась бы о пациентах.

— Сомневаюсь, что я сейчас это делаю — меня волнует, что он ко мне пристаёт, и последний раз сделал это буквально на днях, — заявила она.

Доктор Розенштейн кивнул и, сняв очки, потёр пальцами переносицу.

— Эмма, Дрю Каспериан... действительно профессионал в своём деле. Он как никто другой умеет разговаривать с пациентами, расположить их к себе так, как большинство из нас просто не способно. К тому же он молодой, весьма привлекательный мужчина и, как ты сказала, занимает высокое положение, что может показаться очень заманчивым многим молодым женщинам в этом заведении.

«*Этого не может быть*».

— Вы серьёзно заявляете, что это наша вина? Как будто я все это выдумываю, и мы цыпочки просто... просто... от него *без ума*? — запнулась Эмма.

Розенштейн пожал плечами и вскинул руки.

— Нет, нет, Эмма, не думай, что я тебе не верю, просто я не считаю, что жизнь такая черно-белая, какой *ты* её видишь. Я очень хорошо знаю Дрю и обязательно поговорю с ним, а также с некоторыми нашими общими пациентками, — попытался успокоить ее он.

Ее несколько это не успокоило.

— Чушь собачья, — громко сказала она, немного его напугав. — Все это время Вы твердили мне, что я должна уметь постоять за себя. Что мне нужно верить в себя и в свою внутреннюю силу. И вот, когда я это делаю, Вы меня отшívаете. Вы не воспринимаете в серьёз ни меня, ни всех остальных девушек.

— Ну же, Эмма, ты сама знаешь, что склонна впадать в крайности. Небо не рухнет на землю, что бы ты ни думала.

Ее сознание так стремительно захлестнула чёрная волна, что Эмма почувствовала легкое головокружение. Она думала, что давно избавилась от темной Эммы, но та появилась из ниоткуда, словно ее вызвал сам доктор Розенштейн. В мысли и слова Эммы проникла тьма, и если бы ее сейчас не переполнял гнев, то она наслаждалась бы тем, насколько это *приятно*.

— Вы ещё хуже *его*, — сказала она, медленно поднимаясь на ноги.

Казалось, его смутила ее интонация.

— Прости, что?

— Вы убеждали меня, что он мне не нужен. Что он всего лишь хотел меня использовать. Что я для него не более чем какая-то вещь. Но, по крайней мере, *Чёрч* никогда мне не лгал.

— Мне казалось, мы договорились больше не называть это имя — оно было его очередным средством, иллюзией величия, которую он проецировал на тебя. Он просто Пол Логан, такой же человек, как и все.

— Нет, — покачала головой Эмма. — Он Чёрч, и он ужасный. Он использовал меня бросил и, скорее всего, никогда не любил. Но он никогда не строил из себя рыцаря в сверкающих доспехах. Не то что Вы.

— Я определенно не рыцарь в сияющих доспехах, — согласился Доктор Розенштейн и тоже встал. — И никогда этого не заявлял. Но я никогда и не убеждал тебя в том, что уж лучше смерть, чем разлука со мной. У вас с Полом было очень...

— Минуточку, — Эмма подняла руку. — Что, черт возьми, происходит? Дело вообще не в Чёрче, а в том, что Вы позволяете своему извращенцу-психотерапевту насиловать пациенток. Что Вы творите?

— Я ничего не творю. Параноя распространённое явление среди самоубийц, они...

Этот человек был ее путеводной звездой. Маяком в темноте, изо всех сил сдерживающий темные волны. Он убедил ее поверить в то, что она считала невозможным.

Убедил ее.

И теперь использовал те же самые средства, чтобы убедить ее в том, что ему хотелось.

«Вы ужасно ненавидите Чёрча, доктор Розенштейн, что весьма странно, учитывая, что Вы с ним очень похожи».

У нее в голове словно ярко вспыхнула лампочка, но не для того, чтобы что-то осветить — это лишь сгустило наполнившую ее мысли темноту. Эмма вспомнила, как в начале недели застучала мать с Каспером. Как ее впечатлило упорство Марго, которая использовала в своих интересах неосмотрительность Каспера.

У Марго это тогда прокатило.

Так что может прокатить и у Эммы.

— Вы меня выпишите, — выпалила она.

Розенштейн удивленно поморгал, затем начал медленно обходить стол.

— Что?

— Вы подпишите бумагу о том, что я здорова, — продолжила она, пятясь к другому концу стола, чтобы он не мог к ней приблизиться. — Вы скажете какой-нибудь комиссии, или комитету, или судье, или хрен знает кому, что я в своем уме, в полном порядке, что мне больше не нужен опекун.

— Эмма, разумеется, я этого *не* сделаю. У нас впереди еще много работы, — сказал он.

Она покачала головой.

— Вы это *сделаете*, или я обойду все госдепартаменты, какие только найду, и сообщу им всё, что Вы только что мне сказали, всё, что Вы пытались сделать, когда я поставила Вас в известность о сексуальном насилии над пациентками, — пригрозила она.

Какое-то мгновение Розенштейн казался огорченным, затем его лицо прояснилось.

Эмма задумалась, всегда ли он носил маску, и проклинала себя за то, что так поздно это заметила. Раньше у нее это хорошо получалось.

— Эмма, ты слишком остро реагируешь и, честно говоря, ведешь себя нелепо. Неужели ты думаешь, что кто-то всерьез воспримет твои обвинения? — спросил он, затем наклонился и взял со стола ее досье. Начал листать страницы. — Ты на протяжении долгого времени злоупотребляла наркотиками и алкоголем, и все это в сочетании с документально подтвержденным аморальным поведением. Откуда мне знать, что ты сама не приставала к мистеру Каспериану, и это не жест отвергнутой женщины, срывающей свой гнев на мужчине, который решил не принимать ее предложение?

— Черт побери, — выдохнула она и улыбнулась. По-настоящему улыбнулась. — Так и есть... *впечатляет*, доктор. Никогда бы не подумала, что в Вас это сидит. Но Вы, видимо, впервые с этим сталкиваетесь, поскольку должны понимать, что моя репутация *и так* неважная. Ещё с... о, с самого зачатия. Думаете, меня волнует, что кто-то меня не послушает? Потому что рано или поздно кто-нибудь обязательно это *сделает*. А вот у Вас и впрямь блестящая репутация. И широко известная. Вы готовы ее запятнать? Так ею рискнуть? Ради маленькой подписи на крошечном клочке бумаги, или типа того? Вы меня окончательно выписываете, избавляете от ярма в виде моей матери, и я уйду. Вы больше никогда обо мне не услышите, а Каспериан может и дальше трахаться с кем захочет. Если Вы отказываетесь — я уйду и начинаю бить во все колокола. Если я потороплюсь, то

наверняка ещё успею попасть в местные новости.

Какой странный день. От внезапного пробуждения из-за непонятого сна и полуфантастичного разговора с Джерри, до ее решимости изменить жизнь на «Солнечном Ранчо» к лучшему и шантажа ее психолога.

Молчание, наконец, изменилось. Оно стало взрывоопасным. Доктор Розенштейн был недоволен, но он понимал, что Эмма держит его на мушке. Он вел себя так, будто не знает, что делать, но она не сомневалась, что в конце концов доктор станет защищаться. Трусы всегда делают такой выбор. Наконец он вздохнул и обошел вокруг стола.

— Для этого нужно время, мисс Хартли.

«*Так я теперь Мисс Хартли, да?*»

— Не так уж много, — возразила она, встав за стулом.

— Да, но я не могу подписать документ, свидетельствующий о том, что ты чудесным образом изменилась на сто восемьдесят градусов — у меня еженедельные беседы с твоей матерью, на которых мы оба ведем записи для судебной системы. Если я вдруг изменю свое мнение, для твоего осмотра могут прислать независимого психолога, и, как бы ты ни была умна, сомневаюсь, что у тебя получится всех обмануть, — объяснил он и, сев за стол, стал делать пометки в блокноте.

— Ваши записи не могут быть такими уж плохими, за это время я *кое-чего* добилась — если, конечно, Вы не морочили мне голову.

— Я не морочил.

— Прекрасно. Тогда начнем с сегодняшнего дня. Когда Вы сегодня будете разговаривать с Марго (мне все равно), скажите, что всерьез хотите обсудить с ней мое возвращение на волю или что там еще. К Рождеству я хочу свободы.

— Я думаю, может, месяц или два, — предположил он.

Эмма фыркнула:

— А я думаю, что знаю, как общаться с социальными службами, док. «Мэм, это было ужасно, Каспериан прикасался ко мне *там*, а доктор Розенштейн ничего *не предпринял!*» — звучит убедительно, да?

Она произнесла обвинение детским голосом, от чего все стало казаться еще более мерзким, чем на самом деле.

— *Хорошо*. Хорошо, две недели, к Рождеству я тебя выпишу, — вздохнул он, потирая лицо руками. — Не хочу тебя расстраивать, но мне известно, как работает твой мозг, и, честно говоря, я делал тебе добро. У тебя хорошо получается. Через пару месяцев ты и так бы получила желаемое. Ты действительно считаешь, что так для тебя лучше?

— Нет, — согласилась Эмма. — Но думаю, что, если я ещё какое-то время пробуду здесь с ним — или с Вами, — Вы увидите, как на самом деле выглядит безумие.

— Я тебя понял. Можешь позвать сюда свою мать, мы с ней поговорим, пока ты на групповой терапии. Сегодня я также побеседую с Касперианом. Мне не безразличны здешние пациенты, надеюсь, ты это знаешь. Я с ним поговорю и дам ему понять, что необходимо быть осмотрительным.

— Быть осмотрительным, — снова рассмеялась Эмма и, подойдя к выходу, распахнула дверь. — Отличная концепция ухода за пациентами, док.

Боже, как она разозлилась. Эмма так разозлилась, что ее трясло. Она скрипела зубами, стискивала кулаки и даже так сильно поджимала пальцы ног, что в конце концов сбросила туфли. Она сунула под стул скрещенные в лодыжках ноги, надеялась, что так, самое дружелюбное привидение Каспер не заметит, как они подергиваются. Он болтал о самопомощи, о том, как важно вовремя обратиться за поддержкой, и предлагал разные книги на эту тему.

«Как же мне хочется треснуть одной из этих книг по его тупой башке. Так сильно, чтобы можно было посмотреть, есть ли у него вообще мозги, или ему в череп по позвоночнику тупо тянется член».

— Как ты? — прошептал Райан.

Он, как всегда, сел рядом с ней, но Эмма не обратила на него внимания.

— Прекрасно, — ответила она, кусая ноготь большого пальца.

— Выглядишь ты не прекрасно. Ты выглядишь так, словно...

— Эмма! — прогремел на всю комнату голос Каспера. — У тебя есть что добавить?

Райан подавил смешок, и она заметила, что все в комнате делают то же самое. Это казалось полнейшей глупостью, Эмме нечего было добавить. По крайней мере, раньше.

Но, глупые людишки, прежней Эммы больше не было. За дело взялась темная Эмма, и именно она сейчас широко улыбалась Касперу.

— Да, у меня есть кое-что, о чем я хотела бы поговорить, — ответила она.

Каспер был стрелянным воробьем, но даже он не мог скрыть отразившегося у него на лице шока. Все уставились на нее.

— Эм, что ты делаешь? — прошипел краем рта Райан.

— Рад это слышать, Эмма, — Каспер жестом попросил ее продолжать. — Так что у тебя на уме?

— Секс, — просто ответила она.

Сидящий рядом с ней Райан издал сдавленный звук. Надо отдать должное Касперу, ему удалось сохранить серьезное выражение лица.

— Хорошо. Секс и наше отношение к самим себе действительно очень взаимосвязаны, правда? — сказал он, оглядев группу.

Несколько человек кивнули. Большинство уставилось в пол или на Эмму.

— Совершенно верно, — кивнула она. — И мне известно, что таким как я, с моими проблемами, нужно воздерживаться от секса, но это очень сложно.

— Да. Желание погрузиться в новые отношения может быть...

— Меня не интересуют отношения, я просто хочу секса, — не сводя с него глаз, проговорила Эмма. Она почти улыбнулась, когда он громко сглотнул. — Большую часть жизни секс был для меня чем-то вроде отдушины. Кто-то ходит в спортзал, кто-то рисует, а мне нравится заниматься сексом.

— Хорошо... да... да, я понимаю это чувство. Секс — это нормально и естественно, и никто не говорит, что ты никогда больше не должна им заниматься, но, возможно, было бы целесообразно провести более глубокий анализ твоего... эм... *состояния* и понять, готова ли ты к чему-то такому, как... сексуальная активность, — предположил он.

Ее тошнило от его банальностей. Вместо этого она застенчиво ему улыбнулась.

— А ты мог бы провести такой анализ? — спросила Эмма, поигрывая прядью волос и рассеянно накручивая ее на пальцы.

— Мог бы... да, я квалифицированный специалист. Давай продолжим занятие с группой, а потом мы с тобой это обсудим, хорошо?

Они перешли к другим вопросам, и Эмма по большей части отключилась, стараясь не обращать внимания на тихий голосок у нее в голове, который не переставая спрашивал ее, какого хрена она делает. Этот тоненький голосок принадлежал доктору Розенштейну и теперь ничего для нее не значил. Так почему бы не прислушаться к другим голосам? Пусть контроль ненадолго захватит темная Эмма и порочный голос Чёрча.

Когда терапия закончилась, Эмма собиралась встретиться один на один с дружелюбным извращенцем Каспером, но у Райана, видимо, были другие планы. Он схватил ее за руку и так резко поволок из комнаты, что Эмма едва успела подобрать с пола туфли. Держа их в одной руке, она последовала за ним.

— Что все это значит? — настойчиво спросил он, практически впихнув ее в спортзал.

— А то, что я сыта по горло этой гребаной психушкой. Я отсюда сваливаю, — фыркнула она.

— Сваливаешь? Эм, да ты уже свалила.

— Не совсем. Я на длинном поводке, но я все еще здесь.

— Неважно, — проворчал он, пристально глядя на нее. Как будто она его сильно расстроила. — Просто я подумал... мне показалось, что ты к нему подкатывала. Ты к нему подкатывала? Потому что я этого не вынесу. От одной мысли, что ты с ним... он с тобой... *Господи*, блевать охота.

— Не только тебе, — вздохнула она. — Ты привел меня сюда, чтобы отругать? Потому что мне не нужна вторая мать, мне по горло хватает той, что уже есть. Обо мне не беспокойся, я знаю, что делаю.

— Надеюсь, что так и есть, потому что я достал то, что ты просила, — сказал Райан, оглядывая комнату.

— Что? — пытаюсь вспомнить, спросила Эмма.

— Тебе было нужно досье Каспера, — сказал он.

Ее брови взлетели к линии волос.

— О, черт, да! Ты его спёр?

— Да. Меня чуть не поймали, но я попросил приятеля включить пожарную сигнализацию. Жаль тебя там не было, нам всем пришлось...

Эмма выхватила у него папку, и голос Райана стих. Она просмотрела бумаги, просмотрела документы Дрю Каспериана, данные о его профессиональной квалификации, резюме и нечто напоминающее рекомендательное письмо. Эмма присмотрелась к последнему документу и, увидев внизу подпись доктора Розенштейна, внимательно его прочла.

«... Став моим шурином, мистер Каспериан стажировался в моем врачебном кабинете в Мемфисе, где у меня была возможность глубже понять и дать высокую оценку его методике...»

Эмма смяла в руках края папки. *Шурин?* Так вот почему Розенштейн его защищал. В папке были и другие документы, заметки из отдела кадров, в которых упоминались поступающие от пациенток жалобы на Каспериана — большинство из них были отклонены

из-за отсутствия доказательств. Кроме того, там находились справки от доктора Розенштейна, ставящие под сомнение психическую стабильность обвинителей. Эмма была не первой, чьи жалобы проигнорировали, и если бы все продолжалось по-старому, то и не последней.

«Ну, это мы еще посмотрим».

— Серьезно, Эм, ты ведешь себя странно. Страннее, чем обычно, — усмехнулся Райан.

Эмма взглянула на него, потом поняла, что он встал рядом с ней. Слишком близко, так, словно пытался втянуть в себя весь ее воздух. Или, учитывая то, как он таращился на ее грудь, возможно, хотел уткнуться ей в рубашку. Она закатила глаза и отступила назад.

— Да. Да, сегодня просто выдался тяжелый день, знаешь, — вздохнула она, приподняв рубашку, чтобы засунуть папку в задний карман брюк. — Спасибо за помощь, правда. Когда-нибудь ты отсюда выйдешь, и я куплю тебе выпить.

— Эм, у меня зависимость, я не могу выпить, — рассмеялся он.

Эмма поправила в кармане папку и направилась к двери.

— *Какая разница*, тогда я сниму тебе проститутку.

Все еще поправляя рубашку, она вышла в коридор, и тут же встретила взглядом с Каспером. Он стоял в дверях общей комнаты и разговаривал с Марго, но его глаза были прикованы к Эмме. Вернее, к ее обнаженному животу. Затем его взгляд скользнул к чему-то у нее за спиной, и Каспер ухмыльнулся. Из спортзала вышел Райан, закрыв за собой дверь.

«Неужели он действительно думает, что я просто заскочила в абсолютно открытый спортзал, чтобы, можно сказать, у всех на виду потрахаться с другим пациентом? За кого он меня принимает — за себя?».

— Боже, Эм, что у тебя с головой? — засмеялся Райан, и Эмма почувствовала, как он погладил ее по руке.

Она повернулась, чтобы на него рявкнуть, устав от того, каким приставучим он становится, но увидела, что Райан протягивает ей туфли.

— Ты оставила их на полу. Ты в последнее время определенно странная, *определенно*.

— Я не странная, а рассеянная, — поправила его она, забрав у него туфли.

— Ах вот как? Ты опаздываешь на групповую терапию, потом начинаешь говорить о сексе с мистером Сексуальным Маньяком, а потом уходишь без обуви. И с каких это пор ты начала делать педикюр? С тобой явно что-то не так.

— О чем ты говоришь? Я не делаю педи...

Эмма опустила глаза на свои ноги, и ее голос затих. Она прерывисто выдохнула, и почувствовала, как у нее онемело все тело.

Ее любимое ощущение.

Туфли выскользнули у нее из пальцев и со стуком упали на пол.

— Эм? Эм? Эмма? Ты в порядке? Эй, Эмма, приём! Приём!

Этим утром она так торопилась. Даже не посмотрелась в зеркало, не взглянула на себя. Не обратила внимания. Иногда она задавалась вопросом, а обращала ли она вообще когда-нибудь внимание.

— Серьезно, Эм, это всего лишь ноги. Аууууууууу?

Она не ответила. В это мгновение ее даже не существовало. Вся ее вселенная сосредоточилась на десяти пальцах ног. На десяти ногтях, которые с профессиональной точностью были окрашены в глубокий, насыщенный фиолетовый цвет.

— Эмма! — Райан положил руки ей на бедра и слегка встряхнул. — Что с тобой? С

ними что-то не так?

Эмма ни разу в жизни не красила ногти на ногах. Конечно, раньше она делала педикюр, но не в последнее время. Возможно, у нее были проблемы с мечтами и действительностью. Ее реальная и воображаемая жизни иногда пересекались. Но, в конце концов, Эмма знала, что реально, а что нет.

Она знала, что не красила ногти, и была абсолютно уверена, что ни Джерри, ни Маргс не пришло бы в голову пробраться к ней в комнату, чтобы их накрасить. Оставался только один человек. Один человек, одержимый навязчивой идеей оставить на ней свой след. Один человек, который сейчас должен был находиться на другом конце страны.

Один человек, который велел ей ждать знака.

ЧЁРЧ

Я ещё не закончил.

Но уже очень к этому близок.

И мне определенно надоело ждать.

Надоело играть в игры.

Надоело слушать всех, кроме себя.

Надоело молчать.

Эмма сидела на диване в кабинете, подтянув к груди колени. Ей не хотелось находиться в его комнате, ей хотелось тишины. Пустоты. Она уставилась на свои пальцы. На идеально нанесённый лак.

«Я никак не могла сделать это сама и не вспомнить. Не во сне. Не так безупречно. Это невозможно».

— Ужин через час, — бросила Марго, проходя мимо двери.

— Можно тебя кое о чем спросить? — крикнула в ответ Эмма, напугав их обоих.

Марго обернулась и заглянула в кабинет.

— В чем дело? — с подозрением спросила она.

Эмма решила, что это не удивительно. Теперь они с Марго разговаривали только в случае крайней необходимости.

— Я просто... пытаюсь кое-что понять, — решила она польстить тщеславию матери. — И я подумала, может, ты сможешь мне помочь.

— Что ж, попробую, если ты не будешь грубить, — вздохнула Марго и, проществовав в комнату, присела на краешек дивана.

— Я знаю, что со мной было трудно, и что последний месяц выдался нелегким, — начала Эмма, сглотнув подступившую к горлу желчь от необходимости задабривать мать. — Но сейчас я делаю все, что только в моих силах, чтобы все было как надо.

— Сегодня я виделась с доктором Розенштейном, и он говорит, что замечает постоянные улучшения в твоём поведении и восприятии, — ответила Марго.

Эмме удалось сдержать улыбку.

— Хорошо, я рада. Мне тут пришло в голову, вы, ребята, сказали это... э... Пол все это время был в Нью-Йорке, верно? Он уехал сразу после происшествия?

— Эмма, ты ведь не настолько глупа, чтобы снова связаться с этим парнем. Может мне...

— Нет, я знаю, — подняла руку Эмма. — Я не собираюсь его выслеживать. Я просто хочу убедиться, что он действительно там.

— А с чего ты взяла, что он не там?

— Не знаю, просто... у меня иногда возникает такое чувство.

— Ну, Джерри сказал мне, что на прошлой неделе разговаривал с ним по телефону, и Пол собирался на занятия, так что да, он на самом деле там. Он уехал через день или два после того, как ты вспорола себе ногу, — объяснила Марго.

— А. Ясно. Хорошо. И он вообще не возвращался?

— Нет. Из того, что мне известно, он не хочет возвращаться домой.

Эмма посмотрела на свои ноги.

— Мама, — выдохнула она, но тут же спохватилась. — Марго. Как тебе это удастся?

— Удастся что? На это уйдет весь день, Эмма? У меня есть своя жизнь, ты знаешь.

— Как ты... ты была со столькими парнями.

— Эй!

— Как ты удерживаешься от того, чтобы стать их частью? Как удерживаешься от того, чтобы в них не влюбиться? — продолжала она.

Марго так долго молчала, что Эмма наконец взглянула на нее. Мать смотрела на свои выкрашенные в пастельно-розовый цвет ногти. Потом посмотрела на пальцы ног дочери, очевидно, заметив ее педикюр.

— Это очень легко, — наконец ответила она, вставая. — Я никогда не забываю о том, что на свете есть всего один человек, которому я могу полностью доверять. Всего один человек, которому я на самом деле не безразлична, который всегда будет рядом.

На один дурацкий, неловкий, грустный момент Эмме показалось, что мать говорит о ней.

— Я. Не важно, какие слова тебе скажет какой-нибудь мужчина, сколько у него денег или насколько он хорош в постели, он все равно тебя разочарует. Все равно тебя поймет. Поэтому я просто делаю это с ними первой и не трачу на них свои эмоции. Я знаю, что ты меня не любишь, Эмма, но тебе следует у меня поучиться — ни один мужчина не стоит твоей любви и преданности. Вспомни хотя бы свое прошлое. Ты любила своего папу, а он тебя бил. Ты любила Чёрча, а он бросил тебя, когда ты больше всего в нем нуждалась. Бесполезно. Просто беспокойся о себе, и все будет хорошо.

«Ах. Ну, конечно. Думай только о себе. Вот я дура, знала ведь, какой ответ меня ждет».

Когда Марго вышла из комнаты, Эмма решила, что на этом их разговор окончен, но тут в дверном проёме снова показалась белокурая голова матери.

— И, Эмма, *спрашивай*, прежде чем копаться в моих вещах, а потом клади их обратно. Мне не важно, даже если это просто лак для ногтей, он все равно *мой*. Ты что, думала, я не узнаю эту «Тёмную фиалку» у тебя на ногах? Не добавляй воровство в список своих «милых» привычек.

Значит он воспользовался лаком Марго. Чёрч был в доме. В комнате ее матери, в своей комнате. Наверное, везде. Наверное, пока все спали. Неужели это было в первый раз? Нет, Эмма так не считала.

— Я, эээ... прости. Я его найду и положу обратно.

— Хорошо, — кивнула Марго и уперла руки в бока. — Потому что, если это повторится, мне придется поговорить об этом с доктором Касперианом.

«Держу пари, ты очень хочешь еще разок «поговорить» с Каспером, самым дружелюбным сексуальным наркоманом».

— Он не доктор.

— Что ты знаешь? Он составляет мне компанию, пока ты в кабинете Розенштейна, он дал мне свой личный номер телефона. Я звонила ему по некоторым личным вопросам.

— Ах, — вздохнула Эмма. — Повезло тебе.

— Да. Он очень меня поддерживает в эти тяжелые времена, — вздохнула Марго, приглаживая свои вьющиеся волосы.

— Даже не сомневаюсь. А старому доброму Джерри известно об этих звонках?

— На что ты намекаешь?

— Ни на что, — Эмма быстро помотала головой. — Ничего особенного, просто не хотелось бы проболтаться. Если ты не хочешь, чтобы он знал о твоих... личных вопросах, разговорах и телефонных звонках, тогда я буду держать рот на замке.

— Ещё как будешь, — отрезала Марго. — Ты здесь только из-за Джерри, это он настоял, чтобы мы о тебе позаботились. Он заставил меня стать твоим опекуном. Будь моя воля, ты давно была бы на улице. Так что заткнись и не стой у меня на пути, а если я хочу чего-то добиться, то это мое личное дело.

Когда мать удалилась, Эмма прижала подбородок к коленям и стала вспоминать все, что только что проглотила. Думай только о себе — возможно, Марго была самой дерьмовой матерью на свете и таким же образцом для подражания, но она всегда из любой ситуации выходила победителем, так что Эмма знала, что этому у нее и впрямь следует поучиться.

Она глубоко вздохнула. Так что вполне вероятно, что Чёрч не только в городе, но и бывает в этом доме. Эмма принимала снотворное — он мог привести сюда духовой оркестр и часами играть «Макарену», она бы все равно не заметила. Но это также означало, что ему не хотелось ставить ее в известность, по крайней мере, поначалу. До этого момента. Почему именно до этого момента?

Она закрыла глаза и отмахнулась от этих мыслей. К чёрту его. Он оставил ее гнить в аду под названием «Солнечное ранчо». В аду, которым являлись Каспер и доктор Розенштейн. В аду, которым была опека Марго.

«Не ненавижу его. Люблю его. Какая нахрен разница».

Эмма взглянула на лежащую рядом бежевую папку. Когда она попросила Райана украсть досье Каспера, то не знала, что будет с ним делать. Ну или, по крайней мере, не облекала это в слова, даже мысленно.

Но в глубине души она знала, она всегда знала, чего хотела. Эмме хотелось взять все под контроль. Хотелось остановить монстра. Нет, враньё. Ей *самой* хотелось стать монстром. Хотелось своими собственными зубами и когтями ломать кости и пускать кровь. Чтобы отомстить всем своим обидчикам. Всем, кто заставил ее почувствовать себя маленькой, слабой и беспомощной.

Чёрч исчез, но, надо признать, что у нее, скорее всего, и не получилось бы никак ему навредить.

С Марго дела обстояли слишком сложно, Эмма не могла причинить ей вред напрямую, поскольку в мгновение ока вернулась бы в дурку. Или в тюрьму.

Но вот Каспер... был холостяком. К тому же он часто переезжал, вообще-то, он работал в «Солнечном Ранчо» всего три месяца. Спал с замужними женщинами. Ради собственного удовольствия подпитывался страданиями других. Он разозлил многих людей, многих людей, которые, в принципе, могли здорово ему навредить. Он был идеальным олицетворением всех негодяев из прошлой жизни Эммы, а также идеальной мишенью.

Идеальной жертвой.

Она снова устала на свои ноги и прищурилась. Это ввело ее в замешательство. Неужели у нее и впрямь такие мысли? Или это всё *он*? Боже, порой быть сумасшедшей очень непросто.

Конечно, еще до встречи с Чёрчем Эмма часто метала о том, как жестоко отомстит своим обидчикам. Но это были всего лишь фантазии. Они никогда не перерастали ни во что большее. Но Чёрч словно что-то в ней высвободил. Заставил ее осознать, что она способна на такое, чего и представить себе не могла.

«Осознаю ли я это? Или это просто яд, которым он меня заразил? Я все еще под воздействием Чёрча, стремлюсь достичь его целей, заключающих в себе смерть и разрушения? До его появления мне никогда не хотелось ранить кого-то или убить...»

...или хотелось?»

Следующие пару ночей Эмма проворочалась с боку на бок. Она перестала принимать снотворное и вместо этого прятала его вместе с остальными таблетками. Теперь, если Чёрч прокрадется, чтобы снова нарисовать ей ногти, она уж точно это почувствует.

Но он так и не пришел.

В понедельник в шесть утра Эмма села и устала на свои ноги. Лак на большом пальце уже облупился, видимо, вчера, она ударилась обо что-то ногой, хотя толком не помнила.

Черт, может, все-таки она сама их нарисовала?

Так как было еще рано, Эмма потратила дополнительное время на сборы. Секунду поколебавшись, она стёрла с ногтей лак и забралась в душ. Затем вымыла и побрила каждый сантиметр своего тела. Выйдя из душа, она даже успела высушить и уложить волосы — большая редкость. Когда Эмма, наконец, оделась и вышла в гостиную, Марго изумленно уставилась на нее.

— Боже мой, она похожа на человека, — фыркнула мать.

— Она и чувствует себя человеком, — пошутила Эмма, отбросив за плечо густую прядь волос.

— Продолжай в том же духе, и доктор Розенштейн сможет написать рекомендательное письмо в комиссию, — предупредила ее Марго.

Или умоляла. Трудно было понять.

На другом конце комнаты Джерри опустил газету.

— В самом деле?

— Ну, разве это не чудесный рождественский подарок? — вздохнула Марго. — Мы все могли бы открыть подарки, а потом ты бы отсюда съехала.

— Это так неожиданно. Эмма, ты уверена, что хорошо себя чувствуешь? — спросил Джерри.

Когда он встал, Марго, казалось, крайне удивилась, затем быстро надела маску беспокойства.

— Дорогой, доктор Розенштейн прекрасно знает, что делает, и сам мне об этом сказал. Он считает, что Эмма полностью готова стать полноценным членом общества. Милый, мы не можем вечно водить ее за руку. Думаю, Эмме будет лучше переехать из этого дома, подальше от этих ужасных воспоминаний, так ведь? — спросила она и, схватив руку мужа, сжала ее в своей.

Джерри ни разу на нее не взглянул, только не сводил глаз с Эммы.

— Нет, дорогая, мне не кажется, что это хорошая мысль. Думаю, что это дом Эммы, и здесь ей будет лучше всего, — медленно произнес он.

«Он говорит уже не с Марго».

— Это нелепо, — вздохнула Марго, но тут же осеклась. — Эмма живет здесь совсем недолго. У нее вся жизнь впереди, мы не можем держать ее взаперти.

— И всё же я считаю, что еще слишком рано. Эмма, еще слишком рано, — подчеркнул

он.

Эмма уставилась на него. Она никогда раньше не замечала, что его глаза совершенно такие же, как у Чёрча. Практически одинакового цвета. Странно, как прямо он сейчас на нее смотрел. Эмма нервно сглотнула и кивнула.

— Я знаю, что ты так думаешь, Джерри, — тщательно подбирая слова, произнесла она. — И, правда, очень это ценю. Я понимаю. Но мне пора повзрослеть. Пора мне жить самостоятельно.

Джери неожиданно вырвал запястье из хватки Марго и направился к входной двери.

— Ты не понимаешь. Никто из вас не понимает. Я буду ждать машине.

А потом он ушел, хлопнув дверью. Мать и дочь потрясенно уставились ему вслед.

— Что все это значит? — наконец, спросила Марго. — Господи, можно подумать, ты его ребенок, а не мой.

— Ну, честно говоря, он относится ко мне как к дочери гораздо больше, чем ты, — не подумав, ответила Эмма.

— Ой, ради Бога. Если бы тебя воспитывал Джерри Логан, ты бы давно умерла от скуки, — фыркнула Марго, схватив со стола сумочку. — Пока ты будешь на групповой терапии, я хочу поговорить с доктором Розенштейном.

Всю дорогу до клиники, Эмма собиралась с духом. Она не прислушивалась к другим голосам у себя в голове, к голосам Розенштейна, Марго, Джерри, Чёрча. Они все время твердили ей разные вещи. Но она их заглушила. Сейчас настало ее время, ее время. И они уж точно были ей не нужны.

Поэтому, когда примерно через час она вошла в кабинет групповой терапии, ее переполняла решимость. На сей раз Чёрч ничего не вбивал ей в голову, его голос ничего ей не нашептывал и не руководил её действиями.

Нет, Эмма пришла сюда с собственной целью. Она воплотит в жизнь свои собственные планы своими собственными способами. Теперь это было шоу Эммы, и ей не терпелось посмотреть, что из этого выйдет, и к чёрту любого, кто окажется настолько глуп, чтобы ей помешать.

— Вау, ты отлично... выглядишь, — пробормотал Райан, когда она села рядом с ним.

— А раньше я выглядела не отлично? — окинув себя взглядом, спросила Эмма.

— Эм, ты всегда отлично выглядишь, — усмехнулся Райан и, протянув руку, прикоснулся к краю ее рукава. — Даже классно. Просто сегодня ты другая. Твоя одежда, волосы, и ты что, нарядилась? У тебя свидание?

Он сказал это в шутку, но в этот момент в комнату вошел Каспер, и Эмма уставилась на него.

— Что-то вроде того, — пробормотала она и прищурилась, когда психотерапевт остановился и положил руки на плечи какой-то девушки. Он стал их массировать, что-то нашептывая ей на ухо.

— Господи, надеюсь, ты шутишь. Только не говори мне, что влюбилась в этого засранца, — простонал Райан, его пальцы потянулись к шву у нее на плече.

Эмма покачала головой.

— Нет. Нет, вовсе нет. Кроме того, у него что-то с моей мамой, — прошептала она.

— Серьезно?!

— Серьезно, — сказала она, кивнув в сторону открытой двери.

Райан проследил за ее жестом, и увидел, как Марго улыбнулась и помахала Касперу

рукой. Тот улыбнулся и помахал ей в ответ.

— А он не привередлив, — проворчал Райан. — В смысле, твоя мама горячая штучка, но... все равно. Она ведь мать одного из его пациентов.

— Наверное, это его еще больше заводит, — заметила Эмма, и он снова рассмеялся.

— Так ты прочла его досье? Мы закидаем его дом яйцами, когда я отсюда выберусь? — спросил Райан, и она наконец оттолкнула его руку, которая уже начала поглаживать ее воротник.

— Хммм? О, нет, на самом деле там не было его адреса, — солгала она. Эмма уже и забыла, что умеет врать. — Только старый, с востока. Пустая трата времени.

— Эх, облом. Может, в конце года они обновят адреса сотрудников, — предположил Райан, и она кивнула.

— Возможно.

Наконец Каспер занял свое место в центре круга и начал занятие. Он вдохновенно рассказывал о жестоком обращении и страданиях и предлагал всем поделиться своими историями.

Девушка, которой он до этого массировал плечи, со слезами рассказала о том, что её домогались. Он «в утешение» погладил ей бедро. Эмма выпрямилась на стуле и с удивлением поняла, что впервые за несколько недель у нее немного прояснилась голова.

«Ненавижу его. Хочу разрушить его карьеру. Хочу заставить его пожалеть о том, что вообще когда-то прикасался к женщине. Мне хочется сделать жуткие вещи, и я никогда не чувствовала себя лучше».

Когда занятие закончилось, Эмма немного задержалась в общей комнате. Она помогала Райану складывать стулья, смеялась и даже немного с ним флиртовала. Каспер вышел с девушкой, которую лапал, но остался в коридоре — оттуда доносился его приглушенный голос. Наконец в комнату ворвался звук, которого ждала Эмма.

Смех Марго.

— Мы пропустили что-то смешное? — спросила Эмма, когда они с Райаном вышли в коридор.

Марго отпрянула от стены, к которой прислонялась. Над ней, опираясь одной рукой о стену, склонился Каспер. Очень откровенный образ. Интимный. Неуместный.

— О, нет, просто глупая история, — хихикнула Марго и махнула рукой.

Каспер улыбнулся своей улыбкой прожжённого афериста и медленно выпрямился, словно ему нечего было стыдиться.

— Эмма, у тебя прекрасная мать. Знаешь, когда она впервые сюда пришла, я подумал, что это твоя сестра, — заметил он.

— Ах, ты! — голос Марго повысился на октаву.

— Господи, — простонал Райан, и Эмма шлепнула его по животу.

— Мы это уже проходили, — сказала она, заслужив удивленный взгляд Марго. — *Доктор Каспериан, мы можем поговорить?*

Она ни разу его так не называла. От этих слов его лицо просияло.

— Конечно, я как раз собирался в кабинет, составь мне компанию. Мисс Хартли, как всегда, было очень приятно, — сказал он, а потом набрался наглости и, приобняв Марго, поцеловал ее в щеку.

«Мисс Хартли, да? Бедный Джерри, даже не в курсе, что они уже развелись».

Когда они прошли по коридору несколько метров, Каспер положил руку Эмме на

поясницу и наклонился к ней, в ожидании ее слов.

— Прости, что сегодня на занятии ничего не говорила, — вздохнула она. — Я... я хотела, но мне было не по себе. Ты читал мое дело, уверена, тебе известно о моем прошлом.

— Да, я читал, и поэтому немного огорчился, что ты ничего не сказала. Человеку с твоим прошлым групповая терапия может очень помочь, — сказал он, поглаживая ее рукой.

У нее начала зудеть кожа.

— Я знаю, знаю. Просто мне было как-то не удобно, по крайней мере пока. Может, мы могли бы начать один на один? Может, рассказав это только тебе, я смогу рассказать это всем остальным, — предложила она.

— Думаю, это отличная идея, хотя я удивлен, что ты не обсуждала это со своим психологом, — заметил он, остановив ее у запертой двери во врачебное крыло.

— Ну, ты же знаешь доктора Розенштейна. Он милый и все такое, но он... он..., — Эмма взмахнула рукой, словно подыскивая нужные слова. — *Он не такой как мы.*

— Не такой как мы? — переспросил Каспер, оглядев коридор.

На другом конце, скрестив руки на груди, по-прежнему сидела Марго. Райан исчез.

— Ты можешь дурачить всех остальных, но я вижу тебя насквозь, — поддразнила его она. — Ты хлебнул в жизни много дерьма. И сам *натворил* много дерьма. Розенштейн — типичный выпускник Лиги плюща, который, скорее всего, ни разу в жизни не совершил ни одного проступка. Как я могу поделиться с таким человеком своими самыми сокровенными тайнами? Ты же совсем другой. Что-то мне подсказывает, что ты такой же порочный, как и мы все. Этому я могу доверять. Могу доверять тебе. Если, конечно, я не ошиблась.

Говоря это, Эмма не сводила с него глаз, а ее пальцы снова играли с прядью волос. Каспер какое-то время на нее смотрел, потом кивнул.

— Знаешь, когда ты захотела со мной поговорить, я подумал, что ты начнешь отговаривать меня от встреч с твоей матерью, — усмехнулся он.

— Если хочешь, я и это могу сделать. Она замужем и слишком стара для тебя, я думаю, ты достоин гораздо большего и мог бы найти кого-то намного красивее, намного моложе и намного лучше в постели, — смело предложила она.

— Хммм, есть кто-нибудь на примете?

— Возможно.

— Вот это перемена в поведении, Эмма, — сказал Каспериан, и она подавила желание отстраниться.

Эмма знала, что решительные действия потребуют риска.

— Скорее приспособление, — поправила его она. — Ты мне всегда нравился, но доктор Розенштейн считает, что мне не пойдет на пользу, если я буду с кем-то флиртовать. С кем-то спать. А ты такой классный, что я... я держалась на расстоянии. Но послушав тебя сегодня, я поняла, что мне все равно. То, что меня к тебе влечет, не значит, что ты не можешь мне помочь, верно?

Она видела, как в голове у Каспера вращаются винтики. К счастью, они были очень взаимосвязаны с винтиками у него в пенисе и увели его далеко от ее истинных намерений.

— Вполне естественно, что тебя тянет к твоим врачам и психотерапевтам, — заверил ее Каспер и, положив руку ей на бок, сжал его в «ободряющем» жесте. — И в этом нет ничего дурного или постыдного. Конечно, я хочу тебе помочь, и я готов сделать *все*, что нужно.

«Доктор Розенштейн был прав, я — сильная, способная личность, которая может о себе позаботиться. Держу пари, ему и в голову не приходило, что я применю эту

философию, чтобы разделить с одним из его коллег».

— Только вот, я не знаю, как это делается. У тебя здесь есть кабинет? Хотя сомневаюсь, что доктору Розенштейну это понравится, — пробормотала она.

— Да, не понравится. Психологи, как правило, территориальны, — согласился Каспер, и Эмма чуть не рассмеялась.

Территориальны? Он подыскал неправильное слово. Нужно было сказать «этичны».

— Мы всегда можем встретиться за пределами клиники, так как ты на амбулаторном лечении.

— Типа в кофейне? — Эмма сморщила нос, все увереннее натягивая на себя маску святой простоты. — Не знаю, смогу ли я обнажить душу в Старбаксе.

— Боже, нет. Слушай, мне от этой работы полагается квартира, я живу недалеко отсюда. Знаю, для тебя это слишком большой шаг, но там никого нет, никто нас не побеспокоит. Я бы за тобой заехал, мы могли бы где-нибудь перекусить, а потом побеседовать наедине у меня дома.

— По-моему, здорово, — вздохнула она. — Но... как же Марго? Она и так-то практически не выпускает меня из дома, а если узнает, что я иду к тебе, то запрет дверь и выбросит ключ.

Он широко ей улыбнулся.

— Давай, я сам разберусь с твоей матерью. Я скажу ей, что нашел для тебя в городе замечательную группу для терапии, лично ее одобрил, и что тебе действительно очень поможет городская сеть психологической поддержки. Тогда я просто подхвачу тебя где-нибудь в городе.

«Господи, неужели кто-то и впрямь покупается на эту херню? Звучит так, будто он цитирует строки из руководства по изнасилованиям для аморальных врачей».

— Это так... мило, доктор Каспериан, — выдавила она. — Было бы просто замечательно.

— Хорошо, сегодня вечером я ей позвоню. Рад, что мы с тобой наконец-то подружились, Эмма. Ты даже не представляешь, как долго я этого ждал, — вздохнул он.

А потом он сделал то, чего Эмма больше всего боялась. Каспериан притянул ее к себе. Одной рукой он крепко ее обнял, другую так низко положил ей на бедро, что его пальцы коснулись ее ягодиц. Эмма стиснула зубы и заставила себя тоже его обнять, обвив руками его шею и прижавшись грудью к его груди.

— В воскресенье? — прошептала она ему на ухо и почувствовала пробежавшую у него по плечам дрожь.

— Воскресенье идеально, — прошептал он в ответ, и Эмма наконец-то улыбнулась по-настоящему.

«О, это будет святой день».

Чёрч терпеть не мог мобильные телефоны. Как человек, который, как мог, избегал любого общения, мобильные телефоны сводили все его усилия на нет. Звонки, текстовые сообщения, голосовые сообщения, электронные письма, социальные сети — все это просто разные виды разговоров. Именно это он и ненавидел больше всего на свете.

«Ну, не совсем так — с ней разговаривать мне нравилось. По крайней мере, в конце».

Однако мобильные телефоны очень практичны. Для учебы, для того, чтобы держать руку на пульсе, чтобы вести записи. Так что, естественно, телефон у него был. К сожалению, у Джерри имелся его номер. За все эти годы Джерри ни разу ему не позвонил. Даже не написал. Он всегда ждал, чтобы сын вышел на контакт первым.

И тут на прошлой неделе — с того момента, как Эмма вернулась домой из клиники — Джерри вдруг начал ему звонить. *Постоянно.*

— Знаешь, чего я не понимаю? — наконец, ответил Чёрч на пятый звонок Джерри. — С чего ты решил, что у тебя есть основания мне звонить? Единственной такой причиной может быть Эмма, но даже этого недостаточно. Я уже знаю все, что только можно, так что, пожалуйста, перестань тратить наше время.

— То, что ты умнее всех, Чёрч, не значит, что ты умнее меня.

Это заставило его призадуматься. Джерри крайне редко проявлял агрессию.

— Нет, значит. Мой высокий IQ делает меня умнее тебя.

— И тем не менее ты продолжаешь все проёбывать.

А теперь он был откровенно шокирован. Чёрч попытался вспомнить, слышал ли когда-нибудь, чтобы Джерри матерился.

— Хорошо. Ты меня заинтриговал. В чем проблема?

— Никаких проблем. Просто проверяю самое дорогое, что у меня есть.

— Забавно, я думал, это Эмма.

— Эмма — мой подарок тебе.

«Чего?»

— Я не люблю слушать бред, — проворчал Чёрч. — Ты по делу звонил или как?

— Да. Ты в курсе, что она кое-что сделала?

— Эта информация все в корне меняет, Джерри. Да, естественно, я в курсе, что она кое-что сделала. Она много чего сделала. Сегодня утром она сорок пять минут принимала душ, это раз. На завтрак ела тост с джемом, это два. Она красиво оделась, накрасилась, сделала прическу и вовремя пришла на групповую терапию, а потом у нее состоялся очень интимный разговор с ее психотерапевтом-извращенцем. Ты имеешь в виду что-то *из этого?* — раздраженно бросил он.

Джерри долго молчал.

— Я тебя понял. Тебе известно о ее выходке?

Теперь настала очередь Чёрча замолчать.

— О выходке?

— Она что-то сделала, не представляю, что, но ей удалось убедить своего психолога написать в комиссию и освободить ее от опекунов матери. Через день или два после Рождества она сможет покинуть дом и зону нашего наблюдения, — сказал Джерри, и Чёрч понял, что отец имеет в виду не себя с Марго.

Он прищурился.

— Умная, умная девочка, — выдохнул он. — Что же ты сделала?

— Чёрч?

— Да. Да, хорошо. Все нормально. Мы все равно уже с этим закончили. Ей известно, что я здесь.

— В самом деле?

Да.

— Почему ты мне не сказал?

— Потому что тебе не нужно было этого знать. *Не звони мне больше*, — отрезал Чёрч и повесил трубку.

Он сунул телефон в карман и встал с неудобного кресла в комнате ожидания. Там стояла пара плюшевых кушеток, которые не так давили спину, но это кресло находилось рядом с раскидистым растением в большом цветочном горшке. В сочетании с развернутой перед лицом газетой это делало сидящего в главном холле лечебницы Чёрча практически невидимым.

Весь первый этаж «Солнечного ранчо» был открыт — пациенты жили только на верхних этажах, поэтому доступ туда всегда был строго ограничен.

Но на нижнем этаже семьи могли встретиться со своими близкими, поучаствовать в сеансах терапии или просто посидеть в комнатах ожидания. Здесь Чёрч имел возможность свободно передвигаться, к тому же тут было много укромных местечек, куда можно было без проблем спрятаться, если неожиданно появится Эмма, хотя он и знал, что сейчас этого никак не произойдет. Пятнадцать минут назад Джерри отвез всех домой, так что путь свободен. Чёрч прошел по длинному коридору и свернул в небольшой гимнастический зал.

Половина спортивной площадки была заполнена людьми, занимающимися чем-то вроде аэробики. Между ними ходила какая-то женщина и выкрикивала команды. На другой половине площадки проходил баскетбольный матч, который большинство игроков воспринимали слишком близко к сердцу. Два парня начали орать друг на друга, в результате один из них был отправлен на трибуны. Он поднял вверх средние пальцы обеих рук и выкрикнул несколько метких слов, но сел. Пока парень вытирал полотенцем потную голову, к нему подсел Чёрч.

— Чем могу помочь? — рявкнул парень, явно раздраженный тем, что при наличии свободных скамеек, кто-то решил сесть именно рядом с ним.

Потом он отбросил полотенце и увидел, кто это.

— Черт возьми, это ты.

Чёрч натянуто улыбнулся.

— Я тоже рад тебя видеть, Райан.

Сейчас Райан Парк выглядел намного лучше, чем, когда Чёрч впервые его увидел. Ограбление нескольких клиник метадонового лечения в плохом районе Индианаполиса, проворачивание низкопробных афер, ночевки в канализации. Он был тощим и больным и рад любой помощи. Даже если она включала в себя добровольное проживание в таком месте, как «Солнечное ранчо».

Его психические проблемы были вполне реальными, и он действительно когда-то пытался покончить с собой. Но все остальное являлось полнейшим вымыслом, от начала и до конца сочиненным Чёрчем. Просто интригующая предыстория, чтобы привлечь внимание Эммы, но не настолько, чтобы его присутствие в допотопной психушке показалось невероятным. Пока он регулярно докладывал Чёрчу о каждой их встрече, все счета Райана аккуратно оплачивались, а после освобождения Эммы от опекуна ее матери, ему было обещано приличное вознаграждение.

Она разозлится, когда узнает, что ее единственный приятель в «Солнечном ранчо» — полная туфта, но Чёрч был готов это принять. Он *не мог* не вмешиваться в ее жизнь. Его прежняя одержимость отошла на второй план, и ее место заняла Эмма. Теперь все вращалось вокруг нее, поэтому ему было необходимо всегда точно знать, что с ней происходит.

— Что ты здесь делаешь? — нервно оглядевшись, спросил Райан.

— Она дома, — заверил его Чёрч. — Нам нужно поговорить.

— Я собирался тебе позвонить.

— Тебе следовало позвонить мне час назад. Ты помнишь уговор.

— Да, — кивнул Райан и нервно облизнул губы.

— И ты знаешь, что произойдет, если ты не выполнишь свою часть сделки.

Глаза Райана метались по комнате. И если сначала он пытался понять, не смотрит ли на них кто-нибудь, то теперь, искал кого-нибудь поблизости, кто в случае опасности смог бы ему помочь.

— Да, чувак, да. Но ты должен понять — у меня нет с собой мобильного, в палате нет телефонной линии. Мне все время нужно просить на это разрешения.

— Я в курсе. И я также знаю, что ты использовал свое право на один телефонный звонок в день совсем не на меня.

Теперь Райан побледнел.

— Надо было остаться гнить на улице, — простонал он. — Я звонил ей, хотел выяснить, что она сказала Касперу. И что он сказал ей. Вот и все, мужик. Для тебя, мужик.

— Расслабься, я не собираюсь платить ещё кому-то, чтобы он следил за тобой, пока ты следишь за ней. Я был здесь. Наблюдал. Через пару недель ей больше не придется сюда возвращаться, — сказал Чёрч.

— Не придется? Она ничего такого не говорила, — нахмурился Райан.

Губы Чёрча дернулись в ухмылке. Влюбленность Райана в Эмму казалась ему почти милой. Он задумался, будет ли этот парень держаться за свою страсть, если узнает, что за эти чувства его могут убить.

— Да. Похоже, за последние пару дней она вышла из спячки. Полагаю, тебе не известно, что она сказала тому психологу, чтобы он на это согласился?

— Нет. Клянусь, я понятия не имею. Основываясь на записях в ее деле — тех, которые ты велел мне украсть — я подумал, что она собирается на некоторое время приехать сюда.

— Ну, это не так. Она что-то знает, и она никому об этом не рассказала. Скорее всего это связано с тем психотерапевтом, с Касперианом.

— Ты так думаешь? Она его ненавидит, — кивнул Райан. — Я достал ей досье Каспериана, она забрала его домой, но сказала, что в нем ничего нет.

— Она прямо так и сказала? Ничего? — переспросил Чёрч.

— Я поинтересовался, нашла ли она его адрес, решив, что ей захочется закидать его дом туалетной бумагой, яйцами или типа того, но она сказала, что в деле нет его теперешнего

адреса, — выложил Райан.

Теперь Чёрчу действительно захотелось рассмеяться. Эмме? Захочется закидать дом яйцами? У него в голове мелькнуло воспоминание о том, как она пыталась убить Лиззи. Чёрч был готов побиться об заклад, что в действительности у Эммы нет ясного представления о том, что делать с информацией о Каспере, потому что она вообще редко мыслила ясно, но, что бы она ни сделала, это уж точно никак не будет связано с яйцами или туалетной бумагой.

«Эмма, я же просил меня подождать, но ты не смогла».

— Послушай, — поднявшись на ноги, вздохнул Чёрч. — Мы закончили. Этот месяц оплачен, до Нового года ты можешь остаться здесь, но потом все это будет за твой счет.

— Подожди... что? — похоже, Райана это удивило.

— Твое проживание здесь всегда было временным. «Солнечное ранчо» — не твой дом. У тебя его нет. Ты здесь по доброй воле. Можешь просто запланировать свой отъезд на конец месяца.

— И это все? — прошипел он и, вскочив на ноги, пошел в след за Чёрчем из спортзала. — Мужик, ты не можешь этого сделать. У нас была... договоренность или что-то типа того. Ты сказал, что она, вероятно, приедет сюда весной. А теперь собираешься выставить меня на улицу в январе? В один из самых холодных месяцев?

— Это *ты* сделал себя бездомным, а не я. Я предложил оплатить все твои расходы и пребывание в этой клинике на то время, пока здесь лечится Эмма. Этого больше не происходит. Теперь твое присутствие для меня совершенно бесполезно. Мы закончили, — заявил Чёрч, выходя за дверь.

— Эй! — крикнул Райан, выскакивая из соседней двери. — Ты не можешь... не можешь этого сделать. Что, если я... что если я кому-нибудь о тебе расскажу, а? Что если я расскажу *ей*?

Чёрч замер на ступеньках. Затем медленно повернулся к Райану.

— Я сейчас серьезно, — не спеша проговорил он. — Ты считаешь, что *угрожать* мне — это удачная идея? Подумай хорошенько о своем решении.

Райан судорожно сглотнул и отвернулся. Он знал, что практически никто не в состоянии выдержать пристальный взгляд Чёрча, и Райан не был исключением. Он начал нервно постукивать пальцами по ноге и сказал:

— Я тебе не угрожаю, это было бы глупо. Я просто... не могу, мужик. Не могу туда вернуться. Не могу остаться здесь и не могу вернуться туда. Помоги мне. Знаешь, я еще тебе пригожусь. Я много чего умею делать. Могу что-нибудь достать, ты же знаешь. Украсть. Все что угодно. Я могу тебе помочь.

Чёрч не чувствовал себя обязанным Райану Парку. Он заплатил за оказанные услуги, не больше и не меньше. И все же он долго смотрел на этого долговязого парня, прокручивая в голове его слова. Чёрч любил темные, страшные вещи. Запятанные в грязь секреты. Но он знал, что лучше не пачкать руки.

Однако Райан, по-видимому, пребывал в грязи с самого рождения. Ему уже не очиститься. Чёрч ясно видел его будущее — к двадцати семи годам закончит свою жизнь сидя в каком-нибудь заброшенном гадюшнике, в полной нищете, вскрыв себе вену на руке или проглотив пузырек таблеток.

Так что, в принципе, если он сделает для Чёрча кое-какую грязную работенку, это ничего не изменит.

— Думаешь, сможешь? — спросил Чёрч, приподняв одну бровь, что, как он надеялся, являлось проявлением любопытства.

— Уверен, что смогу, парень. Уверен, что смогу. Просто скажи мне, что делать, и я все проверну. Обязательно. Обязательно, всё проверну, обязательно, — начал запинаться Райан.

— Я это проверю, — предупредил его Чёрч. — Я что-нибудь для тебя придумаю. Больше мне не звони, просто начинай готовиться к выписке.

— А мне будет куда выписываться? — спросил Райан.

— Я об этом позабочусь.

С этими словами Чёрч повернулся и, не оглядываясь, сбежал по ступенькам. Так же не оглядываясь, он вырулил со стоянки и поехал по обсаженной деревьями аллее.

«Ты уверена, что готова к этому, Эмма? Действовать по своему усмотрению? Мыслить и чувствовать без меня? Это мы еще посмотрим».

Воскресенье наступило раньше, чем Эмма успела к нему подготовиться.

Назначенная на вторник встреча с доктором Розенштейном была, мягко говоря, неловкой. Похоже, он теперь не знал, как с ней обращаться. Он попытался вести себя, будто ничего не изменилось, но после того, как она молча смотрела на него целых пять минут, наконец, сдался и сделал несколько телефонных звонков. Как только прозвенел таймер, Эмма вышла за дверь его кабинета, пронеслась мимо Марго и подмигнула Касперу.

На пятничной групповой терапии они с Каспером держались на расстоянии, но он всю неделю ей писал. Ничего конкретного, но явно зондировал почву. Эмма отвечала ему легко — возможно, кокетливо, но ничего такого, что могло бы ее скомпрометировать. Просто пациентка, которая с удовольствием общается со своим психотерапевтом.

Эмма знала, что он также пишет и Марго, впрочем, в содержании этих сообщений у нее не возникало никаких сомнений. Пока мать была в ванной, Эмма взяла ее телефон и просмотрела их СМСки. Оказалось, что у Каспера пошлые мысли, а Марго только рада исполнить все его просьбы. Фотографии члена уже были достаточно омерзительными, но увидеть в текстовом сообщении грудь своей мамы? Эмму чуть не вырвало.

«Подумать только. При обычных обстоятельствах мать бросила бы Джерри. Она переехала бы к Касперу и потащила с собой меня, потому что ей нравится делать вид, будто она меня ненавидит, но ей нужен свидетель. Нужен благодарный слушатель... Ночами он бы трахал ее, а днем пытался бы трахнуть меня, и так продолжилось бы мое убогое существование. Ага, но не в этот раз, Судьба. Катись к чёрту».

Готовясь к вечеру, Эмма ни о чем не думала. Она не знала, хорошо это или плохо. С Чёрчем у них практически все всегда было распланировано. Либо только им, либо ими обоими. Эмма решила, что будь она одна, поступила бы точно так же.

И хотя с тех пор, как она попала в больницу, голова у нее прояснилась, планы по-прежнему оставались туманными. Хотелось ли ей навредить Касперу? Если честно, Эмма не знала. Она его ненавидела. Он был олицетворением всего самого ненавистного в ее жизни, и ей хотелось просто сжечь его чучело. Но она никогда не причиняла боль никому, кроме себя.

Может, ей и его начать шантажировать? Использовать его, скомпрометировать, трахнуть, если придется, для того, чтобы... что? Свободу она уже получила. Может, заставить его уволиться? Отправить его куда-нибудь подальше, чтобы он больше не смог навредить никому в «Солнечном ранчо»? Нет, тогда он просто устроится куда-нибудь еще и снова начнет злоупотреблять своей властью. Как и многие другие мужчины в ее жизни. Такого допустить она не могла.

И не допустит.

— Посмотрим, — выдохнула она и, взглянув на свое отражение, собрала волосы в большой пучок. — Я молодая женщина, идущая на свидание со своим молодым психотерапевтом, и мы еще посмотрим, чем окончится эта ночь.

Его ложь сработала — Марго с радостью разрешила дочери посетить местную группу

психологической поддержки для страдающих депрессией. Все, что угодно, лишь бы помочь бедной Эмме. Все, что угодно, лишь бы порадовать Каспериана. Поэтому она отвезла Эмму в пресвитерианскую церковь, в которой проходили занятия, а потом сообщила, что ей придется идти домой пешком, потому что у Марго дела в городе со старой подругой.

«Кажется, мне улыбнулась удача».

Когда старый «Бьюик» скрылся за углом, Эмма повернулась и пошла к ближайшему рынку. Каспер ждал ее на краю парковки. Не на самой парковке, потому что Эмме было прекрасно известно об установленных там камерах видеонаблюдения. Ей не хотелось оставлять никаких следов их «свидания», поэтому она попросила его встретить ее у обочины.

— Ты выглядишь просто... восхитительно, — сказал Каспер. Его взгляд метался между дорогой и ее грудью.

На Эмме была теплая зимняя куртка и свитер, но, сев в машину, она сняла с себя и то, и другое, оставив лишь простую футболку с v-образным вырезом, белую, хлопковую, но без лифчика. Соски почти неприлично выделялись под тканью. Картину довершали узкие джинсы и полусапожки. Ничего такого провокационного. И все же, с ее длинными ногами, милыми чертами лица, тонкой, ведущей прямо к декольте шеей, Эмма не сомневалась, что Касперу будет сложно устоять.

Если он вообще попытается.

— Спасибо, — вздохнула она. — Для меня такое счастье выбраться из этого дома, хотя бы ненадолго.

Пока они ехали, Эмма провела пальцами по стеклу. На улице было очень холодно. Интересно, пойдет ли снег? Она надеялась, что пойдет. Снег всегда казался ей волшебством. Делаящим все вокруг чище. Укрывая все девственно чистым, ангельским покровом.

— Хочешь начать прямо сейчас? — облизав губы, спросил он. — Мы можем сразу поехать ко мне. Наверное, лучше поговорить сейчас, пока чувства свежи и...

— Я хочу пиццу, — выдохнула Эмма и откашлялась. — Или чего-нибудь типа того. Еды. И вина. Я не ела вне дома с тех пор, как попала в больницу.

«Мне просто нужно немного времени. Чтобы рассеялся этот туман. Чтобы он убедил меня в том, что на самом деле отвратителен до мозга костей. Чтобы я вспомнила о том, что все отвратительно до мозга костей. И наконец поняла, чей голос звучит сейчас у меня в голове: мой или Чёрча...»

Они поехали на юг и примерно на полпути между домом и «Солнечным ранчо» наткнулись на небольшой, переписной посёлок. (*Переписной посёлок — населенный пункт без официально определенных границ с населением свыше 1 тысячи человек — Прим. пер.*) Там не было ничего стоящего, но нашелся незатейливый бар с грилем. Каспера, похоже, одолевали сомнения, и это заставило Эмму улыбнуться. Она возвращалась к истокам. Забегаловки были для нее вторым домом, она выросла в их подсобках, благодаря музыкальным автоматам научилась разбираться в музыке, на раздражительных барменах оттачивала свое остроумие.

Когда они вошли в бар, ей в лицо ударил резкий запах дыма, от чего у нее чуть не задрожали колени. Марго выдавала ей сигареты, словно драгоценные камни. Она получала по одной в день, но легче от этого не становилось. Эмма жадно втянула носом воздух, и никотин пробудил в ней счастливые воспоминания.

Воспоминания об ожогах на бледной плоти и о парне, который хотел навсегда оставить

на ней свой след.

— Мы можем найти другое место, — предложил Каспер, вернув ее в реальность.

— Здесь *прекрасно*.

Они расположились за столиком возле столпившихся вокруг бильярдных столов байкеров, которые делали ставки на победителя. Эмма широко им улыбнулась и повесила пальто на спинку стула. Здесь никому до них нет никакого дела. Никто не обратит на них внимания.

Никто их и не вспомнит.

— Итак, скажите мне, доктор Каспериан, — начала она, когда изможденная официантка приняла их заказ.

— Брось, Эмма. Думаю, тебе пора звать меня Дрю, — предложил он.

Эмма искоса ему улыбнулась.

— Но Дрю это так скучно. Так официально. Друзья ведь дают друг другу прозвища. Что скажешь насчет... Каспера?

Он усмехнулся и потер затылок.

— Полагаю, это лучше, чем звать меня по фамилии. Что ты хочешь знать?

— Почему ты стал психотерапевтом? — перегнувшись через стол, спросила она. — В смысле... это страсть всей твоей жизни? Помогать людям?

— Думаю, можно назвать это страстью, — кивнул Каспер, слегка ухмыльнувшись, от чего еще больше упал в ее глазах, хотя она уже не думала, что такое возможно. — У меня всегда хорошо получалось разговаривать с людьми, поэтому мне казалось вполне естественным заняться этой работой.

Эмма была уверена, что обычно он так не отвечает.

— У тебя хорошо получается разговаривать с *женщинами*, — она решила перейти сразу к делу.

Каспер вскинул брови.

— Ты так думаешь?

— Я думаю, что мое присутствие здесь — явное тому доказательство.

— Я же не виноват, что такой сладкоречивый, — заигрывал он, широко ей улыбаясь.

Им принесли напитки — Эмма взяла на себя смелость и заказала за них обоих. Водка с содовой для нее и двойной бурбон для него. Чистый.

— Мы сейчас не на сеансе, — сказала она и, наклонившись к нему, продемонстрировала свое декольте. — Так что давай будем друг с другом откровенны, хорошо?

— Звучит неплохо.

— Скольких девушек из «Солнечного ранчо» ты трахнул?

Когда он резко откинулся на спинку стула, Эмма на секунду задумалась, а не перегнула ли она палку. Но потом решила, что ей все равно.

— Это чертовски трудный вопрос, Эмма. Как бы ты отреагировала, если бы я спросил тебя о чем-то подобном? — спросил он.

Эмма одарила его лучезарной улыбкой.

— Спроси ты меня об этом, я бы *завелась*, — поддразнила она. — Хочешь знать, со сколькими парнями я трахалась? С приличным количеством. Наверное, мне должно быть стыдно, но это не так. Хотя уверена, что тебе все это известно, я говорила об этом с Розенштейном. Все ведут себя так, будто это чертово ранчо — что-то вроде монастыря, но в

нем такое сильное сексуальное напряжение, что я удивляюсь, как это банда девчонок до сих пор не прикончила кого-нибудь из санитаров. Если ты этого не заметил, то ты не человек.

Похоже, ее маленькая речь его успокоила, а может, все дело было в бурбоне, к которому он пару раз приложился, пока Эмма говорила.

— Хорошо, да, конечно, я это заметил.

— Хм-м, интересно, следует мне ревновать или нет, — сказала она, постукивая пальцем по подбородку.

— Тебе следует ревновать, — ответил он. — С того момента, как ты туда попала, ты не обращала на меня никакого внимания. Я много раз к тебе подкатывал, но ничего не вышло. Ты крепкий орешек, Эмма Хартли.

«О, еще какой».

— Если хочешь самого лучшего, то придется постараться, — ответила она.

Каспер допил виски.

— Я много старался, — сказал он и, потянувшись через стол, провел по ее руке пальцем. — Конечно, пару раз хорошенькие девушки привлекли мое внимание. Но все это время ты не выходила у меня из головы. Эти длинные ноги. Эти прекрасные глаза. Мне всего лишь хотелось тебе помочь. Позволь мне помочь тебе, Эмма. Так же, как я помогал всем остальным девушкам.

У нее по коже побежали мурашки, и ей хотелось схватить его пустой стакан, разбить о стол и воткнуть осколки ему в шею. Хотелось орать до тех пор, пока сюда не примчится вся орава байкеров и не выбьет из него все дерьмо, потому что, сэр, в этих краях с дамами так не обращаются! Ей хотелось понять, почему, ну *почему* она привлекает таких мужчин. Куда бы она ни пошла, что бы ни сделала, они всегда ее находили.

Если бы у нее был пистолет, она бы выстрелила Касперу в голову прямо здесь и сейчас.

«Дело вовсе не в нем... дело во мне... Я вовсе не хотела убивать себя... Я хотела убить все, что делало меня такой... В конце концов, я вскрыла вену не тому человеку...»

— Эй, — произнесла она низким гортанным голосом, хриплым и сексуальным, хотя мыслями была далеко отсюда. — Давай закажем еще выпить, потому что думаю, мне пригодится любая помощь, на какую ты только способен.

Каспер не соврал, когда сказал, что живет рядом с лечебницей. Когда-то «Солнечное ранчо» было большим фермерским хозяйством, занимавшим несколько гектаров. Он жил в старом флигеле, перестроенном в симпатичный загородный коттедж.

«Его тебе тоже твой дорогой зять подарил? Нашел тебе работу, где ты можешь незаметно проворачивать свои делишки, дом, где тебе не нужно платить за аренду. Тебе все преподнесли на блюдечке. Деньги, работу, жильё, секс. Ты заслуживаешь, чтобы теперь у тебя все это отняли».

— Расскажи мне ещё, — выдохнула Эмма, подавив рвотный рефлекс, когда Каспер перегнулся через переднее сиденье и присосался к ее шее.

— Тебе действительно нравится об этом слушать? — задыхаясь проговорил он и обхватил ладонями ее груди, от чего Эмму еще больше затошнило.

— Меня это возбуждает, — ответила она, зарывшись пальцами ему в волосы. — Мне нужно знать, с какими конкурентками я имею дело.

Он фыркнул.

— Детка, ты птица другого полета. На прошлой неделе я заставил ту цыпочку Дженни мне отсосать.

Бедная, бедная суицидница Дженни. Это она плакала на краю футбольного поля. Наверное, она много плакала. Наверное, ей очень скоро снова придется вскрыть раны у себя на запястьях.

— Как ты ее уговорил? — спросила Эмма.

— Детка, ты такая безбашенная. Мне это нравится, — простонал он. — Это ее последний шанс. Уже пятая госпитализация. Ее семья уже дошла до ручки, пытаюсь ей помочь. Чтобы остаться здесь, она готова на все. *На всё, что угодно.*

Заказав ему еще выпивки в баре, а себе набрав еды, после бурбона номер четыре Эмма решила со всем этим покончить. Она пошла в ванную, долго смотрела на себя в зеркало, не обращая внимания на голоса у нее в голове, а потом вернулась к Касперу. Прижалась губами к его уху и попросила отвезти ее домой.

К нему домой.

Поездка была интересной. Он явно был пьян и вел машину, держась одной рукой за руль, а другой попеременно шаря то по своей промежности, то по ее телу. К счастью, до этого Эмма предусмотрительно надела свитер и куртку. Его дом находился всего в паре километров от закрытого въезда в «Солнечного ранчо», подъездная дорожка была темной и тенистой, а сам коттедж — где-то в сотне метрах от дороги.

«Просто идеально».

— А как насчет моей матери? Сколько раз ты ее трахал? — закрыв глаза, простонала Эмма.

Каспер расстегнул молнию у нее на куртке, распахнул ее и потянул за свитер.

— Тебе действительно хочется это знать? — хмыкнул он. — Это тебя заводит?

— Думаешь, раньше мы с ней не спали с одними и теми же мужчинами? — усмехнулась она и, наконец открыв глаза, уставилась на крышу машины. — Это случалось так часто, что и вспоминать не хочется.

— Я трахал ее много раз, — продолжил он, его руки, наконец, пробрались ей под одежду. — И эту цыпочку Дженни Я тоже трахну. Но ты, Эмма... ты особенная. Ты — суперприз. Такая сильная. Такая особенная. Такая красивая.

Красивая. Скольким женщинам он это говорил за годы своей работы психотерапевтом?

Откуда-то из подсознания, из какого-то темного уголка ее разума, очень знакомый голос зашептал:

«Я никогда не называл тебя красивой».

— Перестань, — громко сказала она, прежде чем его пальцы коснулись ее груди. — В смысле... пойдём в дом.

Что делать. Что делать. С Лиззи она не колебалась. Почему на этот раз все не так?

«Потому что ты, — снова раздался из пустоты ее сознания всё тот же голос. — Всего лишь половина машины, пытающаяся справиться со всей задачей. Ты не знаешь, что делаешь. Ты ничего не знаешь».

Эмма чуть не выпала из машины. У нее поехала крыша. Не дожидаясь Каспера, она направилась к его дому. Ее пальцы нервно потянулись к волосам и, вытащив из пучка

шпильки, бросили их на крыльцо.

— Мне это нравится, — выдохнул Каспер, спотыкаясь позади неё на ступеньках, когда она, наконец, распустила свой конский хвост, и длинные волосы Эммы заструились у нее по спине. Он зарылся пальцами в ее локоны. — Я часто об этом думал.

— В самом деле? — выдохнула она, защелкнув у себя на запястье браслет и наслаждаясь болью.

— Вот бы потянуть за них, — прорычал он, мягко дергая. — Поиграть ими. Увидеть, как они разметались по моим подушкам, простыням, по моей груди. Боже, ты такая красивая.

Если он еще раз произнесет это слово, она его придушит.

— Давай просто... давай войдем в дом, — предложила она, указывая на дверь. — Поговорим о чем-нибудь.

— Нет, нет, нет, — усмехнулся он и, с трудом вставив ключ, отпер входную дверь. — Время разговоров кончилось, Эмма. Групповая терапия, «Солнечное ранчо» — мы только и делаем, что разговариваем. Пора показать тебе парочку методов самопомощи.

Входная дверь распахнулась, и Эмма увидела полированный паркетный пол и теплый свет. Мебель, которой по-видимому редко пользовались. Если бы ее спросили, она бы предположила, что Дрю Каспериан редко бывает дома.

Нет, скорее всего большую часть своего свободного времени он таскался по коридорам «Солнечного ранчо».

— Спасибо, не нужно. Я просто хочу... *A!*

Тут ее резко развернули кругом, и она удивленно вскрикнула. Даже сквозь куртку и свитер она чувствовала, как ей в бицепс впились пальцы Каспера. Сжимая его. Оставляя синяки. Не успела она его послать, как Каспер обрушился на ее губы, а его язык проник ей в рот.

— Все женщины только и делают, что болтают, — простонал он, оторвавшись от нее, чтобы отдышаться.

— Ты что, издеваешься? Твоя работа в том и заключается, чтобы болтать, — заметила она.

— Да, но сейчас у меня выходной, так что за работу пора тебе, — сказал он, и Эмма почувствовала, как он потянул ее за руку. Явно желая, чтобы она опустилась на колени.

— Да, конечно, — рассмеялась она. — *Этому* не бывать.

— Эмма, ты ведь не хочешь, чтобы я сообщил о твоём поведении доктору Розенштейну? — пригрозил он, обжигая ей шею бурбоновым дыханием.

— И что же ты ему сообщишь? «Пациентка Хартли отказалась сосать мой член»? — засмеялась она.

— Пациентка Хартли *неуправляема*, — возразил он и, оттянув воротник ее свитера, стал целовать обнаженную кожу. — Она нарушает правила. Не хочет выполнять предписания. Рекомендую снова поместить ее на лечение в клинику.

— Твою ж мать, — выдохнула она, когда он прижал ее к стене всем своим весом. — Так вот как ты это делаешь. Ты не оставляешь им выбора. У тебя там свой маленький...неважно, гарем. А тем, кто тебе откажет, или посмеет жаловаться или поставить под угрозу твою работу, ты портишь личное дело. Ты и Розенштейн. Да и кто станет слушать кучку свихнувшихся дамочек?

— Я никого из них ни к чему не принуждаю. Они получают удовольствие. Это

взаимовыгодная сделка. Как и в случае с тобой. Ты здесь по собственной воле. И получишь удовольствие. Просто смирись с этим.

«Чего я тут добиваюсь? Хочу на своем опыте испытать то, о чём я и так уже знала? Найти предлог сделать то, что уже давно хочу сделать? Это просто смешно. Пора положить этому конец, Эмма».

— Каспер, отстань от меня.

Его руки опустились ей на грудь.

— Ты такая красивая.

Эмма стиснула зубы и изо всех сил оттолкнула его от себя.

Но она никогда не была особенно сильной.

— Да, да, ты мне это уже говорил, — проворчала Эмма. — Это уже не смешно. Отстань от меня!

— Ой, да ладно, все в порядке, — проворковал Каспер. Реально *проворковал*. Ее чуть не вырвало. — Я сделаю так, что тебе станет лучше. У меня дар исцеляющего прикосновения.

— Не надо мне больше твоих исцеляющих прикосновений. Отвали! *Отпусти меня!*

Теперь она уже в серьез с ним боролась, пытаясь от него освободиться. Но он навалился на нее всем своим весом, прижав к стене. Его руки шарили по ее телу, губы скользили вверх-вниз по шее.

— Поверь мне, тебе понравится, — заверил он ее.

Эмма начала кричать. Но не от страха или волнения. Сейчас ее переполнял первобытный гнев, ненависть и *чистая злость*. Она вопила, брыкалась и металась и, сумев высвободить руку, заколотила по его плечам.

— Я тебя прикончу, мать твою, — обещала она. — Я тебя выпотрошу и полюбуюсь твоими внутренностями! Я причиню тебе столько боли, что ты пожалеешь о каждой гребаной девчонке, которую когда-либо трахал...

И тут она взвизгнула. Голова Каспера будто бы просто ... *взорвалась*. Когда его кровь забрызгала ей лицо, Эмма машинально зажмурилась. Она почувствовала на губах влагу, поэтому сжала и рот.

Теперь двигалось только его тело. Он дрожал и дергался, цепляясь за нее пальцами. Нервные окончания бились до последнего, понимая, что их хозяина покидает жизнь. Он издал сдавленный звук, потом нечто похожее на слово, затем выдохнул и рухнул на нее.

Эмма, наконец, открыла глаза. Каспер еще не умер, но уже не представлял угрозы. Только не с ломом в голове.

«Боже, какие у тебя огромные глаза!»

Какое-то время она пыталась высвободиться, не зная, что делать с его еще не совсем мертвым телом, затем заглянула ему через плечо. У Эммы тут же отвисла челюсть, и она его отпустила. Дергающееся тело упало на пол, пальцы наугад цеплялись за половицы, пытаясь избежать того, что уже произошло.

— Ты, — выдохнула она. Это слово вырвалось из нее белым облаком. В доме было холодно. Входная дверь открыта. Войдя, он не закрыл за собой дверь.

— А ты ждала кого-то другого?

Этот голос. Этот *голос*. Словно ангел. Словно Дьявол. Словно все то, что она всегда хотела, но никогда не могла получить.

— Чёрч.

Он вышел из тени коридора.

Казалось, Эмма не видела его целую вечность. В жизни он был еще более внушительным, чем в ее воспоминаниях. Из-за его высокого роста Эмма чувствовала себя маленькой, а из-за широких плеч — миниатюрной. Эти голубые-преголубые глаза вырывали ей душу прямо из тела.

«Глупая девчонка, нельзя забрать то, что и так уже давно принадлежит ему».

— Ты пришел, — вымолвила, наконец, она.

Чёрч еще какое-то мгновение смотрел на нее, потом перевел взгляд на лежащее на полу тело.

— Конечно, пришел. И судя по всему, слишком поздно, — пробормотал он, подтолкнув ботинком ногу Каспера.

Увидев труп — а теперь это действительно был труп — Эмма вернулась к реальности.

Какого хрена. *Какого, мать его, хрена.* Это была ее битва. Ее война. Не Чёрча. Конечно она запуталась, съехала с катушек и ничего не планировала, но это она должна была сделать сама. А он просто ворвался и лишил ее этого. Столько времени от него ни слуху, ни духу, а потом вдруг бац, он появляется и отбирает у нее моменты триумфа.

«*Нифига не меняется.*»

— Какого хрена ты наделал?! — закричала она.

Ее внезапный всплеск эмоций, казалось, немного его удивил.

— И какого же хрена я по-твоему наделал? — спокойно спросил он, снимая перчатки.

— Ты его убил! — продолжила она.

Чёрч кивнул и, присев на корточки, стал внимательно разглядывать кровь, что хлестала из проделанной им дыры в голове.

— Естественно, я его убил. Жаль.

— Ты не хотел?

— Не так, — вздохнул он, надавив на лом.

Раздался омерзительный хлюпающий звук, и на мгновение Эмме показалось, что ее сейчас вырвет. Убийство получилось классным: кровавое месиво, что-то там еще.

— Мне хотелось видеть его лицо. Хотелось видеть, как он... *страдает.*

Ах, да. Все всегда должно вертеться вокруг Чёрча. И мечты всей его жизни — заставить человека бояться. Помучить его. И *прикончить.*

— Так не пойдёт! — вскрикнула она, снова его удивив.

Чёрч выпрямился.

— Ты не можешь просто взять и убить его.

— Прости, что? Ты уже забыла все то, чему я так старался тебя научить? — усмехнулся он. — Я могу делать *все, что захочу.*

Эмма перешагнула труп. Она поскользнулась на луже крови, но это ее не остановило. Девушка сильно толкнула Чёрча в грудь.

— Уже нет, придурок. Ты лишился этой привилегии. Это был *мой* звездный час, а ты просто его у меня украл!

Теперь он казался рассерженным.

— Эмма, и что же я, по-твоему, должен был сделать? Позволить ему *тебя изнасиловать?* Сидеть в углу и молча смотреть, как он тебя трахает? Кому-то нужно было *что-то* сделать.

— Может, у меня и был план, Чёрч!

— Эмма, мне абсолютно насрать на твой план. Твой план предполагал то, что этот хрен

тебя лапал. Это *неприемлемо*. Поэтому я сорвал *твой план*. К тому же, нам обоим прекрасно известно, что у тебя не было *никакого* плана. Это тебе не по зубам.

— Знаешь, мне не нравится такое отношение, — проворчала она. — Я уже не та малышка Эмма, которая ловила каждое твоё слово. Ты её сломил, так что теперь тебе придется иметь дело с *этой* версией.

— Я не собираюсь иметь дело с дерьмом, — ответил он, подходя к ней. — И эта версия такая же сломленная, как и предыдущая.

Это было уже слишком. Они столько времени провели врозь, упустили столько моментов. И вот эта ночь.

И хуже всего то, что он был прав. Она *и впрямь* попыталась прыгнуть выше своей головы. Вечер прошел не по плану, и её чуть не изнасиловали.

Но Эмме не хотелось, чтобы он теперь строил из себя её спасителя в сияющих доспехах. Не хотелось, чтобы её *вообще кто-нибудь* спасал, кроме неё самой. Ему этого не понять, по крайней мере пока.

Так что теперь вечер был испорчен, а обе их мечты превратились в растёкшееся по полу кровавое месиво, а она даже не могла разобраться в своих ощущениях от их встречи, потому что *чертовски разозлилась*.

Споткнувшись, Эмма отошла от трупа и обрадовалась, что позади не слышит шагов Чёрча. Она направилась к входной двери, захлопнула её и, не взглянув на Чёрча, протопала по коридору.

Добравшись до ванной, она сбросила с себя теплую куртку и полусапожки, но больше ни с чем не стала заморачиваться. У неё все наперекосяк, так какой в этом смысл? Она включила душ и все еще одетая шагнула под поток воды.

Вода у сливного отверстия сначала стала розовой, потом красивой ржаво-красной. Какое-то время Эмма смотрела, как она вращается у её ног, а потом подняла лицо к душе и крепко зажмурила глаза. Пусть вода смывает все мысли, чувства и эмоции, полностью обнажив её душу.

«Он пришел за мной. Он знал, где меня найти. Это всё реально. Нам не нужны слова. Нам вообще ничего не нужно. Мы неразрывно связаны. Теперь мы связаны во всех смыслах».

Эмма не знала, когда именно начала плакать, но, когда штора для душа резко дернулась в сторону, не попыталась скрыть слез.

— Хочешь, я расскажу тебе, откуда мне известно, что ты все еще сломлена? — нежным голосом спросил Чёрч.

— Да, — прошептала она, глядя, как он сбрасывает на пол пальто.

— Если бы ты больше не была сломленной, я не смог бы любить тебя так, как сейчас.

— Что ты имеешь в виду? — с трудом произнесла она.

Её голос был едва слышен. Надежда едва теплилась. Чёрч расшнуровал ботинки и бросил их в сторону.

— А то, что для того, чтобы мы идеально дополняли друг друга, нам обоим нужно быть разбитыми осколками. Мой кусочки не подойдут твоим, если у тебя нет таких же сколотых граней. Если ты цела и невредима.

Он говорил с ней так, словно это была самая очевидная в мире вещь. Словно всё это само собой разумеется, и какая же она глупая, что сама этого не поняла. Он медленно вошел в ванну, снова поглощая её своим присутствием. Напоминая ей о каждом мгновении, что они

провели вместе.

«Какой же он красивый осколок».

Эмма поймала губами его нетерпеливые губы, и это показалось ей лучше всех ее воспоминаний. Чёрч запустил руки ей в волосы и, держа ее голову под идеальным углом, провел языком по зубам. Она застонала, на них лилась вода, а кровь кружила вокруг сливного отверстия.

— Я скучала по тебе, — всхлипнула Эмма и отстранилась, чтобы прикоснуться к его лицу. Чтобы убедиться, что он настоящий.

— Не так сильно, как я по тебе, — простонал он и, сжав руками ее задницу, поднял Эмму над ванной. — Боже, я никогда раньше ни по кому не скучал. Какое ужасное чувство.

— И я не думала, что ты придешь, не была уверена, что ты знаешь, — пробормотала она, целуя его вдоль линии подбородка, пока Чёрч выносил ее из ванны.

— Как ты можешь во мне сомневаться, Эмма? — спросил он, пока она покусывала мочку его уха.

— Понятия не имею. Я... сумасшедшая. Сломленная.

Они пролетели по коридору и тяжело ударились о стену. Ему удалось удержать их обоих в вертикальном положении, но Эмма откинулась назад и стянула через голову мокрый свитер.

— Знаю, — выдохнул он. — *Прекрасно* тебя понимаю.

Через пару дверей по коридору находилась спальня. Может, в метрах четырех или около того. Но Эмма никак не могла оторваться от его губ, чтобы об этом сказать. Чёрч сделал пару шагов, но затем упал на колени.

Слишком далеко. Это было просто невозможно далеко. После всего того, как они столько времени провели в разлуке, *любое* расстояние казалось непреодолимым.

— Наконец-то ты это сделал, — выдохнула Эмма, когда он разорвал ее футболку. Увидев, что на ней нет лифчика, Чёрч застонал. — Сделал то, что всегда хотел.

— Нет, — ответил он, стягивая через голову свой свитер. Ее ладони тут же скользнули под его майку и стали поглаживать его твердые мышцы и упругую кожу. — Нет, *вот чего* я всегда хотел.

Чёрч сунул одну руку за пояс ее брюк и тут же проник в нее двумя пальцами. Она вскрикнула от неожиданности, дернула бедрами и поскользнулась на мокрой одежде. Но он не дал ей упасть, потому что иначе и быть не могло. Он никогда не давал ей упасть.

Началось полнейшее безумие. Борьба за то, чтобы скорее попасть туда, где они оба чувствовали себя счастливыми, пусть даже всего пару мгновений. Он с такой силой сорвал с нее джинсы, что Эмма отлетела в сторону. Чёрч стянул свои брюки к бедрам, но дальше им было уже не до этого.

Эмма сжала в кулаки руки, вцепившись в его футболку. И вскрикнула, когда он ворвался в нее, спеша оказаться в единственном прибежище, что у него было. В единственном месте, которое у него отняли.

И пока они трахались, кричали, вспоминали друг друга и занимались любовью единственным известным им способом, от гостиной по коридору медленно растекалась темная лужа крови.

ЭММА

Человек приходит к врачу.

Врач спрашивает: «Чем я могу Вам помочь?»

Человек говорит: «Доктор, мне больно, когда я вот так двигаю рукой»

И вращает рукой.

Потом спрашивает: «Что же мне делать?»

Доктор ему отвечает: «Ну, не двигайте так рукой».

БА ДА ДУМ ТИСС.

Нет, по стойте, по стойте, у меня есть кое-что посмешнее.

Девушка попадает в больницу.

Врачи у нее спрашивают: «Чем мы можем Вам помочь?»

Девушка говорит: «Врачи, мне больно от каждого удара сердца и от каждой мысли, поэтому я вскрыла себе вены и выплеснула все наружу. Я поклялась, что никогда больше такого с собой не сделаю, но, о боже, я ведь обязательно это сделаю, правда?»

И показывает им нож.

Девушка говорит: «Что же мне делать?»

Врачи ей отвечают: «Не позволяй сердцу биться, а мозгу — думать. Давай мы тебя подлатаем, а ты держи все в себе, и никогда больше этого с собой не сделаешь, потому что в следующий раз ты сделаешь это с кем-то другим».

Ха!... ну, может, это и не так смешно, как мне показалось...

Эмма сидела, согнув ноги и обхватив руками колени. Она забилась в угол дивана. Это был довольно старый диван. Из тех, что выходили за рамки просто старомодных и больше напоминали антиквариат. Она не слишком разбиралась в дизайне интерьера — возможно, из эпохи Ампира? Он был обит жатым бархатом и, видимо, когда-то выглядел очень величественно, но сейчас казался поблёкшим и потрёпанным. Изумрудный цвет выгорел до более простого оттенка зеленого, от чего создавалось впечатление, что диван исчезает. Ей понравилась и эта мысль. И диван.

«Ты тут сходишь с ума по старому, неудобному дивану, пока Чёрч там вытирает кровь — а еще думала, что становишься нормальной, ха-ха-ха».

Эмма покачала головой и, сделав над собой усилие, выглянула в коридор. У входа в гостиную виднелась пара ботинок. Ботинок, одетых на ноги, но ног Эмма не видела. Они — вместе с остальным телом — были завернуты в ярко-синий брезент, но большая его часть находилась вне поля ее зрения.

Эмма попыталась проанализировать свои чувства по поводу того, что совсем рядом с ней лежит труп. Труп человека, которого она знала и заманила сюда сегодня вечером.

Конечно же, это был дом Каспера, но все же. Это она его сюда привела. Она хотела с ним *что-то* сделать. Может, трахнуть его, а потом шантажировать. Может, просто избить его до потери сознания в надежде, что он усвоит урок. Может, отрезать ему член, чтобы он больше никому не причинил вреда.

«...Может, ты даже хотела его убить...»

Эмма прищурилась. Во время ее многочисленных сеансов с доктором Розенштейном он всегда говорил ей, что она не должна игнорировать свои чувства. Не должна принимать их как должное. Ей необходимо разобрать их на части, проанализировать и поставить под сомнение, потому что да, Эмма частенько лгала себе.

Она перебирала свои мысли одну за другой и внимательно их взвешивала. Лом рассек голову Каспера, как теплый нож масло. Удивительно, что она не пострадала — Чёрч нанес удар с такой силой, что лом вышел у Каспера из глаза и остановился всего в сантиметре от ее шеи.

Беспокоило ли это ее? Эмма нахмурилась и положила подбородок на колени. Да, ее беспокоило, что Чёрч не проявил должной сдержанности — а что, если бы он ее задел? Если бы у нее пошла кровь? Это было бы нехорошо.

Но в остальном ей все было по барабану. Она снова и снова прокручивала в голове этот образ: брызги крови, прикосновение рук Каспера, его падающее на пол тело. Эмма ожидала, что в какой-то момент почувствует в себе перемену. Отвращение. Страх. Но ничего подобного. Она ощущала... то же самое. Радость от того, что эта напрасная трата хромосом больше никого не беспокоит. Злость от того, что ему создали все условия, при которых он мог причинять боль людям. Что ему было *разрешено* причинять людям боль. *Разрешено*. Боже, Эмма просто зверски разозлилась.

«Разозлилась, потому что это не я его прикончила».

— Как ты узнал, где я? — спросила она, ее голос прозвучал, как глухой скрип. Почти как дверь на несмазанных петлях.

Чёрч поднял голову, но Эмма на него не взглянула. Она продолжала смотреть на ботинки.

— А ты не догадалась? — ответил он вопросом на вопрос и, выжав половую тряпку, бросил ее в коридор.

Это была его тряпка, он достал ее из машины, пока Эмма принимала душ.

— Я об этом вообще не думала.

— *Враньё.*

— Я даже не знала, что ты в городе, пока не увидела лак на ногтях, — раздраженно бросила она, взглянув наконец на него.

Чёрч стоял на четвереньках и внимательно рассматривал доски пола.

— Мне сказали, что ты в Нью-Йорке. Что я должна была думать?

— Ты должна была думать о том, о чем я велел тебе думать.

— Чёрч, — вздохнула Эмма, потирая лоб.

Секс был эйфорическим. Она даже плакала. Но теперь кайф давно прошел, и Эмма чувствовала что-то похожее на отходняк. Все неправильно, хреново и шатко, и не ясно, дунуть ли ей еще раз, или опять попробовать завязать? Но на этот раз уже сто пудов навсегда!

— Где ты был? Явно, где-то рядом, — снова начала она.

— Ты так думаешь?

— Я так *знаю*. Ты бы не прилетел в город только для того, чтобы сделать мне педикюр. Я также полагаю, что тогда ты уже не в первый раз приходил в дом. Тогда ты в первые дал мне об этом знать.

— Я был рядом, — наконец согласился он.

Эмма раздосадованно вскрикнула и запустила в него диванной подушкой.

— Теперь всё не так, как раньше! — заорала она. — Я уже не та глупая сучка, и ты не можешь просто держать рот на замке, ожидая, что я просто со всем соглашусь.

— И почему же?

Эмма бросила в него еще одну подушку.

— *Потому что ты меня сравнял с землей!* — вскрикнула она. — А потом бросил, и хоть ты и сказал, что это к лучшему, но я думаю, что от этого у меня еще больше поехала крыша, потому что теперь я слышу все эти голоса, и не знаю, кому из них верить. Так что извини, но мне действительно нужны кое-какие ответы, ясно? Я что, так много у тебя прошу?!

Эмма чувствовала, что буквально трещит по швам, но Чёрч выглядел так, словно собирался на собеседование. Он неторопливо раскатал рукава рубашки и застегнул манжеты, едва заметив ее всплеск эмоций.

— Как насчет того, чтобы заключить сделку? — предложил он.

Эмма прищурилась.

— Твои сделки плохо для меня заканчиваются.

— Давай просто переживем сегодняшней вечер, идет? Если мы выберемся отсюда, не оставив следов, придумаем, что с ним делать, и доберемся до дома целыми и невредимыми, тогда мы сможем поговорить.

— *Нормально* поговорить, — поправила его она.

Чёрч долго на нее смотрел.

— Мы сможем поговорить о чем угодно. Обо всем, — заверил он ее. — О том, что произошло ранее и что случится потом.

— О, ты уже все спланировал, да?

— Вовсе нет. Но вместе мы сможем с этим разобраться.

Эмма уставилась на него в ответ, и вокруг них повисло гробовое молчание. Было так странно в живую слышать его голос. В ее воспоминаниях Чёрч почти всегда молчал. Он всегда был не слишком разговорчивым. Голос у нее в голове казался совершенно бестелесным. Он появлялся откуда-то из темноты и обволакивал ствол ее головного мозга. Видеть и слышать, как слова срываются с его настоящих губ, было сродни безумию.

«Я реально тронулась. «Солнечное ранчо» мне ничуть не помогло — после него стало только хуже».

— Не припомню, чтобы ты был таким милым, — проворчала она.

— Эмма, прошло всего пять недель, а ты ведешь себя так, будто меня не было хрен знает сколько лет.

— Тебя когда-нибудь упекали в лечебницу? Мне реально показалось, что прошло хрен знает сколько лет.

— Аргумент принят. У меня... были дела.

Слышала ли она когда-нибудь более страшные слова?

— Дела, которыми ты так увлёкся, что не мог передать мне записку, позвонить или хотя бы сообщить о своем приезде Джерри? — спросила она.

Чёрч склонил голову набок.

— С чего ты взяла, что он не знает?

Эмма опустила голову на колени и закрыла глаза.

— Конечно же, он знает, — выдохнула она. — Это только глупая Эмма всегда узнает обо всем последней. Всегда позже всех врубается.

— Помнится, всего час назад, или около того, кто-то плакал и говорил, что я ее вторая половина, — его голос прервал ее праздник скорби.

Эмма поморщилась.

— Это говорили эндорфины. Я... я не знаю...

Она замолчала, и, к счастью, Чёрч не стал настаивать. Одно дело выболтать свои мысли, когда он трахает ее на полу. Совсем другое — быть в трезвом уме и твердой памяти и помнить, какой брошенной она тогда себя чувствовала. Как одиноко ей было без него. Она не вернется к старым ошибкам. Не может. У нее больше не хватит крови.

В комнате послышались его лёгкие шаги. Эмма подняла голову и увидела, как он открыл входную дверь и вышел на улицу, держа в руке мокрую тряпку. До нее донесся звук, похожий на щелчок открывшейся двери багажника, затем Чёрч вернулся в дом. Дверь за ним осталась открытой.

— Я понимаю, что ты слегка переволновалась, — медленно проговорил Чёрч.

Эмма сердито на него зыркнула. Он никогда раньше не вёл себя с ней снисходительно, и ей это не понравилось.

— И, возможно, сегодня все пошло не так, как мы ожидали, но дело уже сделано, и теперь нам нужно это уладить. С нашими делами мы можем разобраться позже, а с *этим* — сейчас. Ну как, справишься?

Чёрч сказал это в вопросительной форме, но Эмма знала, что он не спрашивал. У нее не было выбора. В коридоре лежал труп, который не собирался уходить самостоятельно. Эмма вытерла лицо и встала.

— И что же мы будем делать? — спросила она, прижимая руку ко лбу.

— Мы погрузим его в мою машину.

— А что потом?

— А потом отвезем его домой.

— А потом?

Чёрч долго и пристально на нее смотрел.

— Если бы ты *меня послушалась*, и проявила терпение, мы бы не попали в такую переделку. Думаешь, я этого хотел? — сказал Чёрч, указав на тело Каспера. — Думаешь, я так представлял себе этот момент? Нет, но с этим покончено, и теперь мы должны всё уладить. *Мы*. Бери его за ноги.

— Я не просила тебя его убивать, — отрезала Эмма и, сделав, как ей велели, схватила Каспера за выглядывающие из-под брезента лодыжки. — Я тоже этого не хотела.

Чёрч вздохнул и поднял верхний конец завернутого в брезент трупа.

— Эмма, если от этого тебе станет легче, можешь считать меня главным злодеем. Отлично. А теперь пошли.

Все время, пока они неловко вытаскивали мертвое тело из входной двери и несли его по ступенькам, она, открыв рот, смотрела на Чёрча.

— Это не я проломила ломом чью-то голову! — прошипела она сквозь стиснутые зубы, когда их ноги зашуршали по гравию подъездной дорожки. — Я тебя об этом не просила. Я никогда ни о чем не просила.

Они остановились позади темного внедорожника, и на секунду Эмма задумалась, что стало с его дерматиновой Хондой «Цивик». Потом задняя дверца с писком открылась, и они запихнули труп на заднее сиденье. Эмма отступила назад, пока Чёрч поправлял ему ноги, проверяя, все ли в порядке.

— Хочешь знать, что я на самом деле думаю? — тихо спросил он, с размаху захлопнув дверь.

Обернув шею длинным красным шарфом, Чёрч повернулся к ней.

— Хочешь, чтобы это произошло прямо сейчас?

— Мне все равно, я..., — зашпорила было она, но слова застряли у нее в горле, когда он вдруг протянул руку и застегнул молнию на ее зимней куртке.

Ее одежда была еще влажной после душа, и холодный ночной воздух пробирал Эмму до костей. Она и сама не осознавала, что дрожит.

— *Это* было твоим планом, — выдохнул Чёрч, и принялся застегивать на ней все пуговицы до самого подбородка.

— Что?

— Ты *хотела*, чтобы это произошло, — продолжал он, вытаскивая из кармана своего пальто другой шарф. Когда Чёрч обмотал им её шею, шерсть показалась Эмме грубой и колючей. — Ты ненавидела его и все, что он олицетворял, и считала, что он заслуживает смерти, и в глубине души хотела, чтобы это произошло. Просто ты боялась сделать это сама. Ты ждала, что я об этом позабочусь. Так я и сделал. Эмма, я делаю для тебя всё, и так редко слышу слова благодарности.

Ах. Теперь его голос был похож на тот, что звучал у нее в голове. Он заправил концы

шарфа в ее куртку, а затем обошел машину и забрался внутрь. Завел двигатель. Эмма застыла как вкопанная, уставаясь на то место, где он стоял минуту назад. Этот коварный голос, эти цепкие глаза, такие же дурманящие, как и в ее воспоминаниях. Все это пыталось убедить ее в том, о чем она никогда раньше не задумывалась.

Так как ей отделить правду от всей его лжи? Он хотел, чтобы Эмма почувствовала себя виноватой? Будто она была его сообщницей, а не невинным свидетелем? Это не могло быть правдой — она даже не знала, что он появится. Даже не знала, как он их нашел. Естественно Эмма не планировала убивать Каспера собственными руками и уж точно не думала о том, что его убьет Чёрч. Так в чем же ее вина?

«Лгунья, лгунья. Ты знала, что Чёрч в городе. Знала, что он был в доме, был в своей комнате. Смотрел, как ты спишь. А значит, ты знала, что он наблюдал за тобой и в остальное время. В любой момент. Всегда. Конечно же, ему было известно о твоём сегодняшнем свидании. Так же, как и тебе было известно о том, что он обо всем за тебя позаботится. Что когда всё слишком усложнится, потому что оно всегда усложняется, так ведь, Эмма? Он вмешается и решит все твои проблемы».

По ее щеке скатилась слеза. Когда она вышла на улицу? Минуту назад они разговаривали в доме, а потом... она помогла ему вынести труп. Труп. А Эмма этого даже не заметила. Она спорила с Чёрчем и продолжала двигаться так, словно они вытаскивали ковер или типа того. Она не почувствовала себя странно.

Эмма перевела взгляд на ночное небо. Тучи сгустились, закрыв звезды. Она быстро заморгала, пытаясь сдержать подступившие слезы. Эмма расстроилась не из-за Каспера. Он был ужасным человеком. Скорее всего, без него мир станет гораздо лучше, и, честно говоря, ей было все равно.

Нет, она расстроилась из-за того, что *хотела* его смерти. Ей хотелось, чтобы он испытал боль. Море боли. Хотелось, чтобы он посмотрел ей в лицо и понял, что то, за чем он так охотится стало его концом.

Но этого не произошло, потому что она была слишком напугана, чтобы это признать. Боялась поглубже в себя заглянуть и разобраться в своих мыслях. Она провела кучу времени на кушетке психолога, сидя на занятиях групповой терапии, и ради чего? Чтобы стать нормальной? И что, блядь, это нормально?

Чёрч давно смирился с тем, что он чудовище. Он даже в какой-то степени это принял. Эмма оказалась слабой, и когда от нее потребовались реальные действия, не смогла сделать того же самого. Это был ее звездный час. Ее акт мести. Ее шанс оставить после себя разрушения.

И все же, когда наступил решающий момент, она не смогла этого сделать. Чёрч тут же все взял в свои руки, и она ему позволила. Отступила назад и снова дала жизни пройти мимо нее.

«Когда-нибудь я проснусь. Когда-нибудь я оживу, наконец-то стану собой и смогу сделать что-то невероятное. Мне просто нужно подождать. Просто нужно обрести веру».

ЧЁРЧ

Сказать, что все пошло не по плану, было бы... небольшим преуменьшением.

Конечно же, все, что так или иначе касалось Эммы, всегда шло не по плану.

Она всегда выбивала меня из колеи. Именно этого я старался избегать всю свою жизнь.

Быть социопатом — это одно. Люди думают, что это «круто», и я не могу с этим не согласиться. В принципе, я не испытывал по этому поводу каких-то особых чувств. Поэтому, ну, социопатия. Мне кажется, что отсутствие эмпатии повышает мою способность к концентрации, благодаря которой я справляюсь со всем быстрее, ловчее и умнее.

Как ни печально, но это также позволяет мне не волноваться, когда я причиняю людям боль, не важно, физическую или эмоциональную. Мне просто не приходит в голову об этом волноваться, но зато приходит в голову попытаться притвориться.

Но быть *психопатом*? Нет. Это не «круто». Это нисколько не круто. Буйный анархист, неспособный понять разницу между правильным и неправильным, хорошим и плохим? *Так не пойдёт.*

Иногда мне кажется, что с тех пор, как в мою жизнь вошла Эмма, я опасно балансирую между этими двумя состояниями. То мне хочется смешаться с толпой, использовать людей и прятаться в тени, то орать, крушить, пускать всем вокруг кровь, и насрать, что об этом кто-нибудь узнает. Или увидит. Пусть все видят, кто я есть, кем я на самом деле хочу быть.

Я не привык к путанице. Не привык к противоречивым эмоциям.

Полагаю, что посеешь, то и пожнёшь. Я свел Эмму с ума — ну, это *мягко сказано* — так что теперь она сводит с ума *меня*.

... Ну, это мягко сказано.

Ей непременно нужно все испортить. Бежать впереди паровоза. Она хотела что-то сделать с этим психотерапевтом, но не знала, *что*. Дала ли она себе время в этом разобраться? Естественно, нет, черт возьми. Потому что Эмма сначала вляется во что-нибудь, а потом только думает. Она просто загоняет себя в угол. Как с Марси, так и с Лиззи.

Что бы она сделала, если бы убила Лиззи? На вечеринке, полной людей и с кучей свидетелей? Она даже кому-то сказала, что идет в комнату к Лиззи. Крайне неосмотрительно.

Поэтому она злится на этого парня, заманивает этого парня на свидание, просит его отвезти ее к нему домой, и затем... что? Застывает на месте? Просто стоит и позволяет ему ее лапать. *Лапать. Ее.* Не помню, когда я в последний раз впадал в такую ярость. Мне хотелось мучить его до бесконечности, хотелось сломать ему каждый гребаный палец. Но ярость все берет под свой контроль, и это так, словно...

Словно меня становится двое. Внезапно *Пол* отступает назад, спокойно помалкивает и анализирует ситуацию. Теперь тут главный *Чёрч*, и с ним вообще бесполезно разговаривать, он жаждет крови, и он ее *получит*.

И он, естественно, эту кровь получает. Черт побери! До хрена крови. Совсем не так, как я это планировал. В отличие от Эммы, я всё всегда планирую. Я не собираюсь гнить в тюрьме, поэтому план необходим.

Но теперь ее психотерапевт «исчез», к тому же есть большая вероятность того, что об их

маленьком свидании знал кто-то еще, и что, блядь, она скажет полиции? Что я скажу Джерри?

И что, *черт возьми*, нам делать с этим гребаным трупом?

Дорога домой была трудной и тихой. Почти неловкой — это чувство в присутствии Чёрча Эмма испытывать не привыкла. С самого начала она чувствовала себя в его молчании вполне комфортно. Но сейчас казалась себе навязчивым гостем. Большую часть пути Эмма тупо смотрела в окно, наблюдая за проносящимися мимо телефонными столбами.

Дом Каспера стоял на большом земельном участке, далеко от дороги, в окружении деревьев, и соседей поблизости не было. Дом Джерри представлял собой небольшое здание в стиле ранчо в районе, где жили представители среднего класса. Эмма стояла у багажника машины и нервно оглядывалась по сторонам.

— Марго ушла, — сказала она, чувствуя, как у нее начинают стучать зубы. Эмма не могла сказать точно, от чего — от волнения или от холода. — Она останется на ночь в Сент-Луисе у своей подруги из Джорджии. Что насчет Джерри?

— Ты видишь машину?

Она зло уставилась Чёрчу в спину.

— Твои понты не помогают.

— Твои тоже. Я накрыл его ноги, хватай их, и мы затащим его в дом.

— В дом?! — прошипела Эмма. — Что, просто положим его на диван в кабинете?

— У тебя есть место получше? — возразил Чёрч. — Просто бери его за ноги — решим, куда его деть, когда окажемся *внутри*. На улице мы ничего с ним сделать не сможем.

Они вытащили труп с заднего сиденья внедорожника, его верхнюю половину держал Чёрч, вторая — упала на землю. Эмма еще раз оглядела тихий район, гадая, сколько соседей смотрит сейчас на улицу, затем схватила ноги Каспера, которые теперь были надежно укрыты ярко-синим брезентом, и подняла их вверх.

Она хотела со всех ног помчаться к дому, но Чёрч отказался и пошел неторопливым, размеренным шагом. Он предложил ей представить, что они просто несут домой рождественскую елку, от чего Эмма чуть не расхохоталась. Рождественская елка? В доме Марго Хартли? Такого никогда не случалось, так что Эмма даже представить себе этого не могла. Елки стоят денег и требуют ухода — две вещи, которые Марго тратила исключительно на себя.

«Тупая Марго. Это ты во всем виновата. Искалечила меня в детстве и превратила в чудовище. Это ты должна быть сейчас в этом гребаном брезенте».

Эмма отперла дверь, и они внесли свой груз в дом. Как только дверь за Чёрчем закрылась, она опустила свой конец брезента и отступила назад. Затем зарылась руками в волосы и почесала голову.

— Хорошо. Мы его занесли. Что будем делать? — спросила она.

Чёрч отбросил свой конец трупа и начал стаскивать с себя верхнюю одежду.

— Не знаю, — вздохнул он. — Честно говоря, я не думал, что ночь закончится вот так. Я думал, что ты, возможно, попытаешься накопать на него компромат, может, будешь его шантажировать или что-то в этом роде. Подбросишь ему что-нибудь.

— Так ты что, следила за нами на случай, если что-то пойдет не так?

— Эмма, у тебя *постоянно* все идет не так. Вот наглядное тому доказательство, — фыркнул он, указав на завернутого в брезент покойника. — Я хотел быть рядом, когда это случится.

— Мой личный ангел-хранитель, — вздохнула она. — Все равно сейчас нам это не поможет. Я думаю, нам нужно от него избавиться, а потом выяснить, что... что будет дальше. Может, нам сбросить его в озеро?

— Да, но озеро не очень глубокое, и тут каждый год устраивают праздничный День форели, на котором маленькие дети ловят рыбу. Я уже вижу, как одному из них попадается на крючок нечто большее, чем просто рыба, — заметил он.

— Черт, — проворчала она. — Тогда зарыть его? Где-нибудь?

Чёрч нахмурился.

— Здесь мы его зарыть не можем, — сказал он, потирая рукой щеку. — Если ты станешь подозреваемой, полиция в конце концов обыщет дом и участок.

— Я? А ты?

— Я в Нью-Йорке, у них нет причин меня подозревать.

— Это кошмар, — закрыв руками глаза, прошептала Эмма. — Это просто кошмар, и я скоро проснусь.

— Заповедник, — не обращая на нее внимания, произнес Чёрч. — Мы поедем в Национальный заповедник Марка Твена и зароем его там.

— Проще простого, пошли, — простонала Эмма, снова берясь за свернутый брезент.

— Не совсем. Мы просто пройдем несколько километров через лес, в темноте, с трупом на плече?

— Несколько километров? Почему *километров*?

— Потому что мы не хотим, чтобы его нашли. Лентяев ловят. Мы не будем лентяями.

Эмма вдруг почувствовала усталость. В теле. В *душе*. Она опустилась на пол, обхватив голову руками.

— Нам нужно несколько километров тащить труп по Национальному заповеднику, по морозу, в темноте, и не попасться, — пробормотала она.

— Мы всегда можем...

Внезапно, безо всякого предупреждения, распахнулась входная дверь. Чёрч резко повернул голову, чтобы посмотреть кто там, и замер. Эмма тоже застыла, разинув рот, и увидела вошедшего в дом Джерри. В руках у него были два больших пластиковых пакета, наполненных чем-то вроде еды на вынос. Он вытер ноги о коврик и, захлопнув за собой дверь, заглянул наконец в гостиную.

Чёрч уставился на отца. Его отец уставился на лежащий на полу брезент, свернутый в форме человеческого тела. Взгляд Эммы метался между ними тремя. Наконец Джерри поднял голову и откашлялся. Быстро взглянул на Эмму, потом снова на сына и зашаркал в столовую.

— Китайская еда, — проворчал он, поставив пакеты на стол. — Я решил, что вы проголодаетесь.

Чёрч ничего не сказал, а Эмма была уверена, что перестала дышать.

— Ну что ж, — вздохнул Джерри, поправив очки. — Пошел снег. Я поставил на крыльцо мешок каменной соли. А тебе в машину — мешок с кошачьим наполнителем. Когда я заказывал еду, то не знал, что вам больше нравится, поэтому заказал всего понемногу.

Ешьте, пока не остыло. Перед тем как... отправиться куда бы то ни было.

Теперь у Эммы отвисла челюсть. Чёрч не выказывал вообще никаких эмоций. Она уже было подумала, что он уставился куда-то в пустоту, отгородившись от происходящего, но потом заметила, как у него на скуле пульсирует мускул. С усиленной скоростью.

Джерри прошел по комнате, расстегивая на ходу куртку. Но прежде чем исчезнуть в коридоре, остановился. На мгновение он замешкался, потом глубоко вздохнул и оглянулся.

— Пользуйтесь пластиковыми вилками, Марго терпеть не может оставленную в раковине посуду, — предупредил Джерри, и вот тут Эмма наконец рассмеялась.

Она зажала рот рукой, и оба мужчины посмотрели на нее, затем Джерри снова откашлялся.

— А в гараже есть ручная пила. Когда закончите, положите ее на место.

С этими словами он снял куртку и пошел дальше по коридору. Они стояли молча, пока не услышали, как захлопнулась дверь главной спальни.

— Что это было? — выдохнула Эмма.

— Это было..., — Чёрч долго подыскивал подходящее слово, не сводя глаз с коридора. — *Интересно.*

— Китайская еда? — взглянув на стол, спросила она. — Кошачий наполнитель? Ручная пила? У него удар?

Снова повисла долгая пауза. Она вглядывалась в лицо Чёрча, пытаясь понять, злится он, расстроен или нервничает. Он не выказывал ни на одну из перечисленных эмоций, хотя, казалось, был... поражен.

— Еда для того, чтобы придать нам сил, — ответил он и, порывшись в переднем кармане, вытащил оттуда связку ключей. — Кошачий наполнитель на тот случай, если мы застрянем в снегу — это хорошее противобуксовочное средство. И ручная пила...

Чёрч не закончил. Вместо этого, он подошел к первой двери в коридоре. Эмма никогда не видела, чтобы кто-нибудь ее открывал. Эта дверь была постоянно заперта с того дня, как они с Марго переехала в дом Джерри. Она вела в подвал, который, по его словам, пару лет назад затопило. Он утверждал, что ему пришлось ободрать подвал до гвоздей, вырвать всю изоляцию, и там остались оголенные провода, водопровод и всякие опасные штуки. Для Эммы и Марго гораздо безопаснее просто туда не ходить.

Теперь Эмма призадумалась.

Призадумалась о многом.

Чёрч оглядел подвал и был немного удивлен охватившим его чувством. На самом деле ему хватило пары секунд, чтобы его определить. *Подавленность*. Он чувствовал себя подавленным. Чёрч не знал, испытывал ли подобное раньше — эмоции не были его коньком. Почему же сейчас он чувствовал себя подавленным?

«Эта комната, этот дом, это место».

До Эммы Чёрч не задумывался о своем единственном доме. У него были четыре стены и крыша над головой. Он приходил, уходил. Спал, ел. Что еще имело значение? Но сейчас, оглядевшись вокруг, он почувствовал себя подавленным. Обшитые темными панелями стены казались старыми и убогими, у него порой возникало ощущение, что они на него надвигаются. Бежевый ковер был потёртым и испачканным, шкафы — поломанными и поцарапанными, на плафонах настольных ламп виднелись трещины. Все здесь казалось кричаще дешевым. *Ужасным*.

Чёрч был достоин большего, чем отцовский дом. Он знал это наверняка — на выпускной отец подарил ему десять тысяч долларов. Чёрч их не тратил и целый год прожил на свою стипендию и подработку. В свободное время он штудировал все, что мог, об акциях, облигациях и инвестициях. Однажды летом он превратил эти десять тысяч в деньги, которых бы вполне хватило на хорошую квартиру. А через год сумма стала еще больше.

Переезд из красивой квартиры на Манхэттене в какую-то дыру на Среднем Западе не должен был ничего в нем изменить. И в ту самую первую ночь, когда он вернулся, ничего и не изменилось. Как, впрочем, и во вторую, третью, и четвертую. Это происходило постепенно, так, что он этого не осознавал, а потом вдруг проснулся с глубокой ненавистью к этому дому.

Он понял, что это все потому, что дом ненавидела Эмма. У Эммы никогда в жизни не было ничего красивого. Ради всего святого, ее самой драгоценной детской игрушкой было выброшенное украшение для Хэллоуина. Когда-то она жила в кемпинге, а ее самым роскошным домом — не считая коттеджа Джерри — был двойной трейлер в Индиане.

И все же Чёрч знал, что она заслуживает лучшего. *Заслуживает* настоящих паркетных полов. Ей бы понравились панорамные окна во всю стену. Она бы умерла за большую двуспальную кровать.

«Может быть, даже убила бы за нее...»

Чёрч помотал головой и еще раз окинул взглядом дерьмовый подвал. Бежевого ковра там не было. Здесь все ободрали, еще после затопления. Кое-где виднелась пара листов гипсокартона, но большая его часть давно оторвалась, обнажив гвозди и электропроводку.

То же самое касалось и потолка. Влага повредила практически все, панели пришлось снять, как и светильники. Отсюда необходимость в напольных галогеновых лампах. Они отражались от бетона, озаряя клаустрофобное пространство ярким светом.

Чёрч чувствовал себя нелепо от того, что ненавидит неживой предмет. Какой в этом смысл? Растрчивать эмоции на то, что никак не может тебе ответить. Глупо. Эмма

превратила его в дурака. Он чуть не рассмеялся.

«Посмеешься потом, а сейчас у нас полно работы».

Сняв пальто, он посмотрел на лежащий на полу синий ком. Чёрч так долго мечтал кого-нибудь убить, что до сих пор не мог поверить в случившееся. Все произошло так быстро, что он чувствовал какое-то разочарование. Это всегда представлялось ему как что-то методичное, четко организованное. Охота, жертва, план. Именно от этого убийство и становилось таким привлекательным.

В убийстве Дрю Каспериана не было ничего методичного и организованного. И уж точно, ничего спланированного. С ломом ему просто повезло — он лежал во взятой напрокат машине вместе с комплектом для ремонта шин. Если бы его там не оказалось, Чёрч, скорее всего задушил бы Каспериана. Или забил бы до смерти чем-нибудь подходящим.

Варварски.

Чёрч принялся за работу. Мысленно прокручивая в голове вечер, он застелил пол строительной пленкой и раскатал на нем свернутый кусок брезента. Преследовать Эмму оказалось немного труднее, чем он предполагал, — она везде ходила пешком, и ползущий позади нее гигантский черный внедорожник мог сразу же вызвать подозрения. Поэтому на какое-то время он потерял ее из виду, и лишь сообразительность и удачная догадка привели его на ближайший рынок. Он подъехал как раз в тот момент, когда Эмма садилась в автомобиль Каспериана.

После этого все было просто. Проследить за ними до отвратительного бара, сесть в прокуренном углу и смотреть, как она его спаивает. Потом ехать за ними на безопасном расстоянии с выключенными фарами до стоящего в лесу коттеджа. К тому времени он уже догадался о ее непродуманном плане. Заманить Каспериана в какую-то ловушку, а затем... что? Сфотографировать? Снять на видео? Убить?

Нет. Только Не Эмма. Она никогда не хотела сталкиваться со своим внутренним чудовищем — ей всегда было намного комфортнее иметь дело с демонами других людей. Ее матери, бойфрендов ее матери, Чёрча. Она гениально управлялась с чудовищами, иногда даже ими наслаждалась. Но своё собственное? Его следовало держать взаперти.

Но Чёрч знал. Он *всегда* это знал. Ей хотелось убивать не меньше, чем ему, просто по разным причинам она еще не была готова с этим столкнуться. Эмма ввязалась в эту ситуацию, не имея понятия о своих темных потребностях — ей было необходимо научиться успокаиваться. Ждать. Быть терпеливой.

Если Эмма запрещала себе все это делать, то брала весь свой гнев и ярость и обычно направляла их на себя. Ну, именно это она и сделала, вложив все это в острие ножа.

Похоже, теперь кое-что из этого она направляла на Чёрча.

Даже раздевшись до боксеров, от усердной работы ему все равно стало жарко. Чёрч вытер тыльной стороной руки пот со лба, но лишь оставил над бровями красную полосу. Он нахмурился и снова принялся пилить.

Ничего страшного, если Эмма хочет на него злиться. Он сам виноват.

«Веди себя нормально», — сказал Чёрч.

«Убеди их, что ты в своем уме», — велел он.

Он, собственно, приучил Эмму к тому, чтобы она воспринимала все его слова, как непреложную истину. Как *Божью* заповедь. А Эмма всегда была набожной. Так почему же его удивляет, что она так упорно борется с двумя новыми реальностями? Новая нормальная

Эмма против прежней темной Эммы. Это будет королевская битва, к концу которой она разорвется надвое.

Выругавшись, он постарался затянуть узлом верхнюю часть мешка для мусора. Когда мешок был плотно завязан, Чёрч бросил его к стене к остальным.

Он до нее достучится. Обязательно достучится. Как только они разберутся с этой грёбаной «преднамеренной случайностью». Тогда у них будет время. Время напомнить ей о том, что она чувствует к нему, и показать ей, что он на самом деле чувствует к ней. Раньше у него никогда не было такой возможности, он никогда не обращал внимания на эту часть его личности. Это будет интересно.

Немного успокоившись, Чёрч завязал последний мешок и встал. Он хотел было пересечь комнату, но поскользнулся в луже крови. Нога выскользнула из-под него и ударилась о ножку стула. Большой палец пронзила острая боль, и Чёрч стиснул зубы.

«Вечно всё идет не по плану».

Эмма проснулась на рассвете. В комнате было темно, жалюзи опущены, но сквозь щели пробивалось утреннее солнце. Они были слегка приоткрыты. Можно было легко встать и плотно их задёрнуть, но Эмма не могла заставить себя пошевелиться. Она чувствовала себя, как выжатый лимон. Совершенно обессиленной. Эмма думала, что раньше она была в хорошей форме. Конечно, она много курила, слишком много пила, но помимо этого, часто бегала. Ей ничего не стоило пробежать пять километров.

«Но всё это в прошлом», — чуть не рассмеялась про себя она.

За неполных шесть недель сидячего образа жизни Эмма практически стала овощем. С тех пор, как попала в больницу, она не делала никаких упражнений.

Однако прошлой ночью все изменилось. За полтора часа они доехали до национального заповедника Марка Твена и припарковались подальше от дороги, практически спрятав машину в кустах. Потом вышли и разгрузили багажник.

Чёрч соорудил им какие-то неуклюжие стропы из брезента и веревок, которые можно было надеть на плечи и тянуть. Эмма никогда уже не сможет смотреть на брезент по-прежнему — кто знал, что он может быть таким универсальным? Кроме того, чтобы нести больше веса, Чёрч взвалил на себя здоровенный походный рюкзак. Эмма предполагала, что тащила всего около двадцати килограмм, и всё же. Двадцать килограмм по неровной местности, по морозу и *темноте*, это всё равно что миллион килограмм.

И им пришлось нести свой груз целый час. *Час*. Если вначале пути Эмма замерзала, то через час маневрирования по густому лесу она начала потеть ведрами. Когда Чёрч наконец остановился, она рухнула на землю и не вставала добрых двадцать минут.

Понимая, что замерзшую землю копать нелегко, она все же поднялась и помогла. У Чёрча была небольшая походная лопата, а у Эммы — только садовая. Еще час они рыли до нужной глубины, и ближе к концу она разделась до майки и начала молиться, чтобы пошел снег.

Все это происходило в гробовой тишине, что поначалу ее напрягало, но потом Эмма так устала, что уже обращала на это внимания. И ужасно обрадовалась, когда они аккуратно сложили в выкопанную яму все заполненные мусорные мешки.

Ей казалось, что как для человека, который всю жизнь так много говорил, тихие похороны не слишком подходят для Каспера, теперь уже точно Призрака. Но потом подумала, что это даже хорошо, что он остался без достойных похорон.

Он этого не заслужил.

Обратная дорога — а точнее, тяжелый путь — к машине тоже была безмолвной. Только когда они въехали на окраину города, Эмма наконец заговорила.

— *Ты уверен, что никогда раньше этого не делал?*

Затем повисло молчание, которое так затянулось, что она решила, что он уже не ответит. Но когда они подъехали к дому Джерри, Чёрч обрел дар речи. Эмма вышла из машины, пока он сидел в ней, не выключая двигатель, и прежде, чем уехать, произнес всего

одну фразу:

— Если ты всерьез меня об этом спрашиваешь, то сегодняшний вечер был пустой тратой моего времени.

Как бы Эмме ни хотелось бодрствовать и, как нормальный человек, переживать по поводу вечера, она просто дико устала. Ей как-то удалось сбросить с себя сапоги и куртку, но потом она рухнула на кровать и провалилась в сон. Безо всяких таблеток и, слава богу, без кошмаров.

Но этот проклятый солнечный свет. Пока ее глаза привыкали к скудному свету, она посмотрела на потолок и быстро заморгала. Прищурившись, Эмма уставилась на эти маленькие дырочки. На проколы от кнопок. Почему они здесь?

— Хочешь, я их закрою?

Ей следовало испугаться — она думала, что тут, кроме нее, никого нет. И все же Эмма не пошевелилась, по-прежнему не сводя глаз с потолка.

— Не знаю, — ответила она. — Сомневаюсь, что снова засну.

Послышался шум. Скрип. Чёрч сидел в компьютерном кресле. Затем краем глаза она уловила какое-то движение у стены, и шторы закрылись. В комнате стало темно, и ей больше не было видно дырок в потолке.

— Уснёшь. Когда-нибудь.

Она фыркнула. Это обнадеживает. Затем почувствовала, как сбоку прогнулся матрас. Когда ее глаза постепенно привыкли к темноте, она поняла, что рядом с ней лег Чёрч. Не так близко, чтобы ее касаться, но кровать была небольшой. Эмма чувствовала исходящее от него тепло. Он тоже смотрел в потолок.

— Я никогда не считала тебя плохим человеком, — выдохнула она.

Он поёрзал, явно пытаясь устроиться поудобнее, но на нее не взглянул.

— Я тоже.

— За то, что хотел кого-то убить. За желание стать убийцей. Кто-то художник, кто-то механик, а ты просто... природная стихия. Я никогда тебя за это не винила.

— Эмма, — вздохнул он, и она крепко зажмурилась. Не этот голос.

Только не *этот* голос.

— Так почему же я испытываю угрызения совести? — спросила она.

— Не стоит. Ты была выше его, он не..., — начал было Чёрч, но Эмма не дала ему договорить, ударив рукой по матрасу.

— Не надо, — предупредила она. — Не делай этого. Не говори со мной так.

— Да как, я тебя умоляю?

«Ах, да, умоляю. Молитесь Чёрчу и получите ответы на всё. Только они неразборчивы и только еще больше сбивают столку. Это очень странная религия». (Здесь и далее игра слов. Имя «Church» — в буквальном смысле означает «Церковь» — Прим. пер.)

— Как будто ты пытаешься меня в чем-то убедить или что-то мне внушить. У меня в голове восемь миллионов гребаных голосов, и половина из них *твои*. Просто скажи, что ты думаешь, — отрезала она.

— Хочешь знать, о чем я думаю?

— Да.

— Хорошо, — ровным голосом сказал он. — Сейчас я думаю, что нам нужно было закопать его поглубже — весной там будет много животных. Я думаю, что ты поступила глупо, когда сегодня ночью делала все с бухты-барахты. Впав в ярость и растерявшись, как

ребенок. Я думаю, что решил твою проблему и все за тобой подчистил, при этом не услышав ни слова благодарности. Я думаю, что сейчас не смог бы *ни в чём* тебя убедить, даже если бы попытался, потому что ты не в состоянии вести разумный диалог. А что касается твоего вопроса, думаю, ты испытываешь угрызения совести, потому что не хочешь признавать главную истину.

Эмма не могла решить, заорать ей на него или заплакать. Вместо этого она глубоко вздохнула.

— И в чем же главная истина, Чёрч?

— В том, что ты такое же чудовище, что и я, — просто ответил он. — Может быть, ты еще не готова окончательно это принять, но в сущности мы одинаковы. Тебя не волнует, что я убил того парня, и не волнует то, что ты хотела его убить — *вот почему* ты расстроена. Потому что тебя должно это волновать, но не волнует. Абсолютно. Ни капельки.

Что ж. Когда Чёрч Логан хотел сбить кого-нибудь с ног, то бил со всей силы и прямо по голове. Увидеть, как кому-то проломили ломом башку, затем отнести его распиленного в лес и там *закопать* — такое должно было вывести ее из душевного равновесия. Это должно было ее ужаснуть. Но она не чувствовала... *ничего*.

А ничего не чувствовать это уж точно не нормально.

— Может быть, — вздохнула она. — Но Чёрч, разница между мной и тобой в том, что я знаю, что не должна поддаваться этим темным желаниям.

Тут он издал резкий, хриплый смешок, чем здорово ее напугал.

— Нет. Разница между мной и тобой в том, что мне намного, намного лучше удается не поддаваться этим желаниям. И ты это знаешь, и это тебя убивает. Ты на самом деле *хочешь* быть нормальной, но я это *изображаю* гораздо убедительнее. Тебе нужно меньше времени тратить на то, чтобы разыгрывать из себя ту, кем ты не являешься, и больше прислушиваться ко мне.

— В последний раз, когда я пыталась к тебе прислушаться, я чуть не умерла.

Последовала долгая пауза, затем Чёрч встал с кровати. Дверь открылась, и он вышел из спальни, но остановился. Высказаться на прощанье, потому что последнее слово всегда оставалось за Чёрчем Логаном.

— Ты только подтверждаешь мою точку зрения — если бы ты тогда и впрямь ко мне прислушалась, то, возможно, сделала бы это *правильно*.

Пару часов спустя Эмма сидела за завтраком. Она перевела взгляд с матери на Джерри. Марго делала себе маникюр, на столе был разложен ее маникюрный набор. Джерри ел пугающе большую тарелку омлета и читал газету.

«Вчера ночью я закопала несколько мусорных мешков с разрубленными останками человеческого тела, а теперь я сижу здесь и ем хлопья с мамой и отчимом».

Она взглянула на свой завтрак, от долгого пребывания в молоке маленькие колечки насквозь промокли и размякли.

Неужели они не чувствуют? Неужели они не могут просто *сказать*? И если не Марго, то Джерри уж наверняка что-то чувствует. Чёрт возьми, он вошел в гостиную и обнаружил на

полу брезент, свернутый в форме человеческого тела. Он должен был догадаться, что они с ним сделали. В конце концов, он предложил им ручную пилу. Предупредил их о снеге.

«Он точно знал, что происходит и что с этим делать. Может, мне стоит перестать беспокоиться о себе и начать беспокоиться о Джерри?»

Эмма так долго на него таращилась, что это наконец заметила Марго.

— Дорогой, — прогнусила она. — Если ты не поторопишься, мы опоздаем.

Не взглянув на жену, Джерри встал и, не выпуская из рук газету, отнес свою тарелку на кухню. Когда он исчез в задней части дома, Марго перевела взгляд на дочь.

— Что? — изобразив удивление, спросила Эмма.

— Мне бы не хотелось говорить доктору Розенштейну, что у тебя рецидив, — пригрозила Марго.

Эмма чуть не рассмеялась. У нее были проблемы посерьезнее доктора Розенштейна.

«Я получаю реальный шанс на свободу, и что же я делаю в первую очередь? Совершаю убийство. Мне следует настоять, чтобы меня снова упрятали в психушку»

— Что ты имеешь в виду? — спросила Эмма. — Я сижу тут и ем хлопья.

— Ты сидишь тут и *странно* себя ведешь, — поправила ее Марго. — Строишь глазки моему мужу.

Эмма подавилась разбухшими колечками.

— *Строю глазки?* Ради бога, Марго. Я таращилась в пустоту. Если там как-то оказалась голова Джерри, то прости, что у меня есть глазные яблоки, и они повернулись в его сторону.

— Да что с тобой сегодня? Ты почти... веселая, — огрызнулась мать.

Эмма на мгновение замолчала. Ее мать была права. Весь последний месяц их общение с Марго было весьма ограниченным и почти вежливым, по крайней мере, со стороны Эммы. И вот она сидит и спокойно обменивается с матерью колкостями. Как в старые добрые времена. Она чуть не поморщилась.

— Я... я плохо спала, — пробормотала она.

Марго нахмурилась.

— Ты приняла таблетки? Я сказала Джерри их тебе дать.

— Нет. Забыла.

— Забыла! Эмма, ты должна принимать лекарство, — раздраженно бросила мать. — Ты же знаешь. Больше никаких занятий в городе. Я знала, что тебя не нужно было отпускать из дома. Если бы не рекомендации доктора Дрю, я бы никогда этого не сделала.

— Да, — сказала Эмма, пытаясь контролировать дыхание. — Наверное, это была плохая идея. Сегодня на занятиях я обязательно ему об этом скажу.

Марго осторожно помахала руками, подсушивая лак на ногтях.

— Его там нет, — вздохнула она.

Эмма застыла, как вкопанная. Может, Чёрч был прав, и ей действительно следовало больше к нему прислушиваться. Он никогда ни на что не реагировал. Его можно было шарахнуть молотком по руке, а он и тогда бы остался совершенно безучастным.

— Он... что ты имеешь в виду? — спросила Эмма, надеясь, что ее голос звучит как обычно.

— Я звонила ему сегодня утром, — объяснила Марго. — В лечебницу. Мне хотелось узнать, как вчера вечером прошла твоя групповая хрентень. Но сегодня он на работу не придёт.

Эмма лихорадочно соображала. Ей нельзя реагировать. Ей нужно проявлять

спокойствие. Нужно подумать. Нужно быть как Чёрч. Что только что сказала Марго? Она не сказала *«его нет на работе»*; она сказала *«он на работу не придет»* — между этими двумя утверждениями огромная разница.

— Не придёт? Но у него ведь пациенты и прочее, он не может просто не прийти, верно? Он заболел? — спросила Эмма, лениво помешивая ложкой хлопья.

— У него смерть в семье.

При слове *«смерть»* Эмма чуть не упала в обморок. У нее уже начало темнеть в глазах, но тут она услышала остальную часть предложения.

— У него... что?

— Он сегодня утром позвонил и взял отпуск, как минимум на неделю.

Эмма уставилась на мать. Какого хрена вообще происходит?

«Мне что, всё приснилось? Боже мой, Чёрч хоть действительно здесь?! Господи, я помешалась».

— Это... ужасно. Надеюсь, он... в порядке? Но..., — бормотала Эмма.

Она не знала, что делать и что говорить.

— Это случилось с его двоюродной сестрой. Кажется, он как-то мне о ней рассказывал, у нее были проблемы с сердцем или что-то типа того. Пусть он немного придёт в себя после похорон, а потом я позвоню ему на мобильный, — заверила ее Марго. — Нет, ну ты представляешь? Я вернулась в такую рань, чтобы успеть в эту дурацкую лечебницу, а его там даже нет.

— Он рассказывал тебе о сердце своей двоюродной сестры?

— Мы с ним очень дружны. Так озабочены твоим благополучием и всем прочим, — вздохнула она, рассматривая ноготь на мизинце. — Доктор, Эмма. Я думала, Джерри это лучшее, что может достаться такой женщине, как я, и, если надо, я бы согласилась на его пенсию и накопительный фонд, но ты только представь, выйти замуж за *доктора!*

Эмма решила не упоминать о том, что Каспер не только никакой не доктор, но к тому же мёртв.

— Это было бы... что-то. Извини, я пойду собираться.

Вернувшись в свою комнату — или подождите, это комната Чёрча? Это считается, если он всего лишь галлюцинация? — Эмма закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Она медленно оглядела спальню в поисках доказательств его присутствия. На кровати, там, где она спала, было смято покрывало, а на полу валялась одежда, в которой она была прошлым вечером.

Нет, единственное, что стояло не на своем месте, это компьютерное кресло, и кажется Эмма в какой-то момент о него ударилась.

Она зарылась руками в волосы. Неужели она действительно разговаривает сама с собой, спрашивая себя, не сошла ли с ума? Хотя разве сумасшедшие знают, что они сумасшедшие?

«Если я еще раз произнесу слово «сумасшедший», то действительно безвозвратно тронусь умом».

Нет. Эмма не тронулась. Она выпрямилась. От прошлой ночи осталось неприятное ощущение, которое приходит только с реальностью. Она взглянула на свои руки, и, несмотря на то, что мыла их и вчера вечером, и сегодня утром, под ногтями все еще была заметна грязь.

Она не тронулась, но все к этому шло. Ей нужно собраться с мыслями. Нужно разобраться в этой херне, или она действительно придет с повинной к доктору Розенштейну.

Потому что, как бы ни ужасна была жизнь в «Солнечном ранчо», но там она, по крайней мере, могла различить голоса у себя в голове.

Если сидеть и завтракать с семьей было странно, то пребывание на «Солнечном ранчо» казалось Эмме просто гротескным. Она стояла за дверью общей комнаты, глядя через коридор на вход во врачебное крыло. Где-то по другую сторону этой двери находился кабинет Каспера. Пустой и безжизненный, а его обитатель теперь был распилен на множество кусочков и зарыт в глубокой яме где-то на юге штата.

— Мы начинаем.

На месте Каспера сидел джентльмен средних лет и жестом приглашал Эмму войти. Она улыбнулась и, закрыв за собой дверь, проследовала в комнату. Она заняла свое место и услышала, как он представился.

— Меня зовут Тед Токер, — сказал он. — Я провожу сеансы групповой терапии по средам. У Дрю Каспериана горе в семье, поэтому пока я буду вести и его часы. Надеюсь, что никто не против. Знаю, что перемены не...

Эмма погрызла ноготь большого пальца и нервно огляделась по сторонам. Где Райан? Он никогда не воспринимал всерьез свое пребывание в «Солнечном ранчо», но на терапию обычно не опаздывал.

Однако кресло рядом с ней оставалось пустым. Она уставилась на него долгим хмурым взглядом.

— Мисс, Вас что-то беспокоит? — спросил новый психотерапевт, и когда Эмма, наконец, на него посмотрела, дружелюбно ей улыбнулся.

— Райан Парк, — хриплым голосом произнесла она. — Его сегодня нет. Почему?

Мистер Токер заглянул в свои записи.

— Не знаю, почему. Уверен, что у мистера Парка есть на это веская причина, и будем надеяться, что на следующем занятии он к нам присоединится. Теперь есть ли что-нибудь...

Эмма резко встала и вышла из комнаты.

— Мисс! *Мисс!* Я уверен, что с ним все в порядке, не могли бы Вы присесть...

Она захлопнула дверь на полуслове и поспешила в приемную.

— В списке здешних пациентов ещё есть Райан Парк? — настойчиво спросила она.

На нее удивлённо заморгала женщина с плохой стрижкой.

— Простите, что?

— Райан Парк, — повертев рукой, вздохнула Эмма. — Он здесь на лечении, но групповую психотерапию сегодня не явился.

— Ну, это может значить всё...

— Он *всегда* ходит на терапию. Если я приду, то и *он* придёт, ясно? И вот я здесь, а его нет, так где же он?

Женщина хмуро на нее посмотрела, затем ввела в компьютер какие-то данные. Через секунду она самодовольно улыбнулась, глядя на экран.

— Райана Парка выписали в субботу утром.

— *Выписали?* — ахнула Эмма. — Нет, нет, этого не может быть. Он еще далеко не

нормальный.

— *Не нормальный?* — женщина скорчила еще одну гримасу. — Это некорректный термин — мы все нормальные. Просто некоторым из нас требуется больше помощи, чем другим.

— Избавьте меня от Ваших лекций, доктор философии, — прорычала Эмма. — Почему его выписали?

— Это не Ваше...

Хрясь, щёлк, хлоп, и сущность Эммы выскочила из ее нормальной оболочки, в которую она пыталась втиснуть ее весь прошлый месяц. Она так низко перегнулась через стойку, что ее ноги оторвались от пола, а лицо оказалось прямо напротив лица женщины.

— Леди, мы в психиатрической больнице, — прошипела Эмма. — А это значит, что я чокнутая на всю голову, и если Вы сейчас же не скажете мне того, что я хочу знать, то увидите, насколько чокнутой я могу стать.

Администратор потянулась к большой кнопке на столе, но Эмма ее опередила. Она схватила канцелярский нож и воткнула его в стол в сантиметре от руки женщины. Та взвизгнула и, одернув руку, прижала ее к груди.

— Думаешь, ты успеешь нажать тревожную кнопку до того, как я воткну это тебе в шею? До того, как сюда прибегут охранники? А теперь попробуем еще раз. Скажи мне, почему выписали Райана Парка, и я положу эту штуку на место, а потом можешь кричать, визжать и жать на все кнопки, какие захочешь.

Женщина казалась очень напуганной. Ее глаза метались по комнате, видимо, надеясь, что кто-нибудь появится. Но в понедельник посетителей было мало, а большинство пациентов находились на занятиях или на групповой терапии. Охрана «Солнечного ранчо» была не слишком многочисленной и фокусировалась в основном на внешних ограждениях. Охранники не патрулировали каждый коридор. Прежде чем кто-нибудь здесь появится, пройдет, по меньшей мере, несколько минут, и Эмма знала, что даже в лучшие времена производила впечатление душевнобольной, а сейчас у нее были явно не лучшие времена.

— В-в-в примечании у него в деле, — запинаясь, пробормотала женщина, и ее взгляд метнулся к экрану компьютера. — Говорится о... проблемах с оплатой. Его с-с-семья не собирается б-б-больше платить за его л-л-лечение. Мистеру Паку н-н-не не по силам оплачивать его самостоятельно, поэтому он покинул к-к-клинику.

Эмма еще мгновение смотрела на женщину, потом сдержала обещание. Она отложила канцелярский нож и встала на пол. Не сводя глаз с администратора.

— Теперь можешь нажимать свою кнопку, — тихо сказала она. — Нажмёшь её, и придут охранники, санитары и медсестры. Мне сделают укол и привяжут к кровати. Но этим ты добьешься только одного — меня снова вернут в стационар. А это значит, что я буду здесь жить. Мне придется ходить по этому коридору каждый день. Поэтому я советую тебе хорошенько подумать, хочешь ты нажать эту кнопку или нет.

После того, как они примерно минуту сверлили друг дружку взглядом, а кнопка все еще не была нажата, Эмма кивнула и повернулась, чтобы уйти. Она вышла через парадную дверь и сбежала по ступенькам. И пока шла к машине Джерри, даже не оглянулась.

— Что-то сегодня вы слишком быстро, — раздраженно фыркнула Марго.

Без Каспера, с которым можно пофлиртовать, и доктора Розенштейна, которому можно пожаловаться, поездка для Марго действительно оказалась бессмысленной.

— Им пришлось быстро найти нового психотерапевта, а он не готов. Поэтому мы

договорились вернуться к этому в пятницу.

— Мы тащились сюда целый час ради того, чтобы они пятнадцать минут помолились в тесном кругу, — проворчала Марго, пока Джерри заводил машину.

Эмма подождала, пока они благополучно вырулят за ворота, и откашлялась.

— Я всегда могу доехать сюда на автобусе, — предложила она.

Ее мать рассмеялась.

— Хорошая попытка, Эмма.

— Нет, правда.

— Тебе не сбежать с терапии!

— Я бы этого не сделала, — сказала она. — Да и зачем? Доктор Розенштейн вот-вот меня отпустит, зачем мне сейчас этим рисковать? Я просто пытаюсь избавить вас с Джерри от лишних хлопот.

— Эмма, это не проблема, — неожиданно, присоединился к спору Джерри. — Я не против...

— Или я могу взять машину, — перебила она Джерри, глядя на него в зеркало заднего вида. — Я могу подвезти тебя на работу, а потом вернуть машину к обеду. Тебе не придется отпрашиваться с работы на эти утренние часы.

Джерри, наконец, встретился с ней взглядом, и они долго смотрели друг на друга. С пассажирского сиденья закудаhtала Марго.

— Сначала она хочет ехать на автобусе, теперь хочет угнать нашу машину! Эмма, ты сегодня такая смешная.

— Думаю, это хорошая идея.

Марго повернулась и уставилась на мужа.

— Ты думаешь... что?!

— Это даст ей ощущение личной ответственности, — проворчал он. — Я уверен, что его ей и не хватает. И, как она правильно заметила, я могу больше не пропускать работу. Из-за этих поездок мне каждый раз приходится отпрашиваться на три часа. Это сильно повлияет на мою зарплату. И на наши условия жизни.

«Джерри, Джерри, Джерри, а ты молодец».

— Ну... в смысле... я не хочу, чтобы у тебя были проблемы на работе, но... машина? Эмма с машиной? Что, если..., — Марго продолжала искать способ его отговорить.

— Я не собираюсь угонять машину Джерри. Я не хочу делать ничего подобного, просто хочу закончить психотерапию и снять с тебя опеку, чтобы больше не быть обузой для вас обоих. Обещаю. В девять отвезу Джерри на работу, а к полудню пригоню машину обратно к его офису.

— Ты можешь взять автомобиль, — сказал Джерри, кивнув головой.

Марго скорчила такую гримасу, словно съела лимон, но спорить не стала.

— Только не возвращай его с пустым баком.

Эмма откинулась на спинку сиденья, но по-прежнему смотрела в зеркало. Пока Джерри следил за дорогой, она не сводила с него глаз.

«Мы с Вами устроим собственные сеансы психотерапии, и я непременно выясню, что, черт возьми, тут происходит».

Пока Эмма ехала на «Солнечное ранчо», Чёрч сидел в кафе торгового центра. Вообще то, он не любил кофе, но Райан Парк его обожал. Ещё до прихода Чёрча он выпил целых три чашки.

— Я все еще думаю, что мне следовало остаться, — сказал Райан, нервно проводя пальцами по волосам. — Мужик, она сто пудов разозлится. Решит, что я ее бросил. Она разозлится.

— Не разозлится, — заверил его Черч.

— Разозлится.

— Обещаю тебе, она не разозлится.

Райан хлопнул ладонью по столу, отчего стоящие на нем контейнеры с сахаром и подсластителем подпрыгнули и задребезжали.

— Разозлится! Мужик, я ей там нужен. Она с ума сойдёт! Ты не знаешь ее так, как я!

«Хммм, пожалуй, эта маленькая влюбленность выходит из-под контроля».

— Я не знаю ее так хорошо, как ты? — сверля Райана глазами, уточнил Чёрч.

Молодой человек нервно сглотнул и отвернулся.

— Я этого не говорил.

— Нет, ты это подразумевал.

— Вовсе нет... Слушай, я знаю ее там. Думаю, я это хотел сказать. Ей покажется странным то, что я уехал в выходные, что не дождался ее, чтобы попрощаться, что я не...

— Да, ей это покажется странным, поэтому она начнет разбираться. Скорее всего очень настойчиво. И узнает, что это произошло потому, что никто больше не хочет за тебя платить. Так что теперь она будет злиться за тебя и жалеть тебя.

Похоже, Райана это не убедило, но спорить он не стал, так что, по крайней мере, он чему-то учился.

— Да. Спасибо. Думаю, да. То досье тебе пригодилось?

После того как Чёрч высадил Эмму посреди ночи, он нанес небольшой визит их другу Райану, которого поселил в мотеле на окраине города. Райан дал Чёрчу копию того досье, что всего пару дней назад вручил Эмме. Со всей информацией про Каспера.

— *Странно, но она мне солгала. Она сказала, что в нем нет его нынешнего домашнего адреса, но он там есть,* — сказал ему тогда Райан.

Даже глубоко в подсознании Эмма знала, что хочет сделать. Она пыталась себя обезопасить. Как только Каспер исчезнет или его обнаружат мертвым у него дома, естественно, возникнут вопросы. Подозрения. Обвинения. Но если она даже адреса его не знала, то не могла пойти к нему домой и причинить ему вред. Значит, Эмма уже тогда обеспечила себе алиби. Даже перед другом. Она пыталась дистанцироваться от поступка, которого еще не совершила.

С помощью досье и небольшого интернет-расследования Чёрч сумел придумать правдоподобное объяснение внезапному исчезновению Каспера. Это оказалось непросто —

его сводная сестра была замужем за Розенштейном, который к тому же с ним работал. Чёрчу нужно было найти кого-то со стороны отца Каспера, кого-то, не имеющего отношения к его сестре.

И тут ему снова улыбнулась удача. На этот раз в виде мертвой двоюродной сестры Каспера. Девушки с врожденной сердечной недостаточностью, которая умерла всего пару месяцев назад. Это поможет им выиграть время. Чёрч позвонил на «Солнечное ранчо» и, притворившись хорошим психотерапевтом, отпросился с работы по причине смерти в семье. Когда информация дойдет до Розенштейна, его жена сможет её подтвердить — «неожиданная» часть будет списана на того, кто принял это сообщение или передал его, переврав.

Поэтому Чёрч позвонил на «Солнечное ранчо» с телефона в мотеле Райана и представился Каспером. Это не было их защитой, всё это развалится при первом же серьезном расследовании. И все же необходимо было что-то сделать, чтобы дать им хотя бы эту неделю.

— Да, досье очень пригодилось, — заверил, наконец, Чёрч Райана. — Послушай, я собираюсь сказать Эмме, что мы с тобой знакомы, поэтому советую тебе подготовиться.

— *Что?!*

Голос Райана прогремел так громко, что эхом разнесся по всему кафе. На них начали оборачиваться люди.

— Тише, — прорычал Чёрч. — У меня все проблемы начались из-за того, что я лгал ей и себе. Если и дальше буду молчать о тебе, будет только хуже.

— Нет, нет, нет, нет, нет, — Райан стремительно замотал головой, его каштановые кудри взметнулись вокруг головы. — Так не катит, мужик. *Не катит.* Она меня возненавидит. Я этого не вынесу. Не вынесу. Не катит. Ты не можешь этого сделать. *Не можешь.*

— Могу, — склонившись над столом, прошипел Чёрч. — И сделаю. Это произойдет. Так что либо смирись с этим, либо уезжай из города. Это тебе нужно было жилье и деньги. Это ты меня умолял. Это часть сделки. Соглашайся или уходи.

На этот раз Райану хватило ума не закричать, но он обеспокоенно прикусил нижнюю губу.

— Тогда..., — кажется, он что-то обдумывал. — Я не понимаю, мужик. Тогда зачем я тебе нужен? Зачем тебе платить за мое дерьмо? Моя работа заключалась в том, чтобы за ней шпионить, верно? Так на что я тебе теперь?

Чёрч подавил желание улыбнуться и поднялся на ноги.

— Уверен, что найду тебе *занятие.*

— *Поверить не могу, что ты это сделала!*

И хотя он говорил по телефону, Эмма почувствовала, как доктор Розенштейн стиснул зубы. Она закатила глаза, расхаживая взад и вперед по спальне Чёрча.

— Ей нужно было просто ответить на мой вопрос.

— Эмма, это смешно! Я не знаю, что на тебя нашло, угрожать сотрудникам! Они хотели вызвать полицию! Не знаю, как ты можешь ожидать от меня...

— Может, им и впрямь стоит ее вызвать, — ответила Эмма. — Тогда мы все вместе можем сесть и *поговорить*.

На другом конце телефона повисла долгая пауза.

— Ты не можешь просто так нападать на персонал, — наконец, вздохнул он. — Этим ты только создашь проблемы нам обоим, и, если я потеряю должность, твоя мать, скорее всего, просто найдет другого психолога, и тогда ты снова вернешься в исходную точку. Поработай со мной здесь, Эмма.

— Такого больше не повторится, — заверила она его.

— Я просто... *что* на тебя нашло? Иногда мне кажется, что я говорю с совершенно другой женщиной, а не с той, что встретил в больнице.

«*Может, потому что так оно и есть*».

— Просто немного смоуправства, док, вот и все.

— Абсурд. Больше никаких сцен, понятно?

— Конечно. Если никто не даст мне повода.

— Эмма.

— Послушайте, — сказала она, потирая лоб кончиками пальцев. — Я... я знаю, что это было не круто. У меня была тяжелая ночь, я забыла принять таблетку и не выспалась.

— Видишь? Неужели это было так сложно? Теперь я понимаю тебя немного лучше. Установи таймер на телефоне, хорошо? Так ты не забудешь принять лекарство, — посоветовал он.

— Да. Хорошо.

— Увидимся завтра, Эмма.

— Увидимся.

Нахмурившись, она уронила на кровать мобильный. Сейчас было почти девять часов вечера. Она еще раньше ждала каких-то последствий своего скандала в клинике, какого-то звонка, но и представить себе не могла, что Розенштейн позвонит ей сам. Конечно, он был прав, если бы администратор вызвала охрану, Эмме бы не поздоровилось.

Она даже не совсем понимала, почему так расстроилась. Эмма вовсе не испытывала к Райану сильной эмоциональной привязанности. Он был просто парнем, который мог достать ей всё что угодно. Парнем, которому она так нравилась, что он исполнял все ее пожелания. Даже если бы у нее на глазах его сбил автобус, это никак бы не повлияло на ее день, так что отъезд Райана из «Солнечного ранчо» не должен был иметь для нее никакого значения.

И все же... какова вероятность того, что единственный человек, с которым она дружила в лечебнице, выписался и свалил в тот же самый день, когда она помогла убить и похоронить их психотерапевта?

И тут Эмма поняла, почему она впала в панику. Его отъезд казался ей дурным знаком. Райан был единственным свидетелем связи между ней и Каспером — все остальные видели в них лишь психотерапевта и не слишком ретивую пациентку. Но Райану были известны ее истинные чувства. В конце концов, он достал для нее досье Каспера. Он этого не осознавал, но это потенциально давало ему большую власть над ней.

Эмма услышала в коридоре шаги и подняла голову, ожидая увидеть Марго. Поэтому очень удивилась, когда в дверях возник Чёрч.

— Что ты делаешь? — оглядываясь по сторонам, спросила она. — Я думала, ты ушел.

— Ни за что.

— Но ты ушёл.

— Нет, не ушел.

Эмма покачала головой.

— *Неважно.* Чего ты хочешь? — спросила она.

— Я хочу положить конец твоей нелепой враждебности по отношению ко мне, — ответил Чёрч.

Эмма нахмурилась.

— Я вовсе не... Я не имею в виду... послушай, в любой момент сюда может войти Марго, — пробормотала она.

— Понимаю. Пойдем.

— Куда?

— Эмма, просто пойдем.

Чёрч закатил глаза — для него просто чрезмерное проявление эмоций — и обернулся. Мгновение поколебавшись, она последовала за ним в коридор. Он направился к двери в подвал, вытаскивая на ходу ключи.

— Подожди, — выдохнула она и, пока он снимал с кольца ключ, схватила его за руку. — Я не хочу этого видеть. Я не готова видеть твою... комнату для убийств, или типа того.

— *Мою комнату для убийств?* — усмехнулся он и, высвободившись из ее хватки, отпер дверь. — Эмма, это всего лишь подвал. Я вытер всю кровь. Не бойся.

Ах, Чёрч. Всегда знал, как вывести ее из себя. Она злобно уставилась на него.

— Я не боюсь.

— Хорошо.

Он молча протянул ей ключ и отступил в сторону, чтобы она могла спуститься по лестнице первой. Когда Чёрч закрыл за ними дверь, все погрузилось в темноту. Перил не было, поэтому Эмма тут же вытянула руку и прижалась ладонью к стене.

— Что ты делаешь?!

— *Расслабься.*

Их окружило мягкое свечение. Чёрч достал телефон и, включив экран, осветил им путь. Эмма спускалась по лестнице, пока не оказалась на бетонном полу. Замерев, она почувствовала, как Чёрч пронесся мимо нее, и мгновение спустя в подвале зажглись несколько больших ламп, вроде уличных сенсорных фонарей. Она зажмурилась от яркого света и попыталась оглядеть комнату.

— Что... ты *здесь* живешь?

К дальней стене была придвинута койка, на ней лежали потрепанный спальный мешок и подушка. В ногах кровати стояло несколько ящичков из-под молока, на которых находился ноутбук.

— Да, — ответил он и, обойдя ее, прошел в другой конец комнаты.

— Так ты не ездил в Нью-Йорк?

— Один раз, в самом начале. На пару дней. А потом вернулся сюда.

— То есть практически все время. Все это время ты был здесь?

— Все время, Эмма.

«Близко. Так близко. Он всегда был рядом со мной. Я никогда не была одна».

Она бродила по комнате, осматривая все вокруг. Чёрч отлично все за собой подчистил — в жизни не скажешь, что прошлой ночью тут кого-то распилили. В подвале не было ни единого пятнышка крови, и сильно пахло чистящими средствами.

Эмма оглядела его спальное место и улыбнулась, увидев в изголовье кровати пустые коробки из-под еды. Неряха Чёрч, что за дикая мысль. Конечно, чтобы вынести мусор, ему нужно выйти на улицу, а это не так-то просто.

— Джерри? — оглянувшись, вдруг спросила она.

Чёрч кивнул.

— Он знал.

— Всё...

— Да, Эмма, он все это время знал, что я здесь.

— Итак, — сказала она и, обернувшись, посмотрела на единственный находящийся здесь объект. — Что это?

Посреди комнаты стояло кресло. Прочное, простое кресло с массивной спинкой, сделанное, видимо, из твердого дуба. На подлокотниках красовались мягкие наручники, очевидно, чтобы кого-то на нем удерживать. Толстая кожа крепилась к дереву здоровыми болтами — хрен сбежишь. Кроме того, Эмма заметила, что ножки стула привинчены к бетонному полу, что сводило на нет любую попытку побега.

— Это мой подарок тебе, — произнес Чёрч, и она приподняла бровь.

— То есть...?

— То есть я уверен, что ты найдешь ему применение.

— Единственное, о чем я не скучаю в своей теперешней жизни, так это по твоим дебильным полунамёкам, — вздохнула она.

— А вот и та враждебность, о которой я говорил.

Эмма нахмурилась. Ей вовсе не хотелось относиться к нему с враждебностью, но это была ее единственная защита от его подавляющего присутствия. В первый раз, когда она потеряла бдительность, Чёрч отравил ей мозг и сломал. Во второй раз все кончилось тем, что она трахнулась с ним рядом с лужей крови. Ей необходимо сохранять между ними барьер, иначе она снова в нем растворится.

И хотя в первый раз самоубийство оказалось довольно экстремальным аттракционом, попробовать еще раз ей точно не хотелось.

— Рада, что ты показал мне свое тайное логово, — медленно проговорила Эмма, отвернувшись от кресла. От него она как-то странно себя чувствовала. Ну или, по крайней мере, страннее, чем обычно. — И мне приятно знать, что всё это время ты был рядом. И хотя я очень благодарна тебе за... *помощь* той ночью, я не хочу... не хочу становиться твоим

партнером по убийствам.

Эмма твёрдо стояла на своем и смотрела ему прямо в глаза, стараясь не показать, как она нервничает. Девушка ожидала, что из-за ее слов он расстроится. Разозлится. Или попытается ею манипулировать, как-то ее переубедить.

Однако он не сделал ничего подобного. Вместо этого Чёрч усмехнулся.

— Моим *партнёром*? — с насмешкой переспросил он. — Ты думаешь, это здесь происходит?

— Ты ведь этого всегда хотел.

— Эмма, ты всегда была такой смешной. Это не партнерство. Разве не видишь? *Ты* здесь главная, а я просто следую за тобой.

Она удивленно заморгала, пытаясь понять, что он имеет в виду. Чёрч что, морочит ей голову? Возможно. Пытается сбить ее с толку. Заставить чувствовать себя виноватой за то, во что она его втянула.

«Потому что так оно и есть. Это ты напросилась на встречу с Каспером, ты поехала с ним к нему домой. Это ты была звездой того шоу, Чёрч включился в процесс только в финальном акте».

— Нет, — внезапно выпалила она, удивив и Чёрча, и себя. — Я не хочу быть главной. Я не... не хочу этим сейчас заниматься, вот чего я хочу.

— О, Эмма. Во многом ты все еще маленькая испуганная девочка.

Она прошла мимо него и направилась к выходу. Не взглянув на Чёрча, она поднялась по лестнице. И лишь когда захлопнула за собой дверь, почувствовала себя немного по-детски.

— Эмма?

*«Глупо, глупо, глупо. Ты и **впрямь** маленькая девочка, мечущаяся из одной дерьмовой ситуации в другую».*

В паре шагов от входа в коридор застыла Марго. На руке у нее болталась сумочка. Эмма откашлялась.

— Привет.

— Что ты делала в подвале? Ты ведь знаешь, что нам нельзя туда спускаться, — раздраженно бросила мать.

— Знаю. Мне... мне показалось, что я слышала там какой-то шум. Ничего особенного.

— Шум? Боже, это могут быть крысы. Одному Богу известно, что там внизу. Наверное, мне стоит взглянуть, — вздохнула Марго и направилась к двери.

— Нет, — сказала Эмма, аккуратно загородив ей проход. — Нет, я... я думаю, там плесень. Ядовитая или типа того. Нужно рассказать об этом Джерри, когда он вернется домой.

— О, Господи, черная плесень? Только этого мне и не хватало. Интересно, могу я подать в суд на собственного мужа за угрозу жизни? — простила Марго и вернулась в гостиную.

Эмма с облегчением прислонилась к двери и в этот момент услышала шум. Очень тихий скрежет металла о металл. Затем *щелчок*. Дверь снова была заперта.

— Зачем подавать в суд на Джерри, если ты собираешься бросить его ради Каспера?

— Не называй его так, это глупо звучит.

— Ну, потому что *он сам* глупый.

— Вовсе нет. Он в сущности врач, и такой бабник, что по любому снова проколется. Просто, когда это произойдет, мне нужно быть рядом.

— Что именно ты имеешь в виду? — спросила Эмма.

Если бы Марго была умной женщиной, то знала бы, что свои коварные планы лучше держать при себе.

Но она ею не была, зато всегда надеялась, что дочь когда-нибудь станет добровольным соучастником ее преступления.

— Ну, знаешь, пара фотографий, на которых он домогается одной из тех бедолаг на «Солнечном ранчо», и он будет моим, — усмехнулась Марго. — В любом случае, мы уже поладили во всех отношениях, поэтому уверена, что ему не придется долго выбирать — жениться на мне, или потерять работу и попасть в тюрьму.

— Это просто... потрясающе, Марго. Отличный... план. Или типа того. Надеюсь, что у вас с Касперианом будет замечательная совместная жизнь.

— Хорошо. И не думай, что у тебя получится запустить в эту схему свои коготки. Теперь уж точно никто не поверит ни единому твоему слову, с твоим-то личным делом. Можешь остаться здесь с Джерри, все равно ты ему нравишься больше, чем я. Сиди здесь, в этой заросшей плесенью помойке, — проворчала она.

Забавно, что всего пару месяцев назад Марго хвасталась этим домом, словно это был дворец. Самое прекрасное место, где они когда-либо жили, а теперь это уже помойка.

«Ей всегда будет мало. Всегда. Касперу повезло, что я его убила, потому что, если бы не я, Марго высосала бы из него жизнь. Она чертов дьявол. Она не заслуживает того, чтобы причинить вред кому-то еще».

Эмма уставилась в пустоту, ужаснувшись собственным мыслям. Похоже, стоило ей немного забыть, как ее темная сущность тут же напоминала о себе. И в последний раз, когда у нее возникли подобные мысли, кое-кого распилили на куски и зарыли посреди леса.

— Пожалуй, я пойду спать, — выдохнула она. — У меня... раскалывается голова.

— И не думай, что я не встану утром, чтобы проверить, вовремя ли ты уехала, — предупредила ее Марго. — Я не куплюсь на эту милую и невинную чушь из серии «я просто хочу сэкономить Джерри немного времени и денег!». Пока мы живем в этом доме, мы не должны огорчать Джерри, и по какой-то неясной для меня причине, это включает в себя хорошее отношение к тебе. Но однажды ты облажаешься, забудешь к нему заехать, помнешь машину или не зальешь бензин и как миленькая снова вернешься в дурку. Не забывай, что у меня все еще есть возможность это сделать.

Эмма хотела рассмеяться, но вместо этого повернулась и поспешила по коридору. Конечно, у Марго все еще была возможность посадить Эмму в дурдом, и это немного пугало.

Но пугало не так, как возможность отнять жизнь.

Этим вечером Эмма снова уставилась в потолок. Как всегда. Ей казалось, что она уже миллион лет таращится в потолок Чёрча. Целую жизнь. Она решила, что дырки в потолке не от плакатов. Должно быть, там висело что-то другое. Может, картинки из книг по анатомии? Было бы очень кстати.

«Я могу презрительно злорадствовать о том, как кого-нибудь прикончу, а уже в следующий момент бояться собственной тени. Ненавижу Чёрча. Люблю его больше».

воздуха. *Не хочу снова быть той девушкой. Я навсегда хочу остаться той девушкой.*

У нее по щеке скатилась слеза, и Эмма начала считать маленькие дырочки. Один, два, четыре, шесть, восемь, десять, пятнадцать, двадцать, двадцать пять...

«Сумасшедшие не знают, что они сумасшедшие. Я не могу быть сумасшедшей. Долбанутой — конечно. Ненормальной — вне всяких сомнений. Но, Господи, пожалуйста, не дай мне сойти с ума. Сумасшедшие не знают, что они сумасшедшие».

...тридцать, тридцать пять, сорок, сорок пять...

«Я не могу провести свою жизнь в лечебнице. Не могу. Лучшие уж мне умереть, чем остаться наполовину живой. Я не могу быть сумасшедшей».

...пятьдесят, пятьдесят пять, шестьдесят, шестьдесят, шестьдесят пять, семьдесят...

черт, подождите-ка, те дырки в углу она уже считала.

«Я чертова идиотка».

Эмма сама не поняла, как вскочила с постели. Ранее вечером Чёрч дал ей ключ от подвала, и сперва она подумала, что он забыл попросить его обратно.

Но теперь Эмма поняла, что он целенаправленно отдал ей ключ. Чёрч, так сказать, вернулся. Больше не было причин от нее прятаться.

В комнате Марго и Джерри горел телевизор, оттуда доносился закадровый смех. Марго тоже рассмеялась, и вместе они издали такой звук, от которой изможденная обывательская душа Эммы содрогнулась.

Она прокралась мимо их двери и пошла по коридору. Не стала предварительно стучать, потому что это было просто глупо. Эмма открыла дверь в подвал и, убедившись, что надежно заперла ее за собой, спустилась по лестнице.

В прошлый раз она заметила, что там торчали оголенные провода, а на потолке не было никаких светильников. Единственным средством освещения в большом подвальном помещении были уличные сенсорные фонари, и сейчас ни один из них не горел.

Свет исходил только от компьютера. На нем шел какой-то черно-белый фильм, но звук был выключен. Субтитров она вроде не увидела, но решила, что это не имеет значения. Чёрч все равно не смотрел.

Его глаза были устремлены в потолок, и Эмма чуть не улыбнулась. И снова их разделяли балки, стены и каменные плиты, но они с Чёрчем занимались одним и тем же. Интересно, он тоже считал дыры в потолке?

— Ты пришла за что-то на меня злиться?

Голос Чёрча был мягким, а тон — нейтральным. До этого момента он никак не реагировал на ее присутствие и сейчас тоже не удостоил ее взглядом. Выражение его лица оставалось совершенно пустым. Он выглядел точно так же, как тот парень, которого она встретила всего пару месяцев назад.

«Пару месяцев? Всего-то? Какие-то два ничтожных месяца полностью изменили мою жизнь?»

Эмма ему не ответила. Вместо этого она подошла ближе и опустилась на колени рядом с его койкой. Чёрч тоже ничего не сказал, просто повернулся на бок и прислонился спиной к стене, придерживая для нее спальный мешок. Пришлось немного постараться, но вскоре ее окутало тепло его тела и спального мешка.

От чего Эмма тут же вспомнила о другом теле в мешке.

— Я на тебя не злюсь, — выдохнула она, прижавшись лбом к его ключице.

— Не морочь мне голову. Я же сказал, что вернусь за тобой.

— Знаю, знаю, — выдохнула она. — Дело не в этом. Вовсе нет.

— Тогда в чём? Эмма, я пытаюсь быть тем, кем ты хочешь меня видеть, но это довольно трудно, если ты *сама* не знаешь, кем хочешь быть, — ровным голосом объяснил он.

— Я не хочу, чтобы ты был кем-то другим.

— Это обнадёживает. Тогда не просветишь меня, что именно сводит тебя с ума?

Конечно же, он знал. Великий и ужасный Чёрч всегда всё знал. Эмма глубоко вздохнула, глядя, как поднимается и опускается его грудь, на которую отбрасывал серые тени старый фильм.

— Я всегда думала..., — ее голос казался хриплым и бесцветным. — Что это *ты* чудовище. И меня это устраивало. Я могла бы быть твоим... твоим фамильяром или чем-то типа того. Твоим Игорем. Ватсоном твоему Шерлоку. (*«Фамильяр» — волшебный помощник человека, практикующего магию, часто встречается во многих легендах и мифах западной культуры. «Игорь» — здесь имеется в виду мультфильм компании Metro-Goldwyn-Mayer «Игорь»(2008) про талантливого помощника злого ученого — Прим. пер.)*

— Очень мило с твоей стороны.

— Но не я. Сама я чудовищем не была. Все те мужчины, которые прикасались ко мне в детстве, это *они* были чудовищами, — у Эммы начал срываться голос. — *Марго* чудовище. Но не я. Только не я. Я была *жертвой*. Всегда только жертвой.

— Бедная маленькая Эмма.

— Бедная маленькая Эмма, — повторила она, и по ее щеке скатилась еще одна слеза. — Все эти люди делали с ней все это. То, о чем она никогда не просила, чего никогда не хотела. Это *несправедливо*.

— Что несправедливо?

— Я не хочу быть чудовищем, — прошептала она.

— О, Эмма, — выдохнул он и, наконец, обнял ее за талию. — Ты прекрасна такая, какая есть. Чудовищем и чем угодно.

— Просто я не думаю, что смогу быть таким человеком, — уже всерьез плакала она. — Одно дело — сделать это для тебя. Для тебя я пойду на многое. Могу сделать все, что ты захочешь. Но... но...

— Для себя ты этого сделать не можешь.

— Нет.

— Потому что ты не умеешь ничего делать для себя. Ты даже не знаешь, как быть счастливой.

— *Нет*.

— А печальное чудовище — это совсем печально, — прошептал он, прижавшись губами к ее виску.

Эмма крепко зажмурилась, пытаясь остановить поток слез.

— Они сделали это со мной, — плакала она. — Это *они* были плохими, а не я, так почему же именно я сошла с ума?!

— Ты не сошла с ума, — сказал он ей. — Ты *запуталась*. Эмма, твоя проблема в том, что ты считаешь, будто все должно быть связано в аккуратный бантик. Кто-то сделал тебе что-то плохое, поэтому ты хорошая, а он плохой. Но возможно, всего лишь возможно, даже если бы никто ничего не мог тебе сделать, ты все равно была бы такой. В любом случае, в конечном итоге, здесь и сейчас, ты вот *такая*. Хорошая ли, плохая, запутавшаяся или *сумасшедшая*. Как-то раз ты посоветовала мне принять себя таким, какой я есть, смириться

со своей тёмной сущностью. Думаю, пора тебе следовать своим принципам.

— Я никогда не хотела быть убийцей, — сказала она, с трудом сдерживая дыхание. — Я никогда не мечтала о смерти так, как ты.

— Лгунья, — усмехнулся он и едва слышно прошептал ей в ухо. — Ты мечтала убить свою мать с тех самых пор, как поняла, с какой легкостью нож разрезает масло.

Нет, это неправда. Так ведь? Конечно, она ненавидела Марго, но ей никогда не приходило в голову ее *убить*. Может, причинить ей сильную физическую боль, но эй, какой подросток время от времени не желал такого своим родителям? Наверняка Эмма не единственная, кто в детстве мечтал вернуться домой и узнать, что его мамашу сбила машина. Желательно большая. Желательно восемнадцати колёсная фура. И чтобы каждое чертово колесо проехало прямо по этой тупой суке.

«*Боже мой...*»

Ее дыхание успокоилось, и Эмма сморгнула слезы.

Она никогда в серьез не думала «*я хочу убить свою мать*». Она даже про себя ни разу не говорила: «*Когда-нибудь я убью Марго*».

Но, о, боже, как же она желала смерти этой женщине! Много раз. Всевозможными способами. Автомобильная авария, пожар, разъяренный бывший, наезд на дороге, групповуха, чума, какая разница. Всё то угодно. Конечно же, не своими руками, она не *чудовище!* Но, тем не менее, Эмма мечтала о смерти. Для таких, как Марго, нет ничего ужасного. Эмме хотелось, чтобы ее мать умерла какой-нибудь жуткой смертью, и, если бы это произошло, она бы ее не оплакивала, не сожалела бы о своих жестоких мыслях, а обрадовалась бы этой новости.

И тут же забыла бы о существовании Марго. Потому что Марго Хартли не стоила даже воспоминаний.

— Я не убийца, — выдохнула она.

— Нет, — согласился Черч. — Но ты хочешь отомстить. И хочешь, чтобы определённые люди умерли.

— Да.

Как и утром в приемной, Эмма почувствовала, как что-то у нее в мозгу щелкнуло и открылось. Она ахнула и прижалась руками к груди Чёрча.

Такое маленькое слово, и такой сильный эффект. Ей хотелось, чтобы эти люди умерли, и, главное, знали, что именно она положила конец их жизням. Все эти больные ублюдки, которые прикасались к ней в детстве. Ее мать за то, что позволяла им это. Ее отец, за то, что ее бросил. За то, что причинил ей боль. За то, что ее *надломил*. Когда она думала об этих словах, они казались ей такими *правильными*. У нее было чувство, словно ей ничего в жизни никогда так сильно не хотелось.

— Я все перепутала, — сказала она. — Все это время мне казалось, что я — средство для осуществления твоих деяний. Но все наоборот.

— Ты будешь громом, — прошептал ей на ухо Чёрч. — А я молнией. Ты будешь облаком, а я дождем.

— *Силами природы*, — едва слышно произнесла Эмма, убирая руки от его груди.

— И разрушения, — согласился он. — Мы годами учились прятать наши самые сокровенные желания, но это практически уничтожило нас обоих. Хватит, Эмма. Больше никаких игр. Никакой лжи. Однажды я сказал тебе, что если мы встанем на этот путь, то ты будешь со мной. Но я ошибался.

— Ошибался?

— Да. Потому что дело вовсе не во мне. Дело в нас обоих. Мы *нужны* друг другу. Без твоего импульса мне не стать тем, кем мне изначально суждено быть, а без моей поддержки, ты не выдержишь, распадёшься на части и никогда не приблизишься к настоящей Эмме. Ты — рукоять молотка, а я — его боёк. Ты замахиваешься, а я наношу удар. Понимаешь? Ранее мы допустили промах, потому что делали все неправильно. На этот раз...

— На этот раз мы все сделаем правильно, — закончила за него Эмма и коснулась пальцами своего шрама на внутренней стороне ноги. Через секунду она почувствовала там и его пальцы.

— Он лучше всех шрамов, что я на тебе оставлял, — выдохнул Чёрч, снова касаясь губами ее виска.

— Он прекрасен, — сказала Эмма и, когда его пальцы скользнули выше, подняла к нему лицо.

— Вместе мы достигнем большего, — прошептал он, целуя ее в переносицу. В щеку. В изгиб ее губ.

— Обещаешь? — сказала она, и у нее перехватило дыхание.

— Обещаю, Эмма. Я дам тебе все, о чем ты мечтала.

И снова этот сладкий шепот у нее в ушах. Слаще всего, что она когда-либо хотела услышать. И когда его пальцы проникли глубже, а язык снова завладел ее ртом, Эмма из последних сил старалась не обращать внимания на тоненький голосок у себя в голове, подозрительно напоминающий голос доктора Розенштейна.

«Если что-то звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой, то скорее всего это правда и есть...».

ЭММА

ТАВТОЛОГИЯ (Тав-то-ло-ги-я)

Существительное.

1. Повторение однокоренных слов или морфем в пределах одного текста или фразы.

2. Выражение, остающееся истинным независимо от того, о какой области объектов идет речь, или «всегда истинное выражение».

См. также: «Круговое рассуждение».

Немного запутанно, да? Ну, это тоже самое, что и PIN-код: слово PIN само по себе уже означает «личный идентификационный код», поэтому, по сути, мы все расхаживаем и говорим «личный идентификационный код-код», что, честно говоря, просто глупо.

Ну, или вот океан голубой, потому что отражает небо, а небо голубое, потому что отражает океан. Круговое рассуждение, Эх, вот же сука.

Но мы все постоянно в нем увязаем. Ну, или, по крайней мере, я.

Я — чудовище. Откуда я это знаю? Потому что мне так сказал Чёрч. Откуда он это знает? Потому что он тоже чудовище. Откуда я это знаю? Потому что я чудовище. Откуда я это знаю? Потому что мне так сказал Чёрч. Откуда он это знает? Потому что он тоже

чудовище. Откуда я...

Как там поется в этой песне? «Что-то там бесконечный круг, который повторяется, мой друг»? (Здесь имеется в виду очень популярная в Америке «Песня без конца» (*The Song That Doesn't End*), детская песня, состоящая из одного повторяющегося четверостишья. Часте поется семьями во время долгих автомобильных поездок — Прим. пер.)

Но вот в чем загвоздка — что я за чудовище? Меня им сделали, или я такой родилась? И что из этого круче?

Чёрч таким родился, его мама просто немного ему поспособствовала. Его матерью могла быть Мать Тереза, он все равно бы грезил о вивисекции девочек. (*Вивисекция* — проведение прижизненных хирургических операций над животным с целью исследования функций организма (либо извлечённых отдельных органов) — Прим. пер.) Это у него в крови и в костях. Он животное, сверххищник, такова его природа. Осуждать Чёрча за убийство какого-нибудь человека все равно что осуждать ягуара за убийство оленя.

Но вот я... Это считается, если меня такой *сделали*? В смысле, если меня такой сделали, то могу ли я *переделаться* обратно? *Следует ли* мне это сделать? То есть, безусловно, правильный ответ — «да», я не должна хотеть причинять людям боль. Не должна хотеть лишать их жизни. Я должна немедленно вернуться в «Солнечное ранчо» и умолять доктора Розенштейна посадить меня под замок, выбросить ключ и при этом очень поторопиться, потому что скоро полнолуние!

Но есть небольшая проблема. Я не хочу «переделываться». Не хочу сидеть взаперти. Если я — порождение рук человеческих, значит, думаю, так тому и быть — люди пожнут то, что во мне посеяли.

Будем надеяться, урожай будет хорошим.

Чёрч разбудил ее пораньше, чтобы она успела прокрасться наверх и подготовиться к новому дню. Эмма долго принимала душ, вода была такой горячей, что ее кожа стала розовой и чувствительной. Она подняла лицо к брызгам, и лишь когда вода попала ей на зубы, поняла, что улыбается.

Продолжая улыбаться, Эмма высушила волосы и вернулась в спальню. Даже когда она одевалась, уголки ее губ оставались приподнятыми. До тех пор, пока она не направилась к выходу. Положив руку на дверную ручку, Эмма взглянула на потолок.

«Я забыла спросить, что он туда прикалывал».

Джерри сидел за столом, а Марго бродила по кухне. Она все еще была в халате и в бигуди, видимо снова приспособившись к прежнему графику.

— Ты сегодня подозрительно хорошо выглядишь, — проворчала она, взглянув на дочь.

Эмма с трудом сдержала улыбку.

— Позитивный настрой, — ответила она. — У меня такое чувство, будто я перевернула страницу своей... э-э... психотерапии. Мне не терпится обсудить это с доктором.

— Рада за тебя, — пробормотала Марго и, вытащив из кармана мобильник, посмотрела на экран.

Что бы она там ни увидела, это заставило ее нахмуриться.

— Спасибо. Хм, готов ехать, Джер? — спросила Эмма.

Джерри к ней повернулся и внимательно на нее посмотрел. Эмма широко ему улыбнулась. Он ей не ответил. Просто поднялся на ноги и обошел стол.

— Все будет хорошо, дорогая, — заверил он жену, забирая куртку.

— Напиши мне, как только она вернет машину, — прорычала Марго, едва подставив мужу щеку для поцелуя.

— Конечно, дорогая. Как скажешь. Эмма?

Они подошли к старому «Бьюику» Джерри. Эмма ожидала, что он сам отвезет их к своему офису, а потом за руль сядет она, но Джерри неожиданно скользнул на пассажирское сиденье. Эмма быстро обошла машину и села за руль. Он, попрыгав, отдал ей ключи.

— Рычаг переключения передач тут немного мудрёный. Иногда приходится его покрутить.

Она выехала с парковки и осторожно проехала квартал. Эмма давно не садилась за руль, и ей было немного страшновато. Но вскоре она почувствовала себя за рулем комфортно и, наконец, заговорила.

— Знаешь, Джерри, — остановившись на светофоре, начала она. — Не думаю, что когда-нибудь тебе этого говорила, но ты всегда меня завораживал.

Он не ответил, просто продолжал смотреть вперед.

«А сын-то весь в отца».

— Сначала как какое-то новое явление. Какой-то простофиля, которого Марго обманом затащила под венец. Почти как шутка, в которую ты не врубаешься. Но потом ты показал

своё... внутреннее чутьё. Всегда говорил правильные слова в нужном месте и в нужный момент. Ты больше не казался мне шуткой.

Джерри откашлялся, и она взглянула на него, но он только кивнул головой влево, показывая, куда ей свернуть.

— Нет, ты не шутка. Теперь ты — *диковинка*. Скажи мне, Джерри, откуда ты? Я знаю, что эта чудная деревушка — не твой дом, как и та захолустная помойка, в которой ты подобрал Марго. Я спрашивала об этом Чёрча, но он тоже не знает. Как-то странно, тебе не кажется? Сын, не знает, откуда родом его отец?

Она зашла с козырей. Если Джерри хотя бы наполовину так умен, как ей кажется, то поймёт, почему она болтает. Почему задает ему эти вопросы. Он мог просто не отвечать. Просто продолжать играть в молчанку в духе Чёрча.

— Мэриленд, — ответил наконец он. — Я из Мэриленда.

— Конечно, — усмехнувшись, сказала она. — Джерри — твое настоящее имя?

— Оно указано в моих водительских правах.

— Понятно. Почему ты женился на матери Чёрча? Прости, что спрашиваю, но чем больше я живу рядом с тобой, тем больше понимаю, что ты не из тех, кто женится — и тем не менее, сделал это дважды. Зачем? — прямо спросила Эмма.

— Потому что она забеременела, — так же прямо ответил он, чем очень ее удивил.

— В самом деле? Полагаю, это очень... благородно с твоей стороны.

— Я никогда не собирался заводить детей, — продолжал он. — Но как только узнал, что это мальчик, то решил остаться. Понял, что ему будет нужен отец, там, где мать помочь не сможет.

Это было почти мило. Эмма нахмурилась. Джерри «милым» ей не казался, поэтому она не знала, стоит ли верить его словам.

— Вот как? А что насчет Марго? Ее детородный возраст давно миновал, так какое у тебя оправдание за нее? — спросила Эмма.

Он усмехнулся.

— Ты, Эмма.

— Я?

— Я никогда не хотел жениться на твоей матери, — начал объяснять он. — Но потом увидел тебя и, как уже говорил, понял, что ты идеально подходишь моему сыну. Понял, что ты сможешь наполнить его жизнь. Также я видел, какую власть имеет над тобой Марго. Ты без нее никуда не пойдешь, и наоборот. Эта женщина использует тебя как наживку на приманку.

Эмма кивнула и, когда они въехали на стоянку, посмотрела на него.

— Да, — ответила она. — Но, кажется, на этот раз она поймала кое-что, что ей не по зубам.

Наконец, когда машина остановилась, Джерри обернулся и посмотрел на нее. И снова ее поразил удивительный цвет его глаз. Совсем как у Чёрча.

— Знаешь, Эмма, иногда мне кажется, что у тебя тоже хорошее внутреннее чутьё, — сказал Джерри, и она ему улыбнулась. — И, если бы ты научилась к нему прислушиваться, может, с тобой случилось бы что-нибудь чудесное. Может, даже со всеми нами.

Прежде, чем она успела задать ему еще один вопрос, Джерри вышел из машины и направился к заводу. Некоторое время она смотрела ему в след, и ее восхищение им росло стремительными темпами. Наконец Эмма снова завела машину и выехала со стоянки.

До встречи с Розенштейном оставалось еще какое-то время, поэтому она решила прокатиться. Интересно, Чёрч еще в постели? И что имел в виду Джерри, говоря о ее внутреннем чутье? Она никогда не думала, что Джерри станет одним из этих галдящих у нее в голове голосов.

Осознав, что едет вдоль озера, Эмма направилась к дому своей старой подруги Стейси. Девушка уехала на каникулы в Джорджию и вернется теперь только в первую неделю января. Эмма вышла из машины и, обойдя вокруг дома, заглянула в окна. Дом казался совершенно безжизненным.

«Идеально».

Она обогнула дом и прошла через задний двор. Стейси жила на озере, недалеко от Джоша, хотя у нее и не было такого классного пирса, как у него. Сейчас он бы не помешал. А так... раздевшись до нижнего белья, Эмме пришлось входить в ледяную зимнюю воду постепенно. Легче было бы просто прыгнуть — ее зубы начали стучать еще до того, как вода достигла коленей. Когда она дошла до уровня бедер, Эмма резко вдохнула и в конце концов просто присела на корточки. Затем легла на спину и поплыла.

Ах, ей не хватало этого холода, такого леденящего, чтобы пронизывал ее до самых костей. К стучащим зубам добавились дрожащие конечности, но несмотря на это, Эмма довольно улыбнулась. Ей казалось, что за последние шесть недель из нее совершенно ушла жизнь, и только вчера вечером, только сегодня утром, она наконец, снова ее почувствовала.

Эмма не была суперпловчихой, но всегда чувствовала себя в воде как дома. Вода — элемент, без которого невозможна жизнь, но который с такой же легкостью может и убить. По сути, это была метафора... *всего* в ее жизни.

Она не была на озере с тех самых пор, как они с Чёрчем впервые поцеловались, и с одной стороны ей хотелось, чтобы он сейчас был с ней. Держал ее, не давал ей утонуть.

Но с другой стороны, Эмма была рада побыть одной. Ей нужно было многое обдумать, и, хотя ей больше не нужно было пытаться быть «нормальной», полностью отказываться от всего, чему ее научили на сеансах психотерапии Эмма тоже не собиралась. Больше никакой слепой веры. Нельзя отдавать всю себя во власть какому-то мужчине.

Она уставилась в стальное небо, взгляд рассеянно скользил по нависающим над ней облакам. Она верила всему, что сказал Чёрч, и в основном со всем была согласна. Однако она не очень доверяла его замыслам. Однажды, его сладкие слова уже стали ее гибелью. Но теперь они только возбудили в ней подозрения. Эмма любила его, она этого не отрицала. Но она ему не доверяла. Не на сто процентов. Ещё нет. На это потребуется много времени.

Она попыталась сесть прямо и держаться на воде, двигая ногами. Эмма уставилась на виднеющийся вдалеке дом Стейси. Никто его не охранял, это был маленький городок. В доме не было сигнализации. Наверное, единственным гарантом его безопасности был засов или два. Пробраться внутрь не составит труда.

Вот и отлично. У Чёрча было логово в подвале. Хорошо.

А у Эммы будет свое тайное убежище.

Добравшись до берега, она рассмеялась над своими мыслями. Логово? Убежище? Господи, они больше напоминали не влюбленных, а двух противоборствующих суперзлодеев.

Эта мысль пронеслась у нее в голове, и Эмма перестала смеяться. Перестала улыбаться. Она стояла по щиколотку в ледяной воде и смотрела на пустой, безлюдный дом Стейси.

«Суперзлодеи, ага. Интересно, что нужно, чтобы победить в таком

противоборстве... или два злодея могут мирно сосуществовать?».

Когда Эмма приехала на прием, доктор Розенштейн был не в самом лучшем расположении духа. Она сидела на своем обычном месте, теребя прядь еще влажных волос.

— Ты хоть представляешь, что мне пришлось сделать, чтобы скрыть то, что ты устроила в приемной? — проворчал он, роясь в сложенных у него в шкафу папках.

— Уверена, что это было не сложнее, чем скрывать нескончаемые изнасилования Каспера, которыми он тут занимается.

— Господи, Эмма, он не *настолько* ужасен.

— Доктор, Вас когда-нибудь насиловали?

— Честно говоря, я удивлен, что ты продолжаешь приходить на эти встречи, — вздохнул он, наконец повернувшись к ней. — Ты явно не заинтересована в том, чтобы тебе стало лучше. Если уж на то пошло, я думаю, что тебе становится хуже. И кажется, я знаю почему, Эмма.

— Наверное, потому, что я Вам *об этом сказала*, — заметила она.

— Я знаю о Каспериане и твоей матери, — тихо сказал он и наконец-то сел.

Эмма напряглась.

— А что с ними? — спросила она.

Одно дело, когда разговор о Каспере, мертвом призраке, поднимала она, но, когда это делал Розенштейн, Эмма заметно нервничала.

— Я знаю об их романе, — сказал он. Эмма прищурилась, гадая, куда он клонит. — И для девушки естественно ревновать к матери. Ревновать, когда мужчина не отвечает ей взаимностью. Никто не осуждает тебя за эти чувства. Но набрасываться, проявлять насилие, угрожать людям? Это недопустимо.

— Доктор, доктор, доктор, — помотав головой, простионала она. — Вы всерьёз думаете, что мне есть дело до того, с кем трахается моя мать? Если бы я устраивала истерики из-за каждого, кому она изменяла или с кем спала, меня бы упекли в психушку гораздо раньше. Мне плевать, что они спали вместе. Я за них счастлива, как слон. Хотите знать почему? Потому что каждый раз, когда он трахает ее, он не насилует какую-нибудь *психически нездоровую пациентку*.

— Тогда я должен поинтересоваться, откуда вдруг эта агрессия? — доктор Розенштейн откинулся на спинку стула. — Ты так стремительно шла на поправку, и тут из ниоткуда появляется совершенно новая Эмма. Скажи, ты общалась с Полом Логаном?

Она свирепо на него зыркнула.

— Я уже давно не разговаривала с Полом.

С технической точки зрения, она вообще никогда не разговаривала с «Полом». Она даже не была уверена, существовал ли когда-нибудь этот «Пол». Он всегда был Чёрчем.

— Хорошо. Это хорошо. Потому что, Эмма, если он попытается вернуться в твою жизнь, начнется всё то же самое. Он будет стараться тебя контролировать и манипулировать тобой, потому что именно этим и занимаются социопаты. Они не способны распознать и почувствовать глубокие эмоции.

Отличная мысль. Эмма даже не потрудилась заметить, что Чёрча определили как

социопата лишь предположительно, и что он даже не подпадал под триаду Макдональда — под три поведенческие характеристики, которые часто присутствуют у серийных убийц. Большинство из них в юности страдали хроническим энурезом, были жестоки к животным и имели склонность к поджогам.

Эмма ничего не знала об энурезе, но она не могла себе представить даже то, что Чёрч в младенчестве мочился в пеленки, не говоря уже о простынях в подростковом возрасте. И он был совершенно равнодушен к животным — его фетишем была не столько смерть, сколько страх. А выразить страх так, как того желал Чёрч, мог только человек.

Что касается поджогов, то он рассказывал ей, как в юности поджёг дом. Но всего одно очко из трех не считается.

— Доктор, я буду иметь это в виду, если Пол Логан когда-нибудь постучится в мою дверь. Но теперь Вы заставили меня призадуматься, — сказала она, и Розенштейн заметно занервничал. — Если меня всю жизнь обманывали все, с кем я общалась, как я теперь могу доверять тому, что мне говорят?

— Ну, Эмма, лгут все. Всё дело в степени...

— Вы знаете, что я имею в виду — я говорю не о безобидной лжи. Я говорю о той, что пострашней. О той, что может разрушить мечты, разбить сердца и сломать жизни. Как мне... об этом забыть? — спросила она.

Не смотря на всю свою продажность, Розенштейн все же был хорошим врачом. Эмма больше не считала себя сумасшедшей, но ей на самом деле нужна была помощь, чтобы кое в чем разобраться.

— Это трудный вопрос, и ответ в основном зависит от тебя. От твоей готовности прощать и признавать, что люди совершают ошибки, даже ужасные. Что, возможно, ты тоже несешь личную ответственность за некоторые из этих ситуаций. Да, за некоторые из них. Как только ты поймешь, что иногда принимаешь неправильные решения, в результате которых оказываешься не с теми людьми, ты можешь извлечь из этого уроки и начать делать правильный выбор.

Хм, значит, ей нужно сделать правильный выбор.

— Но даже если я сделаю этот «правильный выбор», как я смогу доверять окружающим меня людям?

— Время. Дай людям шанс проявить себя. Никто не заставляет тебя тут же им доверять, но и списывать их всех со счетов при первой же встрече тоже не стоит. Ты можешь сохранять нейтральную позицию и дать им шанс.

Ох, а это мысль. Из этого могло что-то выйти. Простая концепция. Никакого «правильного выбора» не существовало — им был Чёрч. И все же она не могла заставить себя ему доверять. По крайней мере, пока. Ей необходимо дать ему время. Она ждала его шесть недель, может подождать и еще немного, прежде чем снова отдать ему все свое сердце.

— Кажется, я поняла, — пробормотала она. — Спасибо, доктор.

— Рад, что чем-то смог тебе помочь. Пожалуйста, Эмма, я хочу, чтобы ты пересмотрела свою просьбу о снятии опекунов с твоей матери — ну или, по крайней мере, согласилась еще на пару недель лечения в стационаре. Я действительно считаю, что могу тебе помочь.

Эмма фыркнула.

— Нет, спасибо, док. Я уже видела, что творится у вас тут в стационаре, и мне совсем не хочется забеременеть или заразиться герпесом.

— Эмма, излишняя драматичность тебе не идет.

— Вы шутите? Да это практически моя визитная карточка.

— Тогда почему ты продолжаешь посещать эти встречи? — вздохнул он. — Сегодня ты пришла одна, так ведь? Ты могла отправиться куда угодно, и тебе известно, что твоей матери я не скажу.

«Потому что, добрый доктор, я только что убила своего психотерапевта, и, если сразу после его смерти перестану сюда ходить, это навлечет на меня подозрения».

— Если Вы еще на две недели привязали меня к Марго, — ответила она. — Тогда я привяжу Вас к этому столу.

— Эта неделя была кошмаром, — простонал он, протирая под очками глаза.

— Сегодня только вторник.

— Вот именно. Сначала звонит Каспериан, говорит что-то не то о больной, не то об умирающей, не то о мертвой двоюродной сестре, и просто уезжает. Даже не задерживается. Знаю, ты, наверное, рада таким новостям, но из-за этого все мы попали в довольно трудное положение, и до сих пор не знаем, когда он вернется. Он не отвечает ни на какие сообщения.

— Ну, прошел всего сколько, день? — Эмма старалась говорить спокойным и ровным голосом, как будто эта тема совсем ей не интересна. — Если кто-то умер, то он, наверное, помогает с похоронами.

— Да, да, но все же это его работа. Твоя... твоя мать ничего не говорила? — запинаясь спросил Розенштейн.

Эмма мило улыбнулась ему.

— Нет, моя мать не упоминала о своем дорогом бойфренде, который ко всему прочему еще и мой психотерапевт. Но она сказала, что свяжется с ним через несколько дней. Я дам Вам знать, если она что-нибудь узнает.

«ХА-ХА-ХА».

— Похоже, наше время подошло к концу. Эта беседа была стимулирующей, Эмма. Надеюсь, ты что-то из нее извлекла. Увидимся в следующий раз? — спросил он.

— Хммм, пусть это останется сюрпризом. Чем-то вроде «может, да, а может, нет», — усмехнулась она и, сняв со стула куртку, накинула ее на плечи.

— Как волнительно. Ты знаешь, где выход.

Вернувшись в машину Джерри, Эмма проверила телефон. Господи, ей пришло *восемь* СМСок от Марго, и все с напоминанием прислать ей фотографию машины Джерри, вовремя припаркованной на стоянке его офиса.

«Мне бы следовало припарковать ее прямо на твоей жирной роже, тупая сука».

Как ни странно, пришло и одно сообщение от Чёрча. Он не был большим фанатом телефонов в любом их качестве. И тем не менее, он прислал ей сообщение с просьбой встретиться с ним в кафе недалеко от города. Эмма взглянула на часы и поморщилась.

«Мне нужно вернуть машину к полудню. У нас всего тридцать минут».

«Это куча времени. Приезжай».

«Зачем?»

«Нам нужно поговорить».

Слова, вселяющие ужас в сердце любого, кто состоит в отношениях, даже в таких нездоровых и запутанных, как у них. Прикусив нижнюю губу, Эмма заскользила пальцами по экрану телефона.

«Зачем? Нам нужно закопать еще чей-то труп?»

«Да, отлично. Пожалуйста, отправь заявление об этом в электронной форме. Я в восторге от идеи оставлять повсюду цифровые отпечатки».

«О чем нам нужно поговорить?»

«Нет здесь никакого трупа. И я тебя не бросаю. Ты уже давно была бы на пути ко мне. Не создавай трудности и просто приезжай».

Эмма завела машину и поехала.

Когда она наконец остановилась, то подумала, что Чёрч здорово погорячился, назвав это «кафе». Это было небольшое помещение в захудалом торговом центре недалеко от шоссе, примерно в пятнадцати минутах езды от города. Эмма припарковалась перед зданием и, войдя внутрь, обнаружила Чёрча за столиком в дальнем углу.

— Марго ждёт, что я пришлю ей фотографию этой чертовой машины с отметкой точного времени, так что нам лучше поторопиться, — присев, сказала она.

— Ты когда-нибудь спала с Райаном Парком?

Эмму так ошарашил его вопрос, что она по сути упала на спинку стула, чуть с него не свалившись. Ей потребовалась целая минута, чтобы прийти в себя.

— Прости... что это сейчас было? — оглянувшись по сторонам, спросила она. — Ты только что обвинил меня в измене с человеком, о существовании которого даже не должен знать?

— Нет, я задал тебе вопрос о человеке, о существовании которого я знал, но ты была не в курсе.

— Это вроде как тоже самое, — сказала она, прищурившись.

— Как тебе угодно. Ответь, пожалуйста.

— Да, — смело соврала она. — От тебя несколько недель не было ни слуху, ни духу, я решила, что ты меня бросил. Решила, что ты лжец до мозга костей. А Райан был рядом, он симпатичный, и втрескался в меня по уши. Не скажу, что он был так же хорош, как ты, потому что это просто смешно, но и не так уж плох. Полагаю, он уже сообщил тебе все кровавые подробности? Сколько раз, когда, где. Нашим излюбленным местом была подсобка уборщика на третьем этаже.

Чёрч долго на нее смотрел, потом его лицо медленно тронула улыбка.

— Я не обвиняю тебя в измене, — усмехнулся он. — И, если бы ты с ним переспала, я мог бы это понять. Но эта его страсть к тебе просто нелепа, и я поймал себя на том, что гадаю, почему. Почему этот парень так в тебя влюблен?

— Господи, Чёрч, неужели в это так трудно поверить? Меня что, невозможно полюбить? — раздраженно бросила она.

Чёрч покачал головой.

— Нет, тебя просто жуть как легко полюбить, но это потому, что *мы с тобой* одной породы. По сравнению с нами Райан Парк, в сущности, подвид. А если бы ты и впрямь с ним переспала, всё стало бы еще хуже. Я подумал, может, поэтому он так сходил по тебе с ума? Чуть попробовал и захотел еще.

— А кто сказал, что он не попробовал?

— С моей стороны было глупо спрашивать, — отмахнулся Чёрч. — Спишем это на ревность. Чувство, которое я никогда раньше не испытывал. Я толком не знаю, как с ним бороться.

Ха! Чёрч ревнует. Её к другому мужчине. Она была почти польщена.

— Если бы я хотела трахнуться с другим, то уж точно не с кем-то вроде Райана

Парка, — заявила она, чем привлекла несколько взглядов из-за соседних столиков. — И я не пыталась бы это от тебя скрыть. Так что никогда больше не задавай мне этот вопрос.

— Понятно.

— Так откуда *ты* знаешь Райана? Может, это *ты* с ним спал? — спросила она, скрестив на груди руки.

Улыбка Чёрча стала шире.

— Думаю, тебе бы понравилось, скажи я «да», — усмехнулся он. — Нет, не спал. Хотя я его знаю.

— Очевидно. И давно? Когда вы с ним познакомились? — спросила она.

— Это я послал его в «Солнечное ранчо», — просто сказал Чёрч, повергнув ее в шок.

— Послал что... как шпиона?

— Ну, если тебе нравится это слово, то да. Сам я не мог туда пойти, чтобы узнать, как ты. Когда за ними обоими наблюдало столько лишних глаз. Когда ты так сильно сопротивлялась. Мне нужен был кто-то такой, кто мог бы за тобой приглядывать, проверять, как ты, рассказывать мне, как у тебя дела. Райан был готов сделать все это и, видимо, даже в тебя влюбиться. Кстати, это в план не входило.

— О, приятно слышать. Какого хрена, Черч?! — прошипела она сквозь стиснутые зубы. — Где ты его нашел? По объявлению?

— В списке обвиненных за сексуальное насилие. Райан был подходящего возраста и жил неподалёку, его оказалось довольно легко найти, он спал на улицах и в приютах для бездомных. Ему страсть как нужна была доза, и лучше тебе не знать, что он предлагал взамен. Я сказал ему, что оплачу ему пребывание на «Солнечном ранчо» плюс небольшое жалованье, если он будет за тобой присматривать и обо всем докладывать мне.

— Обвиненных за сексуальное насилие..., — произнесла Эмма, и эта фраза повисла в воздухе.

Чёрч кивнул.

— Да. Два факта эксбиционизма, частые домогательства, затем обвинение в изнасиловании на свидании, из-за которого его выгнали из колледжа. Ну, может, еще упоминание о навязчивом преследовании.

— Боже, — простонала она, потирая лоб. — «Может, еще упоминание о навязчивом преследовании», как будто в этом нет ничего особенного. Ты послал следить за мной какого-то извращенца? Он действительно пытался покончить с собой?

— О, уверен, что почти все рассказанное им о себе, чистая правда. По-моему, у него дважды был передоз, и при каждой нашей встрече он определенно вел себя как припадочный.

— Зачем ты мне это говоришь? — спросила она. — Райан уже уехал, его семья перестала... черт, ты. Это был ты. *Ты* перестал за него платить, и его выписали. Я бы никогда об этом не узнала. Так зачем мне говорить?

— Потому что я обещал быть с тобой честным, — снова ошеломив ее, сказал он. — И я считаю, что открытость — лучший способ выполнить это обещание. Я бы сказал тебе раньше, но ты была слишком зла. Мне не хотелось подливать масла в огонь.

Что ж. Это было... неожиданно. Чёрч все ей рассказал, потому что хотел быть честным. Она не знала, как к этому относиться.

— И к тому же он не уехал, — продолжил он.

— Не уехал?

— Нет. Он живет в мотеле неподалеку отсюда.

— В самом деле?

— Да. Он боялся, что снова станет бездомным, боялся за тебя. Он очень пригодился и тебе, и мне... не помешает держать его рядом, — Чёрч говорил все медленнее и медленнее.

Эмма на секунду задумалась.

— Ага, — она наконец-то сложила два плюс два. — Он — необрубленный конец. То досье. Райан — единственная связующая нить между тобой, мной и...

— Точно, — кивнул Чёрч. — Теперь нам остается только решить, что с ним делать.

— Я думала, социопатом быть легко, — уронив голову на стол, простонала она. — Ни чувства вины, ни замешательства, ничего такого.

— Эмма, ты не социопатка, — снова засмеялся Чёрч, и она почувствовала у себя на затылке его руку. — Не льсти себе. Ты просто чокнутая, и именно поэтому тебе так тяжело живется.

Эмма подняла голову, чтобы сердито на него зыркнуть, но он зарылся пальцами ей в волосы.

— Самая лучшая из всех чокнутых, каких я только видел, и твоя нелёгкая жизнь привела тебя ко мне, так что, по крайней мере, все было не напрасно.

— Мне не нравится, когда ты милый.

— Почему?

— Потому что у тебя это очень, очень плохо получается.

— С этого момента я буду вести себя как мерзавец.

— Хорошо.

А потом он наклонился над столом и поцеловал ее. Его пальцы запутались у нее в волосах, а губы нежно прижались к ее губам. Эмма услышала вздох сидевших за соседним столиком девушек и представила себе эту сцену со стороны. Какой-то глупый спор парочки симпатичных студентов, который заканчивается идеальным поцелуем от идеального парня. Просто сценарий романтических фильмов для подростков.

«Но осторожно, девочки, идеальный парень и идеальный поцелуй дорого обходятся. Чем вы готовы пожертвовать?».

Некоторое время спустя, благополучно припарковав машину Джерри у его работы, Эмма постучала в дверь с номером тридцать девять. Сунула руки в свою зимнюю куртку и уступила холоду. У нее застучали зубы, и по всему телу пробежала дрожь. Она надеялась, что вид у нее соответствующий. Когда дверь распахнулась, Эмма все же попыталась улыбнуться.

— Привет, Райан.

Сказать, что он выглядел потрясенным, это ничего не сказать. На нем не было ни рубашки, ни брюк, только носки и боксеры. Его вьющиеся волосы разлохматились, а изо рта, как несуразная сигара, торчала корочка пиццы. Он долго таращился на Эмму широко распахнутыми глазами, потом вдруг, словно вытянулся в струнку. Райан отступил в сторону и пригласил ее в номер.

— Заходи, заходи, — сказал он, швырнул корку в другой конец комнаты и закрыл дверь.

Эмма стояла на одном месте, глядя, как он мечется вокруг, натягивая футболку с прожженной дыркой от сигареты возле воротника. Затем Райан провел рукой по волосам и трижды обошёл комнату, явно что-то разыскивая, хотя, похоже, и не знал толком, что именно.

— Райан, — громко произнесла она.

— А?

— *Привет*, — слегка улыбнувшись, просто сказала Эмма.

Наконец он улыбнулся ей в ответ.

— Привет, да, привет, извини, да, — пробормотал он. — Просто... ты здесь... не там... Я не знал... *как ты узнала, что я здесь?*

— Видимо, у нас есть общий друг, — заметила она, и ее ледяные пальцы наконец-то добрались до пуговиц куртки.

— О. Ага. Мистер Чёрч.

— Да, мистер Чёрч, — усмехнулась она и, распахнув куртку, скинула ее с плеч. Куртка с шумом упала на пол.

— Так он тебе сказал, да?

— Да, он мне сказал, — Эмма села в мягкое кресло возле кровати и, склонившись над коленями, потёрла руки. — Я была, мягко говоря, удивлена. Ты превосходный лжец, Райан.

От этих слов он поморщился.

— Я не хотел... Мне не следовало... Я не знал...

Эмма вскинула руку.

— Всё в порядке. Думаю, я понимаю. Тебе предложили много денег. Райан, ты знаешь, кем мне приходится Чёрч? — спросила она.

Он пожал плечами.

— Не знаю, наверное, бывшим или нынешним парнем или типа того, — ответил он. — А кто он?

— Он мой сводный брат, — ответила Эмма.

— Просто помешанный на тебе брат, — фыркнул Райан, присаживаясь на край кровати.

— *Сводный брат*, — поправила она его. — Наши родители поженились в начале этого года, мы и познакомиться толком не успели, как меня отправили в психушку. Он немного... странный.

— Это еще мягко сказано. Он пришел с тобой? — спросил Райан, внезапно занервничав и взглянув на дверь.

— Нет. Нет, он просто признался, что заплатил тебе, чтобы, в сущности, за мной шпионить. Это небольшой городок, я знала, что здесь ты можешь остановиться всего в паре мест, — объяснила она.

— Да, но номер комнаты?

— Болтливые горничные.

— Странно, — проворчал Райан, разглядывая носки. — Очень странно. Я думал... ожидал, что ты на меня разозлишься. Сбесишься. Я говорил Чёрчу, что ты разозлишься.

— Сначала я не была в восторге, — честно призналась она. — Парень, который в психушке был моим лучшим другом, все это время притворялся. Довольно хреновое ощущение.

— О, Эмма, я не притворялся, — простонал он и, протянув руку, погладил ей ногу. — Мы были лучшими друзьями. *Лучшими* друзьями. Я просто не говорил тебе, что знаю его, потому что он запретил мне это делать... честно говоря, этот парень пиздец какой жуткий. Пиздец он жуткий. Не знаю, мне как-то не хотелось нарушать ни одно из его правил, или как там. Я испугался, что он со мной сделает, если я послушаюсь.

«Это чувство мне знакомо, Райан».

— Он пугающий, — согласилась она. — Но я вроде как с этим смирилась. Ты сделал это, чтобы получить помощь — у него много денег. Я поняла. Я просто рада, что ты все еще здесь.

— Рада?

Эмма с энтузиазмом кивнула.

— Да. У меня нет друзей, а он всегда... крутится рядом. Я могу приходить сюда, когда мне захочется сбежать, — усмехнулась она. — И он никогда об этом не узнает, я сказала ему, что чувствую, будто меня предали, и что возненавидела тебя. Поэтому теперь я могу убежать, и он не будет знать, где меня найти. Мы с тобой время от времени можем сбежать.

— Сбежать, — хриплым голосом повторил он и уставился на нее полными надежды глазами.

Его поглаживания прекратились, и он нежно сжал ей бедро.

— Когда угодно, Эмма. Ты можешь сбежать со мной, когда угодно.

— Хорошо. Рада это слышать, Райан.

— Эй, хочешь пиццу? — он вдруг вскочил с кровати, словно его долбануло током.

Райан быстро прошел по комнате и схватил большую плоскую коробку.

— В этом городе одна нормальная еда. Пицца. У меня такое чувство, будто я уже несколько дней ем только пиццу. Ну, по крайней мере, с субботы. Какой сегодня день недели, вторник? Как прошла групповая психотерапия?

— Сегодня вторник, — кивнула она. — И занятие было... странным.

— Станным? — спросил он с полным ртом пепперони. — Что значит странным?

— А то, что Каспера на нём не было, — сказала она.

Райан на мгновение перестал жевать.

— Как это не было? Да он практически там живет. Может, он просто взял выходной, чтобы трахнуть одну из новых цыпочек? — предположил Райан, проглотив наконец кусок.

— Нет, я сегодня спрашивала Розенштейна. Он сказал, что у него умерла какая-то родственница, но сам не знал толком. Разве это не странно?

— Опять странно. Да почему странно?

— Ну, Розенштейн — его зять, он женат на сестре Каспера. Думаешь, ей не известно о смерти в своей семье? — заметила Эмма.

Райан никогда звёзд с неба не хватал и, скорее всего, никогда не будет, но даже он сумел уловить этот намек.

— Да... да, это очень странно. Супер-пупер странно, — пробормотал он, глядя в пиццу.

— А знаешь, что еще более странно? — спросила Эмма, резко понизив голос. Заговорщически.

— Что? — прошептал он в ответ, глядя на нее широко распахнутыми глазами.

— Что Каспер исчез именно на той неделе, когда мне сказали, что мои сеансы психотерапии закончены, и именно в те выходные, когда тебя выписали.

— Странно, — еле слышно произнес Райан. — Ты ведь не думаешь...

Эмма снова кивнула.

— *Думаю.* Ты не знаешь Чёрча так, как я. Поэтому нам с тобой нужно держаться вместе, — убеждала его она. — Совсем как на «Солнечном ранчо». Там мы были одной командой, верно? Мы все еще команда.

— Команда, — тоже кивнув, сказал он. — Совсем как на «Ранчо».

— Райан, ты мне поможешь?

— Да. Конечно. Я готов на всё. С чем тебе помочь?

— Мне нужно кое в чем разобраться, — сказала она ему. — Почему он хочет, чтобы мы оба убрались отсюда. Что случилось с Каспером. Что может случиться с остальными.

— Господи, с какими ещё остальными?

— С моей мамой, — вздохнула Эмма, проводя пальцами по волосам. Она улыбнулась про себя, заметив, как его глаза проследили за движением ее руки. — Моя мать ужасна, Чёрч всегда ее недолюбливал, и ты ведь знаешь, что у нее была интрижка с Каспером. Это как... со всеми, кто так или иначе связан с Каспером, он попытается что-то с нами сделать.

— Но *почему?* — спросил Райан, бросив на кровать коробку с пиццей. — В смысле, я с Каспером едва словом перемолвился, я-то тут при чем? Я только появлялся на групповых занятиях, как положено, и почти не разговаривал. Меня-то за что?

— Досье, Райан, — произнесла Эмма, уставившись на него.

— Какое досье? Я никогда...

И тут до него дошло, и он осёкся.

— Ты украл личное дело Каспера. Возможно, и какие-то другие его документы. Ты дал мне досье, так что, наверное, ты и Чёрчу его давал. Ты — связующая нить между ним и Каспером, и, думаю, Чёрч, захочет избавиться от таких свидетелей, — объяснила она.

— Боже...он не может... ты ведь не думаешь... он ведь не причинит нам вреда, правда? — спросил Райан.

Эмма пожала плечами.

— Райан, я ведь не просто так попала в лечебницу.

— Ты хочешь сказать, что это *он* тебя порезал?!

— Нет, — осторожно ответила она. — Но Чёрч запросто мог это сделать. Он и раньше

оставлял на мне ожоги, резал меня. Приковывал на несколько часов наручниками и уходил. Райан, может, мы с тобой и сумасшедшие, но Чёрч... вообще нечто.

— Черт, — проворчал он. — Черт! Жаль, я раньше этого не знал, я бы с этим ублюдком не связался.

— Мне жаль, что ты оказался втянут в такую заваруху.

— Нет, все в порядке. Все в порядке, потому что мы всё знаем. Знаем и можем это остановить. Мы можем... можем сбежать.

Эмма удивленно заморгала. Она не думала, что это будет первой реакцией Райана, и теперь почувствовала себя глупо.

— Я не могу просто так убежать, — сказала она.

— Что? Почему нет?

— Потому что я по-прежнему фактически в собственности у Марго, — напомнила ему Эмма. — И, хотя мне почти двадцать три, она может заявить о моём побеге. Постарается, чтобы меня нашли, принудительно госпитализировали, а потом опять отправит в какую-нибудь психбольницу. И кроме того, вот мы сбежим и что... станем бомжами? Будем умирать с голоду? Позволим ему вредить другим людям?

— Ты права, права, — вздохнул Райан. — Поэтому нам нужно придумать план.

— Мы *должны* его остановить, — настаивала Эмма, раздраженная тем, что ей приходится все ему разжёвывать.

— И как же нам это сделать? — спросил он.

— Чёрч не идеален. Нам просто нужно отыскать ошибку. Или сделать ее за него.

— Что это вообще значит?

— Нам *известно*, что он как-то расправился с Каспером, — сказала она. — Держу пари, он либо что-нибудь с нами сделает, либо попытается повесить это на нас. Мы должны обратить это против него. Чтобы его арестовали за исчезновение Каспера, пока еще чего-нибудь не произошло.

— У меня такое чувство, будто я попал в книгу про братьев Харди, — сказал Райан. — Как мы все это сделаем? (*Братья Харди — серия детских детективов, написанных различными литературными призраками под псевдонимом Франклин У.Диксон. Выходит с 1927 года в США — Прим. пер.*)

— Очень просто. Марго трахалась с Каспером, так ведь? Поэтому мы просто проберемся в ее комнату и подбросим что-нибудь из вещей Чёрча. Несколько неопровержимых улик.

— Но... почему в *ее* комнату? Почему не в дом Каспера?

— Он может пропасть, или еще хуже, ты действительно хочешь наследить по всему дому Каспера своей ДНК? — с вызовом спросила Эмма. Когда Райан побледнел, она ухмыльнулась. — Не думаю. Но мои волосы, или клетки кожи, или что там еще, в доме Марго никого не удивят, а если они найдут что-то твое, я всегда могу сказать, что ты был у меня в гостях. Это вполне объяснит внезапно обнаруженные волосы или ресницы. Но что-то вроде, скажем, удостоверения личности, или карточки донора, или кредитки, что-то очень личное, что может запросто выпасть из кармана, объяснить гораздо труднее. Тем более, что Чёрч сейчас должен быть не здесь, а в Нью-Йорке.

— Ладно, ладно, я эту часть понял. Понял. Мы оставляем под подушкой водительские права старины Чёрча, отлично, блеск. Как это докажет хоть что-то помимо того, что он трахнул твою распутную мамашу?

— Этого будет достаточно, чтобы вызвать подозрения. Марго решит, что он выронил их, когда рылся в ее вещах в поисках адреса Каспера или типа того. Или, когда тайком пытался найти способ ее устранить.

Райан нахмурился и снова устался в пол. Он всегда с трудом выдерживал прямой зрительный контакт, но с тех пор, как Эмма вошла в комнату, взглянул на нее, максимум, раза два. Она понимала, что слишком сильно на него напирала, но Райан был слишком тупым, а у нее кончалось терпение. Если ей еще хоть пару минут придется растолковывать ему азбуку подставы, Райан Парк больше не будет для них проблемой. Она убьет его сама.

«Шучу, шучу! Я не хочу убивать Райана. По крайней мере, мне так кажется... иногда трудно понять».

— Ладно, чего ты от меня хочешь?

Эмма на мгновение закрыла глаза. Интересно, так себя чувствовал Чёрч? Когда целыми днями убеждал ее убить для него человека? По крайней мере, ей это удалось намного быстрее.

— Ничего сложного. В следующий раз, когда встретишься с Чёрчем, попробуй забрать у него бумажник и найди в нем что-нибудь личное. Что-то маленькое, что-то, что можно носить в кармане. Черт, может даже запасной ключ от его машины или что-то в этом роде. Просто что-то такое, что есть только у него, — объяснила она. — Тогда мы сможем встретиться и подбросить это в комнату Марго.

— Постой, а мне-то туда зачем? Ты одна эту часть сделать не сможешь? — спросил он.

Эмма нахмурилась и надула губы.

— Конечно, раз ты не хочешь со мной тусоваться. Просто в этом доме мне становится... не знаю, как-то жутко. Там так темно, и к тому же мне приходится жить в его комнате.

— В его комнате?

— Да. Когда меня выписали из «Солнечного ранчо», то поселили в его комнате, потому что меня больше некуда было поселить.

— Да. Да, хорошо, я приду. Я приду и помогу тебе. Братья Харди — вот кто мы с тобой. Я буду Харди, а ты — Братьями, — он выдавил из себя смешок и снова сел на кровать.

— Знаю, что все это немного странно, — Эмма старалась, чтобы ее голос звучал успокаивающе. — Но мне очень важно, что у меня есть человек, которому я могу доверять.

И чтобы скрепить сделку, она накрыла его руку своей. Осторожно сжала. Улыбнувшись, заглянула ему в глаза. Направила всю свою цветущую красоту на то, чтобы Райаном овладело это ложное чувство безопасности.

«Да, Райан. Доверься этим зеленым глазам, этим прелестным веснушкам, этим рыжим волосам. Постарайся видеть девушку, которую ты хочешь видеть, а не сидящее перед тобой чудовище».

Райан сжал ее руку и широко улыбнулся.

— Это похоже на приключение, да? — сказал он. — Мы с тобой просто потусуемся вместе. Может, мы все же ошибаемся? Может, он ничего не сделал и не сделает. Так что ничего страшного. Будет весело.

— Весело, — медленно кивнув, повторила она. — Нам будет очень весело вместе, Райан.

Эмма извинилась и подняла с пола куртку. Райан устроил целое представление, помогая Эмме ее надеть, сжимая и потирая ей плечи, пока она застегивала пуговицы. Он пообещал позвонить ей, как только Чёрч назначит ему следующую встречу, и поклялся, что своими

цепкими пальчиками выудит что-нибудь подходящее, чтобы потом подкинуть это в комнату Марго. Все будет хорошо. Райан все для нее сделает.

Эмма даже обняла его в дверях. Она хотела его поцеловать, но решила, что это будет уже перебор.

Двери мотеля выходили на улицу, поэтому, спустившись на стоянку, она оглянулась на его окно. Он помахал ей сверху. Она помахала ему в ответ. Потом еще плотнее закуталась в куртку и вышла на тротуар.

Через два дома от мотеля располагался круглосуточный магазин, а перед ним был припаркован большой темный внедорожник. Двигатель был включен. Эмма не стала стучать по стеклу или что-то говорить, просто открыла пассажирскую дверь и забралась внутрь.

— Быстро ты, — сказал Чёрч, его руки небрежно сжимали руль.

— Неужели? Мне показалось, что прошла целая вечность, — простонала она, откинув голову на спинку сиденья. — Нужно угрохать чертову уйму времени, прежде чем он поймет элементарные вещи. Чтобы до него всё дошло, мне пришлось практически с ним сюсюкать. И даже тогда. Он так тебя боится, что чуть не обмочился при одной мысли о том, чтобы действовать у тебя за спиной.

— Молодец.

— И все же он согласился. Его любовь ко мне сильнее, чем страх перед тобой. Он предложил мне сбежать вместе с ним.

— Уверен, это заманчивое предложение.

— Думаешь, это и впрямь сработает? — прошептала Эмма, глядя на стоящий перед ним магазин.

Какая-то женщина со своей маленькой дочкой покупали фруктовый коктейль, девочка смеялась и хлопала, глядя на перемешивающиеся за стеклом цвета. Хотелось ли Эмме им навредить? Могла ли она представить, как причиняет им боль? Нет. Малышка была просто очаровательной, а женщина казалась очень милой. Их существование никак не влияло на ее жизнь, так что до них Эмме не было никакого дела.

Однако, мог ли им навредить Чёрч? Он тоже смотрел на магазин. Представлял ли он себе, как убивает их? Мучает, выпитывая их страх, который так любил? Когда-то она нормально к этому относилась. Как бы она отнеслась к этому сейчас?

— Сработает, — сказал Чёрч, крепко сжав руль, отчего заскрипела обивка.

— Только... это не так-то просто. Я смотрела сериал «Место преступления», — усмехнулась она. — Мы не можем просто взять и умчаться в закат.

— Конечно же, можем. Многие так и делают. Никто до сих пор не знает, где Джимми Хоффа, и что с ним случилось. Нам всего лишь нужно быть поумней и повнимательней. Вот и всё, Эмма. Все просто. Очень, очень просто, достаточно найти время, чтобы все хорошенько обдумать. *(Джеймс Риддли «Джимми» Хоффа — американский профсоюзный лидер, неожиданно исчезнувший при загадочных обстоятельствах. Его исчезновение породило множество слухов, Один из них, упорно муссировавшийся в СМИ, утверждает, что он был похоронен на поле стадиона Giants Stadium — Прим. пер.)*

«Хорошенько обдумать, как в тот раз, когда они посреди ночи несколько километров тащили через густой лес мешки с кусками человеческого тела. Никому никогда не найти Каспера, даже весной, когда появятся животные, вообще никогда. Потому что Чёрч умён, он на всё обращает внимание и все продумывает. Продумывает такие вещи, как убийство».

— А что, если я облажаюсь? — спросила она. — Если все испорчу? Если не смогу этого сделать?

Раньше Эмма боялась, что ей не удастся убить Лиззи, и она потеряет любовь Чёрча. Другое убийство и та же хрень. Однако теперь человеком, которого она подведет, будет сама Эмма.

И она не могла с уверенностью сказать, что хуже.

— Тогда не делай, — просто сказал Чёрч, пожав плечами. — Через две недели Розенштейн напишет письмо в комиссию о том, что тебе больше не требуется опекун, и я отвезу тебя в Нью-Йорк. Эмма, нам необязательно ничего делать. Не сию же секунду. Мы никому ничего не должны. На этот раз это твоя идея, твой план. Твоё шоу. Одно твоё слово, и всё закончится.

Эмма тяжело вздохнула. Ее план, ее шоу, ее идея. Это так не похоже на прошлый раз. Так странно. Она попала в психушку из-за покушения на убийство, и как только из нее вышла, сразу же оказалась в точно такой же жопе. Ей и впрямь этого хотелось?

«Не бойся косы, Эмма. Просто пожинай то, что посеяла, и не обращай внимания на оставшийся после тебя бардак».

— Поехали домой, — выдохнула она. — У нас много работы.

ЧЁРЧ

Чуть подтолкнуть здесь, поднажать там.

Видите? В конечном счёте это работает.

Хотя, клянусь Богом, на этот раз мне лучше прочувствовать момент. Лучше всмотреться в эти глаза, лучше выпить страх до последней капли.

Лучше мне стать частью чего-то великого.

Не обламывай меня, Эмма. Только не сейчас, когда ты так близка к осуществлению всех моих мечтаний. Ещё совсем немного. Ещё немного, пожалуйста, сохраняй это благоразумие.

Чуть подтолкнуть здесь, поднажать там, и думаю, у нее получится.

Чёрч стоял посреди гостиной Джерри и обводил ее внимательным взглядом. Фиксировал в памяти ее планировку и различные возможные сценарии. Человек с шагом около метра мог бы добраться от подвальной до входной двери в четыре шага. А может, и меньше, если шаги растягивать или бежать. До заднего входа идти дольше, на этом пути были препятствия — кофейный столик, кухонный стол, — но эта дверь открывалась на террасу и лестницу, ведущую к заснеженному лесу.

«Это смешно. Мне не нужно постоянно держать это в голове, потому что ничего не произойдет».

Прошлой ночью, через несколько часов после их встречи с Райаном, Эмма прокралась в подвал. Чёрч подумал, что он мог бы подняться наверх и переночевать с ней в своей старой комнате, кровать там уж точно удобней. И уж точно намного больше. У армейской койки практически отсутствовала подкладка, а его старый спальный мешок не был рассчитан на двоих.

И все же так было гораздо удобнее. В темноте, он прижимался к ней каждым сантиметром своего тела, пытаясь снова стать с ней единым целым. Погружаться в нее снова и снова в поисках того особенного темного уголка ее души, который она так искусно прятала. Просто очаровательно, как она называла себя чудовищем, хотя Чёрч был уверен, что Эмма даже не сталкивалась с живущим в ней зверем. Во всяком случае, пока.

— *Я хочу убить свою мать,* — прошептала она, когда он двигался на ней, в ней и вокруг нее.

— *Знаю,* — прошептал он в ответ, прижавшись лбом к ее лбу.

— *Я хочу сделать это с тобой,* — продолжала Эмма, и он стал вколачиваться в нее сильнее. — *На этот раз по-настоящему. Раньше у меня ничего не получалось. Лиззи. Каспер. На этот раз я хочу проявить себя.*

— *Прекрати,* — настойчиво проговорил он. — *Не могу... ты к этому не готова. Еще нет. Не делай этого ради меня.*

— *Нет,* — простонала она. — *Я делаю это ради себя.*

Это было так трогательно, почти как чертов знаменательный момент.

«Ей этого хочется, но она не готова. А если Эмма себя заставит, то это снова будет очередной Каспер, и очень сомневаюсь, что у нее получится тащить через лес куски своей матери».

Раздался скрип, открылась дверь. Стараясь ступать неслышно, Чёрч подошел к дальней стене и прижался к ней. Прислушался. Тихие шаги по ковру: Марго проснулась. Он стоял неподвижно, пытаясь найти правдоподобные объяснения своему неожиданному визиту.

Впрочем, переживать не стоило, поскольку на полпути шаги свернули и ступили на линолеум. Она зашла в ванную. Чёрч осторожно выглянул в коридор и увидел, что дверь в комнату распахнута настежь. Послышался скрип металлического вентиля, затем древний водопроводный кран ожил, и полилась вода.

Бесшумный, как тень, Чёрч двинулся по коридору. Он остановился перед дверью ванной, наблюдая за Марго. Она стояла к нему спиной и, склонившись над ванной, поворачивала вентиль, чтобы переключить кран на душ. Вода хлынула ей на голову, и женщина немного отскочила назад.

Чёрч мог бы сделать это прямо сейчас. Ответить на молитвы Эммы и не лишать ее иллюзии невинности. Стать тем самым чудовищем, каким она его считала, и просто убить Марго. Это было бы так просто. Чёрч почувствовал, как при этой мысли его сердце забилося быстрее. Запихнуть ей в рот полотенце. Снова включить кран, затем сунуть под струю воды ее голову. Держать ее так до тех пор, пока не наполнится ванна. Внимательно смотреть в эти испуганные карие глаза, на то, как она борется за каждый вдох.

«Какой бы это был прекрасный момент! Настоящий подарок для нас с Эммой».

Чёрч сначала не понял, то ли это он дернулся, то ли давал осадку дом, но неожиданно раздался скрип. Это вырвало его из грез. Чёрч быстро моргнул и понял, что это он неосознанно сделал шаг вперед. Марго застыла на месте, склонив набок голову, словно прислушиваясь. Чёрч отступил назад.

— Эмма? — неуверенно позвала она, еще немного повернув голову.

К тому времени, как ей удалось оглянуться, Чёрч уже ушёл. Проскользнул в спальню и прижался спиной к двери. Комната была пуста, Эмма все еще спала внизу. Он рассчитывал, что до пробуждения Марго у него будет, как минимум, еще пара часов. Сколько ей нужно времени, чтобы утром собраться? Ради всего святого, она же домохозяйка.

Услышав, как закрылась дверь ванной, Чёрч вышел из спальни. На мгновение окинув взглядом коридор, он проскользнул в комнату отца. Джерри уже проснулся, оделся, и теперь сидел на краю кровати и сражался с галстуком.

— Ты рано встал, — проворчал он.

— Она хочет убить Марго.

Тишина. Джерри какое-то время держал галстук перед собой, затем медленно начал завязывать его дальше.

— Это ведь был ее психотерапевт, да? Тогда на полу.

— Да.

— Она его убила?

— Я его убил.

Что ж, теперь он произнес это вслух. Чёрч доверял Джерри не больше, чем кому бы то ни было. Что означало,нисколько не доверял. Его тайн была достойна только Эмма. И сейчас он выболтал одну из них своему отцу.

— Ах. Как это благородно с твоей стороны.

Возможно, Чёрч ошибался, но тон его отца показался ему немного язвительным.

— Она ничего не планировала, а он хотел ее изнасиловать. Эмма не была готова это сделать, поэтому я сделал все за нее.

— Понимаю. Это определённо стоило того, чтобы провести остаток жизни за решеткой. Ты ведь в курсе, что в этом штате все еще есть смертная казнь, да?

— Конечно, — раздраженно бросил Чёрч. — То, что она ни черта не планировала, еще не значит, что не планировал я. Меня не удастся связать с этим человеком.

— Ты в этом уверен?

Снова пауза.

— Через пару дней буду уверен полностью.

— В этом-то и проблема всех опрометчивых поступков, — вздохнул Джерри, поднимаясь на ноги. — Один перетекает в другой, потом в следующий и так до тех пор, пока всё это не разрастётся как снежный ком и не выйдет из-под твоего контроля. Ты должен пресечь это в зародыше, *сейчас же*. Меня не волнует, что вы там делаете, просто не допускайте, чтобы следы привели сюда. Привели к вам.

— Прости, — Чёрч сильно прижал ко лбу кончики пальцев. — Можно немного отмотать назад? Просто уточнить. Ты знаешь, что тогда ночью на полу твоей гостиной лежал труп, верно?

— Само собой.

— И знаешь, что я превратил свой подвал в мясную лавку, чтобы от него избавиться.

— Я так подумал.

— И *ничего из этого* тебя не беспокоит? — недоверчиво спросил Чёрч.

— Пока вы, детишки, за собой убираете, мне все равно, чем вы занимаетесь у себя в комнатах, — вздохнул Джерри, натягивая на ноги ботинки на липучках. — По крайней мере, если вы делаете это здесь, вы в безопасности.

— Это безумие. Я *убил* человека, — прорычал Черч. — Я проломил ему ломом голову, разрубил на куски и закопал в лесу.

— И, видимо, теперь тебе не терпится этим похвастаться. Хочешь, чтобы я поаплодировал?

Чёрч еще в детстве забыл, что такое стыд или смущение, но сейчас находился в опасной близости к тому, чтобы почувствовать и то, и другое. Он постарался успокоиться и выпрямился.

— Нет. Я хочу, чтобы ты понял всю серьезность ситуации. Перед своей попыткой самоубийства Эмма хотела кое-кого убить. Я *на самом деле* кое-кого убил, и теперь она убедила себя в том, что хочет убить свою мать. *Твою жену*. Тебя это не беспокоит? Совсем?

Надевая пиджак, Джерри на секунду помедлил, затем продолжил собираться. Он провел расческой по жирным волосам, надел очки и направился к двери.

— Нет, не беспокоит, — ответил наконец он и, пожав плечами, вышел в коридор.

Он уставился вперед и, не оглядываясь на сына, и произнес:

— Так мне не придется делать это самому.

С этими словами Джерри ушел, оставив потрясённого Чёрча одного в своей спальне.

Пока Райан с Чёрчем были на своем подставном мужском свидании, Эмма обшаривала номер Райана. Ей нужно было найти что-нибудь *подходящее*.

Она порылась в его чемодане и проверила карманы брюк. Делая все это, Эмма вспоминала прошедший день. Чёрч с самого утра вел себя очень странно. Без единого слова, он помог ей пробраться наверх, и даже, когда Марго ушла за покупками, и Эмма снова спустилась в подвал, по-прежнему молчал. Ему явно хотелось быть Чёрчем-молчуном, и она давно научилась относиться к этому с пониманием.

Высаживая ее у мотеля Райана, он, наконец, заговорил.

— *Найди что-нибудь стоящее*.

Это немного действовало на нервы. По его собственному утверждению, это был ее план. Она знала, что делает. Чёрч вел себя как придурок, а это означало, что его что-то беспокоит. Это напомнило ей о том, как он вел себя в дни перед ее неудавшимся самоубийством. Так, словно он не хотел убивать Лиззи и в то же время отчаянно в этом нуждался.

Возможно, ему не хотелось убивать Марго. Сначала он усомнился в ее выборе, утверждая, что ею просто движет гнев и смятение. Ну, тут он не ошибся, все так и было — годы гнева и смятения, раз уж на то пошло. Эмма хотела выместить все свое отчаянье на Каспере, но на тот момент не знала, как, и не понимала, чего на самом деле хочет, а потом Чёрч отнял у нее этот шанс.

Если ей не удастся высвободить живущее в ней чудовище, оно сожрёт ее душу. Ей было необходимо это сделать, а Марго на самом деле являлась корнем всех ее проблем. Каждая чертова проблема, какая у нее когда-либо была, и, скорее всего, будет, случилась с ней по вине Марго.

Пришло время Марго заплатить.

Пришло время Эмме доказать, что она на это способна.

И пришло время Чёрчу доказать, что он действительно хочет быть с ней единым целым.

В то время как все ее мысли крутились вокруг двух самых главных людей в ее жизни, Эмма наткнулась на что-то интересное. На небольшой кусочек пластика в шортах Райана. Мгновение она его ощупывала, затем вытащила.

Это оказался больничный браслет «Солнечного ранчо». На нем было проставлено имя и дата рождения Райана, а также имя доктора Розенштейна и маленький штрих-код.

Браслет подходил просто идеально. Достаточно маленький и легкий, чтобы незаметно слететь с запястья. Достаточно личный, чтобы без труда определить того, кому он принадлежал — в конце концов, на нем было написано его имя.

Конечно, его скорее всего недостаточно, чтобы повесить на Райана целое убийство... или два. Но он, по крайней мере, отвлечет полицию на то время, пока Чёрч с Эммой не выберутся из ситуации.

Эмма сунула браслет в задний карман и встала, но тут ее взгляд упал на кое-что другое. Она чуть не застонала на месте и поспешила через комнату. Рядом с лампой лежал кисет с дешевым табаком и пачка папиросной бумаги. Эмма с удивлением обнаружила, что это ее любимый бренд; она даже не заметила, что Райан курил.

Она прикусила нижнюю губу и взглянула на телефон. То, что в лечебнице запрещалось курить, ни на йоту не умерило ее желания. Время от времени Марго снабжала ее сигаретами, но все же отказывалась покупать нечто столь «низкосортное», как табак. К сожалению, Эмма с годами здорово к нему пристрастилась. Она любила сама делать себе сигареты и знала, как скрутить их потуже, именно так, как ей нравилось.

Конечно, Райан и не заметит, если она просто свернёт парочку... и выкурит парочку... а, может, скрутит еще парочку...

Из задумчивости ее вывел телефонный звонок, и она взглянула на экран. Сообщение от Райана.

«Готово. Еду в мотель. Встречаемся через десять минут».

Эмма сунула телефон в задний карман, бросила последний тоскливый взгляд на сигаретные прибабасы и вышла на улицу. Она устроилась поудобнее на полу у его двери, подальше от парковки. Через некоторое время с лестницы до нее донесся звук быстрых шагов. Из-за угла показался оглядывающийся по сторонам Райан.

Эмма нахмурилась и посмотрела на него. Обвиняемый за сексуальное насилие. Господи, как же ей везет на ненормальных! Нормальные вообще бывают? И почему она как магнит притягивает таких людей? Казалось, они везде ее разыщут, что бы она ни делала, где бы ни скрывалась.

Но сейчас, глядя на него, она ясно себе это представляла. Ей уже доводилось встречать таких, как он на вечеринках и возле баров. Нервные парни, которые хотят девчонку, но не знают, как ее заполучить. Застенчивые мальчики с неразделенной любовью, которые в конце концов чувствуют, что им кое-что причитается. О да, у нее случались такие разговоры. «*Но ты мне так нравишься!*», «*Меня никто не замечает*», «*Просто позволь мне показать тебе, как сильно я тебя люблю, и ты тоже меня полюбишь, я это знаю*», «*Это несправедливо, я хороший парень*». А потом, раз, и тебя уже зажали в углу в ванной или в переулке, сунув тебе в рот язык, о котором ты не просила, и этот «хороший парень» держит тебя и говорит, типа, пожалуйста, просто пожалуйста, вам будет так хорошо вместе, ты просто не знаешь, но он может тебе это показать.

О да, он тебе покажет, конечно.

«*Нахер его*».

Бедный Райан. Он вошел в ее жизнь как раз тогда, когда вся ее темнота слилась воедино и вырвалась, наконец, на свободу. Темная Эмма уже не была просто голосом у нее в голове, она стала гниющей выгребной ямой, заражающей ее изнутри. Темная Эмма планировала изгнать всю нечистую силу, а значит уничтожить все старые мысли о ненависти к себе и собственной ничтожности, все прочие голоса у нее в голове, и когда эти демоны уйдут, ну, им придётся податься куда-то в другое место.

Жаль, что ему захотелось с ней сблизиться именно в это время.

— Я кое-что достал, — выдохнул Райан, присев рядом с ней на корточки.

Эмма так долго не сводила с него глаз, что ему стало неловко.

— Что же? — спросила наконец она и посмотрела на его руки.

Разжав кулак, Райан протянул ей смятый комочек чего-то похожего на бумагу.

Эмма выхватила его и, развернув, разгладила пальцами края. Это оказалась фотография. Старая, истёртая и потрепанная. Видимо когда-то давно ее сложили вчетверо и от долгого хранения края складок побелели.

На фото стоял угрюмый маленький мальчик и, сердито глядя в камеру, прижимал к груди плюшевого мишку. Он крепко обхватил игрушку за шею, от чего создавалось впечатление, что мальчик ее душит.

Рядом с ним стояла высокая женщина, и Эмма сразу же ее узнала. Это была мать Чёрча, одну руку она положила сыну на плечо, а другую — опустила вдоль тела. На фото женщина по-настоящему улыбалась, что стало для Эммы большим сюрпризом. На лице у нее сияла широкая улыбка, а роскошные темные волосы рассыпались по плечам.

Но ее глаза. Кто-то выцарапал ей глаза чем-то острым, возможно ключом. По ее лицу проходила прямая линия, застилающая зеркала ее души.

Царапины сами по себе уже были достаточно жуткими, а в сочетании с плохим состоянием фотографии эффект становился просто пугающим. *Западающим в память*. Словно маленький Чёрч был антихристом, и своей первой жертвой выбрал собственную мать.

«*Может, это не так уж и далеко от истины. Чёрт подери, Чёрч, а ты не сдерживаешься*».

— Ты видишь это дерьмо?! — прошипел Райан, поглядывая за перила, у которых они все еще сидели. — Что это? Этот парень, он жуткий. Он *реально* жуткий. Как Ричард Рамирес. Как Сын Сэма. Я не знаю, слушай. Не знаю, справлюсь ли я. Не знаю. Зайти в твой дом? В его дом? Должно быть, в этом доме живет дьявол. (*Ричард Рамирес — американский серийный убийца, известный также как Ночной Странник. Дэвид Берковиц, также известный как Сын Сэма и Убийца с 44 калибром — американский серийный убийца — Прим. пер.*)

— Да, он жуткий, — пробормотала Эмма, проводя кончиками пальцев по лицу бедного мальчика. Рядом с матерью он казался совсем маленьким. Даже хрупким. Он походил на фарфоровую куклу. Как она могла причинить ему такую боль?

— Э...Эм? Эм? Эмма? — Спросил Райан, и она вытянулась в струнку.

Девушка сунула фотографию в карман пальто.

— Где ты её нашел? — спросила она, наконец, поднявшись на ноги.

Райан тоже встал.

— У него дыра в подкладке пальто. Потайной карман. Внутри было фото. Видишь, какое оно потрёпанное? Он часто к нему прикасается. Долбанный извращенец.

Эти слова сильно задели Эмму. Чёрч не был извращенцем. Он был результатом неправильной ДНК и еще более неправильного воспитания. Он был восхитительным. Никто не смеет безнаказанно называть маленького мальчика с этой фотографии «извращенцем».

— Что ж, здорово, — сказала она. — Жуткий, жестокий, похоже, у него проблемы с мамой. Он перекладывает это на Марго. Отличная работа, Райан.

«Отличная работа, Чёрч».

— Правда? В смысле, правда-правда? — спросил он, улыбаясь ей и взяв с ключ-картой.

Эммина ключ-карта, та самая, что дал ей Чёрч, снявший Райану эту комнату, была надежно спрятана от чужих глаз в заднем кармане ее джинсов.

— Да. Я знаю, что всё это... страшно, — вздохнула Эмма и, когда он вошел в комнату, прислонилась к дверному косяку. — И очень сбивает с толку. Господи, я все время сама не своя.

Тут она не врала, но, если Эмма чему и научилась у Чёрча, так это тому, что немного честности делает ложь намного правдоподобней.

— Без тебя я бы не справилась. Райан Парк, ты — мой герой.

Господи, она прямо-таки слышала, как он в нее влюбляется. Райан покраснел и, тихо усмехнувшись, стыдливо уставился в землю.

— Ой, тебе не нужно... да ладно... теперь мы команда или типа того. Эмма, я просто хочу, чтобы у тебя всё было хорошо. Хочу тебя защитить, — объяснил он, снова взглянув на нее.

Его глаза были блестящими и остекленевшими, почти лихорадочными. Она узнала этот взгляд и подавила желание отступить.

— Знаю, я начал работать на него, но после встречи с тобой, тут же оказался на твоей стороне. В твоей команде. Знаю, что я вроде как твой придурочный друг, твой полоумный друг, твой ненормальный друг, но ты... ты...

Она больше не могла этого выносить. Закатив про себя глаза, Эмма схватила его за футболку и так сильно рванула к себе, что он полетел вперед. Прямо на нее. К счастью, Райан был ненамного выше ее, поэтому ей не составило большого труда приподняться и

крепко поцеловать его в губы.

Ее рука лежала у него на груди, и Эмма почувствовала, как в один миг напрягся каждый его мускул. Можно было с уверенностью сказать, что его сердце заколотилось вдвое быстрее. Он стоял неподвижно, никак к ней не прикасаясь, но она знала, что в его венах пульсирует электричество. Интересно, сколько уже Райан ни с кем не целовался? Никого не трахал. Сколько времени пройдет, прежде чем одиночество его сломит, и он снова перейдет к действиям?

— Я так тебе благодарна, — прошептала она, отстранившись и подняв на него невинные, широко распахнутые глаза. — Как только Чёрч исчезнет, мы с тобой сможем делать все, что захотим.

— Всё..., — выдохнул он и наконец поднял руку.

Его пальцы нежно коснулись ее щеки, и Эмма подавила желание поморщиться. Его пальцы были липкими и дрожали. Он себя сдерживал. Что будет, когда он сорвется?

— Тебе не обязательно приходить в тот дом, — тихо произнесла она и, нахмурившись, отошла от него на шаг. Создав между ними некоторую физическую дистанцию, Эмма предложила ему путь к отступлению. — Там страшно. Я до смерти боюсь там находиться. И не буду заставлять тебя это делать.

Прочесть чувства Райана было легче, чем книжку с картинками. Шагнув вперед, он быстро преодолел образовавшийся между ними зазор, и мёртвой хваткой вцепился ей в плечи.

— Я приду. Ради тебя, Эм, все что угодно. Я сделаю все что угодно. Мы прижмём этого ублюдка. Хорошенько прижмём. И тогда останемся только мы вдвоем, верно? Только ты и я?

Пальцы Райана впивались ей в руки, его хватка сделалась сильнее. Наконец Эмма поморщилась и мягко от него отстранилась.

— Завтра его не будет, — сунув руки в карманы, сказала она. — Марго едет в город, а он за ней следом. У нас будет отличная возможность подкинуть фотографию. Подойдешь к дому около трех?

— В три. В три часа. Да хоть в полторы тысячи часов. Я приду. Может, встану там лагерем. У вас же рядом лес, верно? Господи, здесь везде лес. Но сейчас холодно. Наверное, я все же не буду становиться там лагерем. Но я приду, — кивая головой, пробормотал он.

При этих словах он протянул руку и начал поигрывать с ее петлей для ремня.

— Хорошо. Очень хорошо, Райан. Мы почти всё сделали. Все складывается просто идеально, — сказала она, коснувшись ладонью его щеки.

Ему стоило побриться. И помыться. По его коже пробежала дрожь, и он наклонился к ней.

— Идеально, — выдохнул он.

— Увидимся в три.

Райан подался вперед, словно ожидая еще одного поцелуя, но Эмма повернулась и ушла. Одного раза ей было достаточно. Он пытался отвертеться и не приходить к ней домой. Так не пойдет. Ей нужно, чтобы он был там, а значит он должен прийти. Если для этого требовался незначительный поцелуй, что ж, так тому и быть. Она добилась большего гораздо меньшими усилиями.

Чёрч сидел в машине на их прежнем месте у круглосуточного магазинчика и снова задумчиво смотрел в окно. Эмма забралась во внедорожник и стряхнула с волос снежинки.

— Фотография была отличным ходом, — сказала она и, достав ее из кармана, показала

ему. — Удивительно, что ты позволил ему ее взять. Похоже, она для тебя важна.

Чёрч взял у нее фото и, взглянув на него, вернул Эмме.

— Так и было. Я оставил ее здесь, когда уехал в университет, и с тех пор ни разу на нее не взглянул. Когда ты сказала, что нам нужно что-то такое, я решил, что эта фотография как раз подойдет.

— Не то слово. Она напугала его до усрачки. Райан думает, что ты дьявол.

— *Вот и отлично.*

— Он чуть не отказался идти завтра к нам домой, — сказала Эмма, снимая перчатки. Чёрч наконец-то на нее взглянул, но ничего не ответил. — Он все нес какую-то бессвязную чепуху, и я его поцеловала.

Краем глаза, Эмма следила за ним, оценивая его реакцию. Чёрч продолжал смотреть в окно.

— Всего лишь безобидный поцелуй, чмокнула его в губы. Он так отреагировал, будто я упала на колени и сделала ему предложение. Я всегда знала, что его страсть когда-нибудь очень пригодится, только не предполагала, как именно. Он прискачет завтра при полном параде.

Чёрч ничего не сказал, его молчание окутало их обоих, словно злой дух. Он просто завёл машину, вырулил на дорогу и поехал домой. Эмма решила, что они весь остаток пути проведут в молчании, но примерно на полдороги Чёрч откашлялся.

— Думаю... думаю, я пошёл в отца, — тихо проговорил он.

Эмма взглянула на него.

— В самом деле? Мне казалось, что это мать у тебя жестокая.

— Она — да. А вот я не такой уж и жестокий.

— Чёрч, ты распилил моего психотерапевта на десятки кусочков.

— После того, как он умер.

— После того, как ты его *убил*.

— Защищая тебя.

— Ты споришь о семантике серийного убийцы, — фыркнула она. — Может, ты и «не такой уж и жестокий», но ты хочешь им быть, а это практически одно и то же.

— Я думаю, Джерри убивал людей.

Если бы Чёрч потянулся и треснул бы ей по лицу, Эмма бы так не удивилась. Она развернулась на сиденье и, разинув рот, во все глаза уставилась на Чёрча.

— Что? Почему? — просила она. — В смысле, я знаю, что он чертовски странный, и какое-то время мне казалось, что он что-то замышляет, но...

— Сегодня утром, — продолжил Чёрч. — Мы разговорились. Он мне кое-что... сказал. Не знаю. Он всегда очень меня поддерживал. Всегда советовал мне быть собой. Делать все, что захочу. Я всегда думал, что он имел в виду в школе. Теперь мне начинает казаться, что он подразумевал совсем другое.

— Это безумие. Это не значит, что он убийца. Может, это просто говорит о том, что он очень любящий родитель. Я до встречи с тобой никого не убивала, и все же меня не коробило твоё желание препарировать людей.

— Да, Эмма, но над тобой всю жизнь издевались и насиловали, и ты ебанутая на всю голову, — прорычал Чёрч. Было видно, что он не любит, когда ему перечат. Что он к этому не привык. — Джерри — какой-то менеджер среднего звена, средний класс, ходячий портрет обывателя. Он не должен спокойно принимать тот факт, что я хочу убивать людей.

Не должен...

Голос Чёрча стих, и он так сильно сжал руль, что у него побелели костяшки пальцев. Какое-то мгновение Эмма колебалась, а затем наклонилась и накрыла его руку своей ладонью.

— Хорошо. Хорошо. Что именно он сказал? — спросила она, но Чёрч только покачал головой.

— Ничего важного. С исчезновения Каспера прошло уже три дня, — резко сменил он тему. — Возможно, люди уже начинают что-то подозревать. У нас максимум пара дней до того, как кто-нибудь поймет, что он действительно пропал, и вызовет полицию. Эмма, у тебя еще есть шанс всё это остановить. Мы можем просто уехать. Уехать сегодня же, прямо сейчас. Я могу отвезти тебя в аэропорт.

Она удивленно заморгала. Это что, очередная проверка? Неужели Чёрч думает, что она на это не способна? Абсурд. В конце концов, когда они уже один раз проходили через подобное, именно Эмма была единственной, кто решился это сделать. Даже два раза, если считать и ее саму.

— Мы все сделаем, — резко бросила она. — Это давно назрело. Если не покончить с ней сейчас, то я никогда от нее не избавлюсь. Даже если бы ничего этого не случилось и Каспер был жив, а она бросила бы ради него Джерри, моя мать все равно нашла бы способ втянуть в это меня. Или Каспер бы ее заставил. Или, что еще хуже, она разрушила бы *ещё чью-то* жизнь. Нет. Все закончится прямо сейчас. Раз и навсегда.

Чёрч глубоко вздохнул. Не знай она его лучше, то решила бы, что он немного расстроен.

— Как скажешь, Эмма. Как скажешь.

Эмма не знала, почему на следующий день так разнервничалась. Джерри был на работе. Марго уехала на какое-то местное собрание, пыталась вести себя как обычно, ее не будет до вечера, пока Джерри ее не заберет. Чёрч притаился в подвале, дверь была заперта. Так продолжалось с прошлого вечера, когда он спустился вниз. Эмме пришлось провести ночь в одиночестве, снова считая в потолке дырки.

«Реально надо уже спросить его об этих дурацких дырках».

Эмма начала нервничать. Почти вернулась к старым привычкам. Может, ему и впрямь не хотелось этого делать, и ей не нужно было его заставлять. Но потом она прогнала эти мысли. *Нахер его.* Если он не может на это пойти, прекрасно. Она не станет его этим попрекать.

Но и удерживать себя она не позволит. Уже трижды ему удавалось лишить ее очень ярких моментов — Лиззи, ее самоубийство, Каспер. Уж этот она ему не отдаст.

Ровно в три часа она стояла в коридоре, глядя на дверь подвала. Чёрч знал, во сколько придет Райан. Знал, что она задумала. Но она не слышала шагов на лестнице, не слышала поворота ключа. Даже когда кто-то осторожно постучал во входную дверь.

«Представление начинается».

Эмма глубоко вздохнула и направилась ко входной двери. Она немного постояла, двигая взад-вперед челюстью и пытаясь понять, какое выражение лица ей лучше принять. Затем сделала еще один глубокий вдох и, широко улыбнувшись, открыла дверь.

— Ты пришел! — выдохнула она и, выйдя на крыльцо, крепко обняла Райана.

Он тут же обхватил ее руками, и Эмма, положив подбородок ему на плечо, оглядела улицу. Несколько человек как раз привезли домой детей из школы. Не закрывая двери машин, они перетаскивали в дом какие-то вещи. Отлично.

Когда Райан начал отстраняться, Эмма отпрыгнула назад и громко вскрикнула. Все, кто находился в пределах слышимости, обернулись и уставились на них. Райан застыл на месте, пока она не хлопнула его по груди.

— Паук! — прошипела она так тихо, что невозможно было разобрать. — Господи, он был похож на гребаного тарантула!

— Какого хрена?! Где? Где? — воскликнул Райан, глядя вниз и колотя себя руками.

Он начал перескакивать с ноги на ногу и, пытаясь убежать от воображаемого паука, затолкал ее в дом. Еще раз улыбнувшись про себя, Эмма захлопнула за ним дверь.

— Кажется, он убежал, — вздохнула она, прижав руку к сердцу. — Черт, он был просто огромным.

— Твою мать, ненавижу пауков. Мне казалось, зимой они пропадают, — проворчал Райан, все еще отряхиваясь.

— Может, он прятался на карнизе и упал на тебя, чтобы согреться, — поддразнила его Эмма.

— Может быть. Господи, это дурное предзнаменование? Разве увидеть паука это не

дурная примета? Черт, пожалуй, нам не стоит этого делать, — простонал он, озираясь по сторонам.

— Нет, все хорошо, все хорошо, — успокоила она Райана, схватила его за руку и, сцепив их пальцы, потащила по коридору.

— Слушай, а дом типа старый, да? — тихо проворил он.

Эмма бросила взгляд на дверь в подвал и повела его прямо в комнату Марго.

— Джерри не фанат модернизации, — проворчала она.

Несмотря на то, что со времени их короткого разговора прошел целый день, у ее в голове всё ещё вертелись слова Чёрча о том, что Джерри убивал людей. Возможно ли это? Пухлый, рыхлый Джерри кого-то убил? Ради бога, он ведь женат на Марго — если бы ему захотелось кого-нибудь прикончить, он давно бы ее убил.

— Я все еще не понимаю, зачем мне при этом присутствовать, — сказал Райан, когда они наконец вошли в спальню.

Эмма нахмурилась и выпустила его руку.

— Потому что мне... мне хотелось, чтобы это мы сделали вместе. В этой жуткой грёбаной лечебнице мне всегда казалось, что мы с тобой против всех. Думаю, именно на это я и рассчитывала.

Райан нахмурился, но ничего не сказал. Эмма достала из кармана фотографию — перед тем как уйти в себя, Чёрч вернул ей снимок — и демонстративно оглядела комнату в поисках места, куда бы его положить.

— Где бы найти такое место, где она ее не заметит? — пробормотала Эмма, постукивая по подбородку заострённым ногтем. Снова воцарилось молчание, затем Райан, наконец-то, подошел и встал позади нее.

— Ты сказала, что он, видимо, рылся в ее вещах, верно? Так, может быть, где-нибудь у ее ночного столика? Как будто он проходил мимо, и фотография выпала у него из кармана. Или, не знаю, может, он взглянул на ее фотографию, а затем посмотрел на свою настоящую маму.

Ха! Эмма была почти впечатлена. Она сложила фотографию пополам и уронила на прикроватную тумбочку.

— Например, здесь?

Он нахмурился, потом потянулся и выдвинул ящик тумбочки. Райан вышвырнул из нее какие-то вещи, затем скомкал фотографию и бросил ее в глубь ящика.

— Как будто она выпала, пока он копался в ее барахле, — сказал он. — А там она может и не заметить.

Эмма улыбнулась. Всё оказалось легче, чем она думала.

— Но может и заметить, — возразила она, доставая фотографию. — А если у кровати?

Они ходили по комнате, пробуя разные варианты. Райан засунул фотографию между матрасом и изголовьем кровати, но Эмма это забраковала. Так же, как и его предложение положить фото под кровать, в лежащую в шкафу туфлю Марго и за зеркало на туалетном столике. Когда у него на лице начало проступать отчаянье — что и понятно, они ходили по комнате кругами — Эмма забрала у него фотографию и просто бросила на прикроватную тумбочку.

— Вот так вполне хорошо, — вздохнула она.

— Так же хорошо, как и везде, где я предлагал, — почесав голову, проворчал он.

Эмма проследила взглядом за его движением, гадая, сколько волос у него выпало. Затем

улыбнулась и, игриво схватив Райана за футболку, развернула его и толкнула на кровать.

— Ты предлагал хорошие места, — поддразнила его она, сев ему на колени. Райан казался совершенно потрясенным и от ее движения чуть не упал навзничь. — Спасибо за помощь, без тебя я бы не справилась.

— Не думаю. Я только...

Не дав Райану договорить, Эмма засунула ему в рот язык. Она обхватила ладонями его лицо, надеясь таким образом создать иллюзию глубокого чувства. Он застонал ей в губы и крепко ее обнял.

— Ты фантазировал об этом? — прошептала она и, подавшись назад, сорвала с него футболку. — Когда мы с тобой были в лечебнице?

— Боже, все время, — простонал он, сжав ее ягодицы. — Ты удивительная, Эм. Просто удивительная.

— Удивительная, — согласилась она, покусывая его нижнюю губу и прижимаясь к нему бедрами. — О чем еще ты фантазировал?

— О твоём теле, — скользнув руками вверх, прошептал он. Его прикосновения стали дрожащими и нервными. — О том, чтобы трогать тебя везде.

— Ммм, везде? Это сложновато, — выдохнула Эмма, снова отстраняясь, чтобы до него дошел смысл ее слов. — Ложись.

— Что? — спросил Райан, словно выйдя из состояния экстаза, в которое она его погрузила.

— Я сказала, ложись, чтобы мы могли вместе растянуться на кровати, — скомандовала Эмма, мягко толкнув его в плечи.

— Не знаю, Эм, — выдохнул он, нервно оглядывая комнату. — А что, если вернется твоя мама? Или *он*? Я не хочу...

Эмма стянула с себя рубашку и выпрямилась, ее груди почти касались его лица. Райан уставился на ее лифчик так, словно никогда раньше не видел ничего подобного, затем выбрался из-под нее, чтобы растянуться на кровати.

Эмма последовала за ним и снова взобралась на него. К этому моменту он уже явно очень возбужден, невозможно было не заметить эрекцию, что так сильно прижималась к ее промежности. Ее чуть не вырвало, но она справилась. В свое время Эмме много чего приходилось делать с людьми, с которыми ей не хотелось иметь ничего общего, так что один раз она могла это повторить.

— Значит, ты фантазировал лишь о том, как меня трогать? — спросила она, оставляя языком влажный след у него на груди. — И это все? Тебе никогда не хотелось меня трахнуть?

При слове «*трахнуть*» по его телу пробежала дрожь. Его руки снова схватили и сильно сжали ее задницу. Одна ладонь скользнула вниз по ее джинсам, а другая вцепилась Эмме в бедро, притискивая ее к нему.

— Да почти всегда, Эм. Очень много раз. Будь у нас больше времени, — пробормотал он, просовывая между ее губами свой язык. — В смысле, если Касперу можно трахаться на «Солнечном ранчо», почему нам нельзя? Я хотел показать тебе, как улизнуть из твоей комнаты, трахнуть тебя у него в кабинете.

— Боже, как это *заводит*, — простонала Эмма, грубо зарывшись ногтями ему в волосы.

Райан зашипел от боли, затем снова ворвался языком ей в рот и, почти ошеломив ее, провел им вокруг. Целовался он очень агрессивно и слюняво. На самом деле это ее не

волновало.

Также её не волновала и рука, которую он пытался запустить ей в штаны. Она схватила его пальцы и притянула их к груди, позволив ему на мгновение обхватить ее ладонями. Но тут Райан начал дергать за бретельки, и Эмма снова оказалась в затруднительном положении.

«Отпечатки пальцев, клетки кожи, волосы и фолликулы по всей кровати и комнате, есть. Но образец спермы будет еще труднее оспорить. Как далеко я готова зайти? Чёрч прав, мне нужно притормозить и лучше все планировать».

Она грубым рывком вернула его в сидячее положение и, чтобы выиграть некоторое время, прижалась к нему всем телом. Эмма снова оказалась в ситуации, которая зашла дальше, чем ей хотелось. Как с Каспером. Как и со многим другим в ее жизни. Взглянув на губы Райана, она нахмурилась и приняла решение. Всё, достаточно. Она не собиралась дрочить отворотному парню, просто чтобы раздобыть доказательства, которые, возможно, ей даже не понадобятся.

— Нам нужно остановиться, — прошептала она, пытаясь от него отстраниться.

— Нет, — сказал Райан, покусывая ей подбородок.

Эмма вздохнула и начала толкать его в плечи. У него на коже уже выступил пот, что показалось ей интересным, учитывая, что они всего лишь целовались.

— Райан, — громко произнесла она. — Прекрати. Мы не можем заниматься этим здесь. Ты прав, в любую минуту домой может вернуться Марго, а значит и Чёрч.

— Я быстро, — выдохнул он, и его руки стремительно скользнули по ее телу.

Прикосновения Райана снова стали дрожащими, но не от волнения. А от *возбуждения*.

Эмма почувствовала, как у нее скрутило живот. Она знала это прикосновение, знала этот тон голоса. У него кружилась голова. Может, он даже немного прибалдел. Ему хотелось этого, и хотелось очень давно. Теперь, когда Райан, наконец, до этого дорвался, он так легко не отступит.

А может, и вообще не отступит.

— Ого, звучит романтично, — проворчала она и, просунув между ними руку, пихнула его в грудь, пытаясь высвободиться. — Хватит лапать меня, Райан, нам нужно одеться.

— Но это займет всего минуту или две, — задыхаясь проговорил он, и его рука больно сжала ее грудь. — А если у нас не будет другой возможности?

— Я готова взять на себя такой риск. Убери от меня свои гребаные руки, Райан.

— Но ты мне так нравишься, и так давно. Раньше ты никогда не замечала меня по-настоящему. Просто позволь мне показать тебе. Я тоже тебе понравлюсь, знаю. *Я это знаю.*

Ах. А вот и мистер Хороший Парень, как раз вовремя. Отбарабанил свои слова, как по сценарию. Эмма уже наперёд знала, чем закончится эта пьеса: она потребует, чтобы он ее отпустил, а он будет настаивать. Он завалит ее, потому что, эй! Мистер Хороший Парень клянется, что ей понравится, так что цель оправдывает средства, верно? Я права?! И она будет кричать и плакать, но все будет зашибись, потому что она ведь так ему нравится, он просто знает, что тоже ей понравится, и она его простит, поэтому он продолжит делать с ней все на свете. Потому что она ему нравится.

Как раз в тот момент, когда Эмма уже собиралась откусить ему нижнюю губу, позади них раздался громкий скрип. Очень отчетливый звук — скрип половицы где-то в коридоре. Одной рукой девушка вцепилась Райану в волосы, готовая дернуть изо всех сил, а другой уже толкала его в грудь. От неожиданного звука они оба на мгновение замерли. Затем Эмма

медленно улыбнулась про себя.

— Ты слышала?! — прошептал Райан, ослабив хватку.

Она воспользовалась представившейся возможностью и выскользнула из его рук.

— Я ничего не слышала из-за твоего гребаного дыхания, — прорычала она, слезая с кровати. — Что, за последние пять долбанных минут слово «нет» перестало означать «нет»?

Райан казался совершенно ошарашенным.

— Но я думал..., — пробормотал он, пока Эмма пыталась надеть рубашку. — Думал, мы друг другу нравимся. Ты мне очень нравишься.

— Да, и, если тебе кто-то нравится, совсем не обязательно его трахать, Райан. Вот небольшой совет на будущее — как бы тебе не нравилась девушка, если она говорит тебе «прекрати», *значит, ты прекращаешь*, понял?

Эмма пристально уставилась на него, от чего ему явно сделалось неловко. Райан надел футболку наизнанку, после чего смущенно соскользнуть с кровати.

— Прости, Эм, — вздохнул он, потирая затылок. — Просто... я очень долгого этого ждал. Может, я слишком разволновался. Ты на меня... набросилась. Так набросилась. Что я решил, ты тоже этого хочешь.

Боже, как же ей хотелось схватить с тумбочки тяжелую настольную лампу матери и треснуть его по голове. Но потом она вспомнила, что он еще ей нужен, и глубоко вздохнула.

— Я хотела, — пробормотала она, затем откашлялась. — А потом расхотела. Сейчас неподходящее время. Не в постели моей матери. Ладно? Как я уже сказала, ты был прав, здесь небезопасно. Они на самом деле могут вернуться домой в любую минуту. Тебе лучше уйти.

— Ты хочешь, чтобы я ушел?

— Да, — сквозь зубы процедила она. — Я поговорю с тобой завтра, после встречи с доктором Розенштейном.

Райан все еще казался подавленным, его дух был полностью сломлен, поэтому Эмма сделала глубокий вдох.

— Эй, может, у него появились новости о Каспере, и тогда нам не о чем будет волноваться.

— Кроме Чёрча.

— Кроме Чёрча, — согласилась она.

Когда они вместе шли по коридору, он взял в ладонь ее руку и сжал. Эмма вновь взглянула на него, и он робко улыбнулся. Ей хотелось вырваться из его хватки, но она лишь улыбнулась ему в ответ и тоже сжала его руку, а затем повела к задней двери.

— Срежь через лес, так ты выйдешь на соседнюю улицу, — скомандовала она, практически вытолкнув его из дома.

— Эй, — он остановился на ветхой террасе и оглянулся на Эмму. — Все это чертовски странно, и я чувствую себя как-то не в своей тарелке, но... у нас ведь всё нормально, да?

Эмма обеими руками вцепилась в дверную ручку и уставилась на него. Все шло наперекосяк, он оказался ебанутым на всю голову, и до нормального им было очень далеко. Райан был больным мальчиком с серьезными проблемами самоконтроля. А она — явной психопаткой, все еще одержимой навязчивой идеей.

О, и еще Эмма хотела его подставить, чтобы он взял на себя вину за убийство, которое она собиралась совершить.

— У нас всё в порядке, — выдохнула она. — Обещаю. Ты прав, это был странный день,

а мы парочка ненормальных. Мы можем попробовать в другой раз, где-нибудь наедине. Там, где никто нас не застукает.

«Там, где никто не услышит твой крик».

— С удовольствием. Увидимся, Эм.

— Увидимся.

Она смотрела, как он, спотыкаясь, спустился по лестнице, пересек задний двор и бросился к лесу. Когда Райан окончательно скрылся из виду, она, наконец, закрыла дверь. Затем обернулась и увидела позади себя прислонившегося к стене Чёрча. Некоторое время они молча смотрели друг на друга.

— Я по-прежнему вытаскиваю тебя из ситуаций, которые ты не можешь контролировать, — заметил он.

Эмме стало интересно, сколько времени он наблюдал за ними из коридора. С первого поцелуя Райана? Когда она села к нему на колени? Или, может, когда она сняла рубашку? Интересно, каково это — видеть, как другой мужчина прикасается к ней? Лапает ее.

— Я бы справилась, — ответила наконец она и, протиснувшись мимо него, направляясь обратно в главную спальню.

Чёрч фыркнул.

— Вздор. Совсем как с Каспером. Совсем как с Лиззи. Эмма, ты ничего не продумываешь до конца. У тебя есть общее представление о том, что, возможно, сработает, но ты не утруждаешь себя тем, чтобы поразмыслить, как именно воплотить это в жизнь. Нельзя вот так просто вляпываться в подобные ситуации.

Одно дело, осознавать это самой. Но совсем другое — слушать, как это произносит Чёрч со свойственным ему высокомерием. Эмма бросила на него свирепый взгляд, а затем вернулась к своим делам.

— Я не вляпываюсь, — сказала она и, опустившись на колени, подняла с пола фотографию Чёрча.

Сунув её в карман, она вытащила больничный браслет Райана. Эмма аккуратно положила его на то же место под тумбочкой. Потом прошла по комнате, поправляя все, что они с Райаном сдвинули, на что наткнулись или смяли, чтобы ни у кого не возникло и мысли, что в комнате кто-то был.

— Я все планирую. Просто иногда все идет не по плану, поэтому мне приходится импровизировать, и я...

Чёрч схватил ее за руку и, больно сжав, удержал на месте. Он разъярённо смотрел на нее сверху вниз.

— Если ты хочешь отомстить матери, прекрасно. Если ты действительно хочешь лишиться ее жизни, я тебе помогу. Но я не буду возиться с истериками, устроенными капризной маленькой девочкой из-за того, что мама когда-то плохо с ней обращалась. Разберись со своими тараканами, потому что, Эмма, если ты это сделаешь, то всё. Пути назад уже не будет.

— *Пути назад не будет?* Ты поздно спохватился, Чёрч, — прошипела она, пытаясь высвободить руку из его хватки. — Решение было принято, когда мы похоронили мою «истеричку» в лесу в безымянной могиле. Хочешь знать, что я думаю? *Я думаю*, это не у меня проблемы.

Похоже, его шокировал даже намек на то, что у него могут быть проблемы.

— Хочешь сказать, что проблемы у меня?

— Ты все время сомневаешься в том, что я смогу сделать что-то подобное. Что я с этим справлюсь. Но ты, кажется, забыл, что из нас двоих я сделала это первой. Это я планировала смерть Лиззи, и у меня хватило смелости пойти в дом и попытаться это сделать. И сделала бы, если бы ты не струсил.

— Струсил?! Эмма, там была куча людей — тебя бы арестовали, да нас обоих!

— Возможно. Так много этих «возможно». Ты, может, и умный, Чёрч, но у тебя нет всех ответов. Может, я бы убила ее, а потом вылезла в окно. Ее нашли бы только на следующее утро.

— Полиция все равно узнала бы, что это ты, — вздохнул он. — Ты была последней, кто заходил в ту комнату, тебя забрали бы тем же утром.

— Ах, но ты забываешь, что утром я тоже была бы уже мертва.

Похоже, это заявление застало его врасплох, и красноречивый Чёрч не нашёл, что ответить. Она этим воспользовалась и продолжила.

— Поэтому, может, хватит уже вести себя так, словно я беспомощная беспризорница, которой необходима твоя защита? Я не сомневаюсь, что смогу сделать все, что захочу. А вот на счёт тебя у меня *серьезные* сомнения.

Внезапно его рука накрыла нижнюю половину ее лица, указательный палец прижался к краю глазницы. Эмма подалась назад, и он пригвоздил ее к дверце стоящего позади нее шкафа.

— Ты во *мне* сомневаешься? — прошипел он.

Чёрч зажал ей одну ноздрю, и Эмма изо всех сил старалась втянуть достаточно воздуха через оставшуюся.

— Я двадцать четыре года закрывался от мира, а потом появилась ты, и я отдал тебе всего себя. Каждую частичку себя, всех своих демонов, монстров и так далее. Более того, я стал твоим отражением. Я дал тебе увидеть себя такой, какая ты есть на самом деле, и не осудил тебя за это. Я этому *обрадовался*. Твоим демонам, твоему психозу и всему остальному. Так что никогда, блядь, не говори, что сомневаешься во мне. Я единственный, кто действительно тебя знает — без меня тебя нет. Ты — просто ходячий призрак человека, который всё еще не покончил с собой.

Боже, как же ее бесило, когда он оказывался прав. Эмма злобно уставилась на него, впилая ногтями ему в запястье и сказала себе, что не заплачет. Не сломается и не станет той девушкой, которая будет просить у него прощения за свои глупые, необдуманные слова. Умолять его просто любить ее и позволить ей снова и снова перед ним выслуживаться.

«*Нет. Он ошибается. Я не ходячий призрак. Я — личность, и способна на великие дела, и мне не нужен он, чтобы это почувствовать*».

Чёрч резко отпустил ее голову, и она отшатнулась от стены, жадно втягивая воздух. Эмма потерла щеку и подбородок, пытаясь избавиться от боли, оставшейся после его мёртвой хватки.

— Если мои слова тебя беспокоят, — наклонившись, зарычал ей в ухо Чёрч. — Тогда мне не за чем говорить. Но не забывай — я здесь ради *тебя*. Я всего лишь хочу помочь *тебе*. Я сделаю для тебя *все, даже* защищу от себя самого. Так что никогда больше не говори, что сомневаешься во мне, *поняла?*

Ее ярость на Райана вскипела и вытеснила все рациональные мысли. Эмма выпрямилась и посмотрела на Черча.

— Знаешь, когда-то такое поведение было милым. Но теперь оно только наталкивает

меня на одну очевидную мысль.

— Ну же. *Просвети* меня.

— Никто никогда не давал тебе сдачи.

Его лицо осталось бесстрастным, но Эмма почувствовала, что привела его в замешательство. Он прищурился.

— Не хочешь объяснить?

Эмма с размаху ударила его по лицу, чем, наконец, заслужила кое-какие эмоции. Похоже, это его удивило.

— Так значит, мамочка тебя обидела. Подумаешь, большие дела, — прорычала она и снова его ударила. — Когда это было? Сколько тебе тогда было лет? И сколько сейчас?

Эмма ударила его еще раз и увидела, как в его глазах вспыхнул огонь.

— Неприятно, да? *Да?!*

Когда она попыталась ударить его в четвертый раз, он, наконец, схватил ее за запястье, чуть не сломав ей руку.

— Тебе *никогда* не понять, что значит быть взрослым и *при этом* совершенно беспомощным! — закричала она и, пытаясь вырваться, шлёпнула его свободной рукой по груди. — Когда даже в таком возрасте тебя удерживают против твоей воли и снова и снова причиняют боль. Когда делаешь то, что не хочешь, то, что ненавидишь, но вынужден это делать. *Вынужден*. Ты можешь ехать куда угодно и заниматься, чем угодно, а я застряла в этом гребаном доме с этим гребаным мерзким существом, поэтому, знаешь, что?! Мне *надоело* тебя жалеть. И, если ты *еще раз* так ко мне прикоснешься, клянусь Богом...

Он прервал Эммину речь поцелуем, резко притянув ее к себе. От прикосновения его губ она чуть не заплакала.

«Ах, Чёрч. Ты всегда без всяких слов знаешь, что я пытаюсь сказать и, что мне на самом деле нужно».

— Тебе никогда больше не придется такого делать, — выдохнул он, когда они оба рухнули на шкаф. — Никогда. Если бы я знал, что ты собираешься делать с ним такое...

— Так было быстрее всего, — задыхаясь, проговорила она и дернула его за футболку. — Самый простой способ разбросать повсюду следы его ДНК.

— Или же мы могли просто его убить и повалить по комнате его труп, — проворчал Чёрч, стягивая с нее джинсы.

— Значит, вот как теперь всё будет? — сказала она, скидывая с себя ткань. — Чтобы получить от кого-то желаемое, будем просто его убивать?

— Если потребуется, — ответил он, резко подняв ее над полом. Пока Чёрч нес ее через комнату, она обхватила его ногами. — И *особенно* если этот кто-то к тебе прикасается. Видеть на тебе его руки... Надеюсь, ты знаешь, что однажды я его прикончу.

— Можно мне посмотреть? — выдохнула она ему в ухо, а потом прикусила мочку.

Ей показалось, что он возится с одеялом, но когда Чёрч уложил ее на кровать, то она почувствовала под собой голый матрас. Он сдернул вместе со всем остальным постельным бельем простынь.

«Умный мальчик».

— Я не хотел причинить тебе боль, — прошептал он и, задрав ей рубашку, стал целовать ее между грудей. — Просто...

— Просто ты не знаешь, как ее не причинять, — выгнув спину, попыталась вставить она.

— Я не умею быть нежным. Никто никогда меня этому не учил. В этом не было никакого смысла, — попытался объяснить он.

Чёрч оторвался от нее, но только, чтобы стянуть через голову футболку, а затем снова накрыл ее собой.

— Мне нравится, когда ты грубый, — извиваясь под ним, выдохнула Эмма. Он провел ногтями по ее грудям, а потом вниз по телу. — Просто... Я так зла, Чёрч. Все это время. Это *его* мне хотелось ударить. Хотелось разодрать его гребаное лицо. Но я не могла, поэтому ударила тебя. *Прости*.

— Не надо извиняться, — прорычал он и, сорвав с Эммы рубашку, скользнул зубами по ее ключице. — Уже нет. Если хочешь ударить меня, ударь.

— А ты, если хочешь оставить на мне шрам, — задыхаясь проговорила она и расстегнула его ремень. — Тогда оставь на мне шрам.

А потом Чёрч был горячим и твердым у нее в руке, а она под ним — влажной и податливой. Какое-то время они не разговаривали, лишь тяжело дышали, толкались и рвались, а потом он снова наполнял ее собой, хотя Эмме это всегда казалось чем-то большим. Слова «наполнял» тут недостаточно. Он скорее «возвращал». Возвращал ей недостающую частичку ее самой.

«*Вот почему я почти все время полный псих, потому что я не могу постоянно быть у него в голове, а он — в моем теле. А всегда должно быть именно так*».

— Только так я не чувствую себя сумасшедшей, — простонала она, приподнимая бедра в одном ритме с ним, побуждая его двигаться быстрее. Сильнее. Требуя больше.

— О, Эмма, — усмехнулся ей в шею Чёрч, и она снова почувствовала его зубы. Девушка вскрикнула, подумав, что он прокусит ей кожу. Надеюсь, что прокусит. — Как бы мне ни хотелось, я не могу трахать тебя все время.

— Не сейчас, — сказала Эмма, когда он ее отпустил. — Может, в будущем. Может, после...

— Думаешь, ты это заслужила? — хмыкнул он и оперся на локти, чтобы вколачиваться в нее сильнее. — Все эти гребаные проблемы, сомнения, никакого доверия.

— Я заплатила за всё сполна, — задыхаясь, проговорила она. — Кровью. Теперь твоя очередь.

— Я не собираюсь ни за что платить, — прорычал Чёрч, и хоть она и не представляла, что такое возможно, стал трахать ее еще сильнее. Врезаться в нее.

Эмма закатила глаза, ее голова соскользнула с матраса и свесилась с кровати.

— И знаешь *почему*, Эмма?

Она хотела ему ответить, правда хотела, но ее так сильно трясло и лихорадило, что у нее из головы вылетели все слова. Кроме того, внизу живота нарастал взрыв, и какие уж тут слова, когда нужно искать укрытие.

— Я не должен платить за то, что и так уже *принадлежит* мне, — нагнувшись к ней, прошипел ей на ухо Чёрч. Ее соски вжались в его твердую грудь. — За то, что изначально задумывалось и создавалось для меня. Ты *всегда* была моей, даже до нашей с тобой встречи. И чем скорее ты это поймешь, поймешь, что всегда любила меня, тем скорее тебе удастся избавиться от всей этой безумной херни.

Какое обещание. Его голос, его слова всегда были ее погибелью, и Эмма, вскрикнув, кончила. Казалось, все ее тело разлетелось на части. Схватив Эмму за затылок, Чёрч рывком поднял ей голову и, впившись в губы поцелуем, проглотил ее крик. В рот ворвался его язык,

заставив забыть о Райане.

Он кончил сразу после Эммы, с силой толкнулся в нее и крепко к ней прижался. Проникая как можно глубже, все больше растворяясь в ее темноте. Она провела пальцами по его спине, пока он, дрожа и напрягаясь, отдавал ей все, что имел.

«Всегда. Всегда мы отдаём друг другу все. Почему нам нельзя быть такими все время?»

Какое-то мгновение они приходили в себя, тяжело дыша и спускаясь с небес на землю. Её голова снова свесилась с матраса, и Эмма вверх ногами уставилась на старый поцарапанный комод Джерри. Марго положила на него большую салфетку, и Эмма чуть не рассмеялась. До знакомства с Джерри Марго салфеток в глаза не видела.

— Ты улыбаешься.

Эмма подняла голову, чтобы взглянуть на его лицо, но Чёрч прижимался щекой к ее груди, отвернувшись в другую сторону. Она облизнула губы и кивнула, затем провела пальцами по его волосам.

— Так и есть. Иногда с тобой я забываю о своём безумии. Иногда... ты делаешь меня счастливой.

— Когда-нибудь так будет всегда.

Он скользнул вниз по ее телу, двигаясь в замедленном темпе, целуя ее скользкую от пота кожу. Чёрч провел языком по едва заметному шраму у нее на животе, который оставил несколько месяцев назад. Затем скользнул ей между ног и прижался губами к шраму у нее на бедре. Ее улыбка исчезла.

— Когда-нибудь, — вздохнул он и, наконец, полностью от нее отстранился. — Когда-нибудь ты полюбишь меня так же, как я люблю этот шрам, и тогда ты даже не вспомнишь, что такое безумие.

Эмма закрыла глаза и, закусив поджатые губы, подавила желание прикоснуться к своему шраму.

«О, Чёрч. Разве ты не видишь, что все моё безумие от любви к тебе? Я не верю ни единому твоему слову и каждую минуту жду, что ты предашь меня или бросишь, но все равно так сильно тебя люблю, что мне трудно дышать. Как можно любить кого-то вот так и при этом оставаться нормальной? Пожалуйста, докажи мне, что я не права. Пожалуйста. Потому что я очень сомневаюсь, что в следующий раз мой нож промахнется мимо нужного места, и тогда для любви у тебя появится шрам побольше».

Эмма крепко вцепилась в руль машины Джерри и уставилась на дорогу своими сухими, широко распахнутыми глазами.

С тех пор как Эмма перестала принимать таблетки, она редко спала больше пары часов за ночь. Она лежала без сна, глядя в потолок, считая дырки и размышляя над всем тем, что шептали голоса у нее в голове.

По словам доктора Розенштейна, чтобы снова доверять людям, ей необходимо набраться терпения и дать им шанс проявить себя. Так вот что нужно Чёрчу. В тот первый раз она проявила себя, доказала ему свою преданность, сделав все, о чем он ее просил.

Теперь настала очередь Чёрча проявить себя и сделать то, о чем просит *она*. И хотя днем ранее она и съязвила, на самом деле Эмма в нем не сомневалась. Он без малейшего колебания проломил голову Касперу. Он мог убить Марго, и это, скорее всего, не вызвало бы у него никаких эмоций. Он бы спокойно с этим справился. Он просто беспокоился о ней. Ей придется развеять его опасения. А им обоим — набраться терпения и вернуться к чему-то напоминающему доверие.

Но до тех пор выспаться ей явно не удастся.

— С тобой всё в порядке? — спросил сидевший рядом Джерри.

Эмма закашлялась и покачала головой.

— Не совсем, Джер, нет. Со мной не всё в порядке.

— Больше, чем обычно?

— Да.

— Ты знаешь, что когда Чёрч был совсем маленьким, мы водили его к психологу?

Эмма взглянула на Джерри. Куда, черт возьми, он клонит?

— Да, он говорил мне, что побывал у одного или двух психиатров, — пробормотала она.

— По настоянию его матери. Лично я никогда не видел в его поведении ничего плохого.

Этот доктор, парень, с которым я виделся всего несколько раз, когда привозил их и увозил, начал рассказывать мне о моем сыне. О *моём* сыне. Как будто он мог узнать что-то о Чёрче после парочки одночасовых посещений. Он сказал нам, что Чёрч еще слишком мал, чтобы ставить ему диагноз антисоциального расстройства личности, но у него имеется много классических симптомов. Сказал, что хотел бы взять Чёрча под пристальное наблюдение и лечить его. Ты можешь себе представить, как Чёрча пичкают лекарствами? Отупляют его блестящий мозг наркотиками просто потому, что он другой? Потому что он *бесподобный*. С этим никому не справиться. Ни врачам, ни моей жене, никому.

К концу его маленькой речи голос Джерри дрогнул от напряжения. Эмма то и дело оглядывалась на него, едва не задев припаркованную машину. Он говорил, как совершенно другой человек.

— Чёрч сказал мне, что он перестал ходить к психиатру, потому что его стали одолевать... нехорошие мысли.

— Ну да, это одна из причин.

— А какая другая?

— Я этого не позволил. Я запретил его матери увозить Чёрча из дома. В конце концов, она ушла от нас, потому что я не дал ей ему «помочь».

— Ты его защищал, — тихо сказала она, и Джерри кивнул.

— Как Чёрч сделал бы все, чтобы защитить тебя, Эмма, так и я сделаю все, чтобы защитить *его*.

— Понятно.

— Сомневаюсь, — вздохнул Джерри и, когда они въехали на стоянку его работы, понизил голос. — По-моему, ты решила, что очень мне нравишься.

Круто. Кто знал, что Джерри может быть таким грубым?

— Думаю, да, мне так казалось.

— Это не так. Эмма, мне никто не нравится. Никто. За исключением моего сына, которому сейчас тяжело. Ради которого я готов на все. *На всё, что угодно*. У него есть задатки величия, способность делать такое, что другим и не снилось. Долгое время мне казалось, что ты сможешь поддержать его в этих стремлениях. Теперь я в этом не уверен. Эмма, я рассчитывал, что ты станешь для моего сына подарком. Подарком, который, похоже, пришелся ему по душе; новая блестящая игрушка, так сказать. Но когда он устанет от своей новой игрушки, то...

Джерри замолчал и, пока Эмма парковала машину, не произнес ни слова. Она повернула голову и уставилась на него.

— То что? — вздохнула она. — Заканчивай то, что начал, Джер.

Наконец, он повернулся и посмотрел на нее. Обычно отражающаяся в его глазах пустота исчезла, и теперь его взгляд был пронизательным, ясным и настороженным.

— Я привел тебя в свой дом. Я могу и с лёгкостью тебя из него убрать. Убрать туда, где тебя никто никогда не найдет. Куда-нибудь в глубокую, темную яму в дремучем лесу. Ничего не напоминает? Эмма, мне не хочется этого делать. Пожалуйста, не заставляй меня так поступать. Сделай его счастливым, не подвергай его опасности, и мне не придется этого делать.

Он... он... Джерри сейчас что, угрожал ей расправой? Если она продолжит ссориться с Чёрчем, Джерри зароет ее рядом с Каспером? Эмма ничего не ответила, лишь таращилась на него, пытаясь переварить сказанные им слова, поэтому Джерри, в конце концов, вышел из машины. Похлопал на прощание по крыше «Бьюика» и направился на свой завод.

«Боже, может, Чёрч прав. Может, Джерри и впрямь кого-то убил. На самом деле всё это так ужасно. Чёрч думал, что в чудовище его превратило то, что с ним жестоко обращалась, а потом бросила его мать, а в действительности он все это время жил с таким же чудовищем».

Эмма около часа просидела в пустом доме Стейси. Выбив подвальное окно, она пробралась внутрь. В доме было холодно. В целях экономии Стейси выключила термостат, а, чтобы не замерзли трубы, изо всех кранов текла струйка воды. Поэтому Эмма взяла из какой-то комнаты постельные принадлежности, перетащила их в самое холодное место в

доме — в подвал — и свернула там в углу калачиком.

Ей нравилось лежать в холоде, молчать и не двигаться. Подальше от притягательного магнетизма Чёрча и энергетического вампиризма Марго. Даже Джерри ее утомлял. В этом доме было невозможно нормально соображать, а она находилась в нём постоянно.

«Вот почему я не в себе — этот чертов дом проклят».

Она думала о матери и обо всем, что говорил Чёрч. Неужели ей действительно хочется убить собственную мать? Она только что сошла с сумасшедшего поезда — может, Чёрч прав и ей лучше какое-то время подождать. Поехать с ним в Нью-Йорк, как он сказал. Попробовать немного пожить другой жизнью. Похоже, даже Джерри считал, что ей нужно притормозить и расслабиться. *(Сумасшедший поезд — здесь отсылка к песне «Crazy Train», написанной Оззи Осборном, Рэнди Роадсом и Бобом Дейсли. Была выпущена как первый сингл Осборна в 1980 году для дебютного альбома Blizzard of Ozz — Прим. пер.)*

Но не успела Эмма об этом подумать, как ее душа тут же воспротивилась. Она не сможет спокойно жить, спокойно спать, зная, что Марго безнаказанно продолжает свое существование. Безо всяких ограничений. Рано или поздно ее мать узнает, сколько на самом деле денег у Чёрча, и тогда она снова будет пробираться в жизнь Эммы. Нет. Хватит. Ей надоело жить как на иголках.

«Кроме того, если я ее убью, в моей голове станет на один голос меньше».

Пытаясь набросать план, Эмма в конце концов задремала. Еще мгновение назад она размышляла, стоит ли ей делать это самой или попросить Чёрча, как вдруг неожиданно проснулась.

Эмма сразу поняла, что проспала очень долго. Солнце было уже высоко — лучи пробивались в окна подвала под совершенно другим углом. Взгляд на телефон подтвердил ее догадки, что сейчас около часа дня. Она проспала встречу с Розенштейном. Проспала время, в которое должна была вернуть машину Джерри. Разблокировав экран, Эмма тут же увидела сообщение от него.

«Не волнуйся, Марго не знает. Можешь не возвращать машину до пяти».

Ну, хоть об этом можно было не беспокоиться. Она села, потерла сонные глаза и позвонила доктору Розенштейну. К счастью, он был на месте.

— Эмма. Должен сказать, я удивлен, — сказал он, взяв трубку.

— Я проспала, — ответила она хриплым, сонным голосом.

— Избыточный сон — признак депрессии, Эмма.

— Да ну? Это ещё и признак *нефиговой усталости*.

— Агрессия тоже может быть признаком. Эмма, я о тебе беспокоюсь.

— Да Вам плевать на меня, док, Вы просто боитесь попасть в неприятности. Вас волнует лишь благополучие Вашего драгоценного «Солнечного ранчо». И Вашего драгоценного зятя.

— Кстати, о нем. Он не звонил твоей матери?

— Нет, а что?

— Потому что со времени его отъезда прошло уже пять дней, а от него по-прежнему ни слуху, ни духу. Моя жена несколько раз звонила семье его отца — там о его визите никто ничего не знает. Мы ездили к нему домой, но похоже, все это время дома его тоже не было. Его машина на месте, а он просто... исчез. Я надеялся, что твоя мать что-нибудь о нем слышала, но раз нет, то нам придется позвонить в полицию. Не могла бы ты с ней поговорить, а потом дать мне знать?

Вот оно. Все встало на свои места. Или рухнуло. Теперь вмешается полиция. Эмма вдруг поймала себя на том, что лихорадочно вспоминает события того вечера. Она ничего там не оставила? Носок, резинку для волос или какое-нибудь украшение? Вроде бы нет, они с Чёрчем не забыли взять с собой даже ее разорванную футболку. Тем не менее, у нее внутри начала закипать паника, и Эмма поняла, что рано или поздно люди сопоставят все факты, которые приведут их к ней.

Ей нужно что-то сделать. Нужно действовать быстро.

Тебе нужно определиться, действительно ли ты хочешь быть громом, или Чёрч может встать на путь разрушений в одиночку.

— Обязательно спрошу, доктор, — наконец ответила она. — И... знаю, что отношения у нас порой были натянутыми. Но они ведь не всегда были плохими, правда? Спасибо Вам за помощь. Я нередко слышу Ваш голос и хочу, чтобы Вы знали, я часто к нему прислушиваюсь.

— Э... это хорошо, Эмма. Мне так кажется. Увидимся во вторник? — спросил он.

— Нет, не думаю, — тихо ответила она. — Уверена, Вы помогли мне всем, чем могли, но теперь пришло время кому-то другому обо мне позаботиться.

— Эмма, — сказал он. — Знаю, что у нас были разногласия, и дела пошли ужасно. Но я же чувствую, что что-то не так, и просто хочу тебе об этом сказать.

Эмма потеревшая край одеяла и глубоко вздохнула.

— Видите ли, это всё Райан...

— Райан? Райан Парк?

— Да.

— Хорошо, Эмма, расскажи мне все. Причем тут мистер Парк?

Она вдруг поняла, что улыбается.

«Да, да, доктор. Задавайте правильные вопросы, ищите правильные ответы и верьте всему, что говорит вам несчастная больная девочка, потому что ей нужна Ваша помощь. Она ей очень, очень нужна, потому что девочке хотелось бы пожить немного подольше».

Пока Эмма ехала домой, она до мяса обгрызла ноготь большого пальца. Наконец девушка свернула на удобную парковку у магазина и, собрав всю мелочь из подстаканников и между сиденьями машины Джерри, зашла внутрь и купила себе табак. Она села на переднее сиденье и дрожащими пальцами свернула сигарету. За курение в машине Марго ее убьет, но Эмма все равно закурила, потому что у Марго практически не осталось времени злиться на дочь. Так почему бы не побаловать ее бонусом?

«Так вот значит, кто я? Вот кем я хочу быть на самом деле? Или просто пытаюсь стать похожей на него? Откуда мне знать, что правда, а что нет? Нахрен терпение, у меня нет на это времени. Я оказалась между молотом и электрическим стулом, мне нужны ответы прямо сейчас».

Когда Эмма вернулась домой, там никого не было. Она понятия не имела, где Чёрч парковал свой внедорожник, потому что рядом с домом его никогда не было видно. Внутри стояла мёртвая тишина, Марго куда-то ушла, и когда Эмма постучала в дверь подвала, ей никто не ответил. Поэтому она вернулась в комнату Чёрча, свернула в сигареты весь табак, закурила и уставилась в потолок.

«Один, два, четыре, шесть, восемь, десять, пятнадцать, двадцать, двадцать пять...»

Где-то через час, два или целую жизнь она услышала в дверях чьи-то покашливания. В комнату вошел Чёрч.

— Сегодня будет хуже, чем вчера, да? — вздохнул он, присаживаясь на край кровати.

— Так всегда и бывает, — ответила Эмма, выпустив изо рта колечко дыма.

Оно поплыло к его голове, по мере движения увеличиваясь и превращаясь в призрачную корону.

— Я хочу, чтобы ты знала, — медленно произнес он, тщательно подбирая слова. — Я не сомневаюсь, что ты можешь сделать все, что захочешь. Ты раз за разом это доказывала. Я верю в тебя больше, чем ты сама. Да и как я могу не верить? Ты — вторая половина моей души.

Услышав выбранное им слово, она удивленно поморгала и, наконец, посмотрела ему в глаза.

— В самом деле?

Чёрч кивнул.

— А значит, не верить в тебя — это всё равно что не верить в себя. Невозможно. Когда я говорю с тобой определенным образом, знай, что точно так же я говорю и с собой. Это самая высокая честь, которую я могу кому-либо оказать, и ты единственная, кто этого удостоился.

Из уст Чёрча это и впрямь наивысшая похвала.

— Ты действительно считаешь, что я не хочу навредить маме? — спросила она грубым от сигаретного дыма голосом.

Чёрч долго молчал, потом положил руку ей на голень.

— Думаю, да... это то, с чем не следует спешить. Мы говорим не только о Марго, но и о

жизни и смерти. Ты говоришь, что хочешь ее убить, и я тебе верю и сделаю все, что в моих силах, чтобы твои фантазии стали реальностью. Но мне кажется, это не должно случиться *сию секунду*. Подожди. Спланируй. А *затем* осуществи. Марго всего сорок, и тебя никто не подгоняет. Люди, совершающие преступления в порыве эмоций, практически всегда попадают, а всё потому, что они не могут трезво мыслить. Ты хочешь это сделать? Тогда убедись, что всё пройдет как надо. Второго шанса, скорее всего, уже не будет.

«Всё пройдет как надо, да? Не похоже на мои последние попытки убийства. Обе эти сучки по-прежнему живы, и у одной из них уже почти закончились сигареты. Надо было купить две пачки».

— А что, если у нас нет времени? — спросила она, затушив в блюдце окурок.

— Почему у нас нет времени?

— Завтра доктор Розенштейн звонит в полицию, — объяснила она. — Он волнуется о своем зяте и попросил жену сделать пару звонков.

— Это завтра, а между тобой и его исчезновением все еще нет никакой связи.

— Только если добрый доктор решит не рассказывать копам о моей глубокой ненависти к Касперу и о том, что я использовала его в качестве инструмента для шантажа, чтобы выйти из клиники.

— И всё же, думаю, мы можем...

— Но если Марго тоже пропадет, то это уже похоже на побег двух влюбленных. Это даст нам еще больше времени, а после всего, что мы сделали, первое же расследование приведет их к Райану — бывшему пациенту Каспера, который завидовал вниманию, которое мы с моей матерью уделяли глупому терапевту. Мы ведь так планировали, да? Чёрч, все это рано или поздно должно было случиться. С таким же успехом можно действовать и сейчас, пока все фишки еще могут упасть на нужное место.

Чёрч уставился на нее своим жутким взглядом. Его лицо не выражало никаких эмоций, а глаза буравили ей душу. На мгновение, всего лишь на мгновение, она затосковала по старым добрым временам. Когда ему было достаточно на нее взглянуть. Она могла этим жить, черпать из этого энергию, а не задаваться всё время вопросом, кто она такая.

«Чистокровное я чудовище или сотворенное человеком? Это вообще имеет значение? Мне это важно? Ему это важно?»

— Ты никогда не спрашивала меня, каково это, — сказал он.

— Прости, что?

— Когда я убил Каспериана. Ты никогда не спрашивала меня, что я при этом почувствовал.

— Хорошо. Что ты при этом почувствовал?

— Ничего. Словно выключил свет. Словно отшвырнул ногой какой-то мусор. Но не думаю, что у тебя будет так же, Эмма. Это тебя изменит, и пути назад уже не будет. Я в тебе не сомневаюсь — я просто хочу убедиться, что сейчас ты к этому готова. Ты только что пережила огромное потрясение. Ты готова пережить еще одно?

Эмма спустила с кровати ноги и встала. Схватив еще одну сигарету, вышла в коридор.

— А я вообще когда-нибудь была готова? — буркнула она. — Была я готова переехать в середине первого класса? Была я готова к тому, что в одиннадцать лет меня изнасилуют? Или к тому, чтобы поселиться в этом захолустном городишке? Или убить ради тебя? Нет. И каждый раз, когда что-то из этого происходило, мне доставалось больше, чем в предыдущий, но я, блядь, все еще жива, так ведь? Я справилась. Справлюсь и с этим.

— Теперь все по-другому, — возразил Чёрч и, обойдя её, уперся руками по обеим сторонам от Эммы, прижав девушку к двери подвала.

— С чего бы?

— Есть я, — ответил он, глядя на нее сверху вниз. — Всё это время ты просто пыталась выжить. Но тебе больше не нужно этого делать — теперь у тебя появилась возможность жить полной жизнью. Добиться успеха.

— Господи, когда ты превратился в Опру Уинфри? — простионала она.

— Не провоцируй меня, Эмма. Я сейчас добрый. Могу стать злым.

— Что ты хочешь от меня услышать? — закричала она, смяв в кулаке сигарету. — Я, блядь, не знаю, чего хочу! Все, что я знаю, что он мертв, мы его убили, и все вот-вот обрушится на нас. Я просто пытаюсь быть на шаг впереди, ясно?!

— О, и ты думаешь, что действовать с бухты-барухты и прикончить собственную мать во время нервного срыва — это именно то, что тебе нужно?

— Нервного срыва? Иди ты нахуй, — выругалась она. — Если у меня и нервный срыв, то по *твоей* вине. Ты уверял меня, что я для этого создана. Что я чудовище. Что я всё смогу. А теперь твердишь, что я недолжна и мне не стоит. Чёрч, пару месяцев назад твои игры прокатывали. Сейчас как-то не очень.

— Я не играю с тобой ни в какие игры. Если бы это было так, мы бы сейчас не разговаривали, и ты это знаешь.

Оооо, как же ее бесило, когда он становился самодовольным.

— Знаешь что? *Уезжай*. Если ты не хочешь принимать в этом участие, тогда просто уезжай. Для всех остальных ты в Нью-Йорке, верно? Вот и поезжай туда. Уезжай, а я сделаю всё сама. Я буду громом, молнией, молотом, наковальной и любой другой идиотской метафорой, которую ты только сможешь выдумать. Я стану чем-то великим. После всего, через что я прошла, это меньшее, чего я заслуживаю.

— О нет, Эмма, — усмехнулся он. — Тебе так легко от меня не избавиться. Ты хочешь испортить себе жизнь и наделать глупостей, прекрасно. *Прекрасно*. Тогда я буду за тобой подчищать.

— Мне твоя помощь не нужна.

— Нет, нужна. Так же, как и мне твоя. И чем скорее ты это поймешь, тем скорее мы с этим покончим. Теперь. Когда ты хочешь это сделать? — спросил он и, отступив на шаг, прислонился к стене.

Эмма нахмурилась и взглянула на свои руки.

— Завтра он звонит в полицию, — сказала она, растопырив пальцы. — Чтобы определить, что Каспер действительно пропал, им потребуется... сколько, пара дней? Тогда они начнут задавать вопросы. Нам нужно сделать это до того, как они доберутся до Марго.

— Пара дней, хм.

— Может, неделя.

— Одна неделя, — вздохнул он. — Нам нужно выяснить ее распорядок дня. Знать, где она находится в любое время суток. Придумать план, как затащить ее в подвал, а потом, когда она спустится, ты сможешь делать с ней все, что захочешь. Звуки из подвала не доносятся до соседних домов, я проверял. И почему-то мне не кажется, что Джерри будет до этого дело.

— Одна неделя, — усмехнулась Эмма и покачала головой. — Дорогой Санта, надеюсь, ты положил мне под ёлку несколько мешков для мусора, клейкую ленту и электропилу.

Боже.

— Думай об этом так — всего одна неделя, и тебе больше никогда не придется об этом беспокоиться. Слышать ее голос. *Никогда больше* не придется ее бояться.

— Никогда. Какая прекрасная мысль, — прошептала Эмма. — Теперь бы только спланировать все так, чтобы Марго не догадалась.

— *Не догадалась о чём?*

Эмма с Чёрчем, словно две марионетки, тут же повернули головы в сторону гостиной. Перед входной дверью стояла Марго. Дьявол во плоти. Или нет, подождите, разве не Эмма дьявол? В последнее время она часто путалась.

Марго уставилась на них, быстро переводя взгляд широко распахнутых глаз с Эммы на Чёрча. В одной руке она держала сумочку и пакет с продуктами. Другой — упиралась в бедро в какой-то деловитой позе.

— Не догадалась о чём? — повторила она. — И какого черта он здесь делает?

Чёрч молча скрестил руки на груди.

— Привет, Марго, — холодно сказала Эмма.

— Не заговаривай мне зубы, — прорычала мать и, бросив на пол сумки, пошла вперед. — Какого черта ты тут забыл? После того, что ты со мной сделал! Знаешь, что он со мной сделал?

— Я думала...

— Ты меня *душил!* — закричала она, тыча пальцем Чёрчу в лицо.

Эмма заморгала от удивления. Ей никто об этом не рассказывал.

— В моем собственном доме! Тебе повезло, что ты уехал из города и, что твой отец очень щедрый человек, иначе, гадёныш, ты бы сейчас сидел в тюрьме! *Немедленно* убирайся из моего дома.

Чёрч выпрямился во весь рост. Марго была невысокой, наверное, среднего роста. Она нервно сглотнула, но не отступила. Вместо этого женщина направила свой гнев на Эмму.

— И ты. О, боже, *ты*. Я знала, что рано или поздно ты облажаешься. Ты поедешь в государственную больницу. Туда, где тебя привяжут к кровати и засунут в нос питательную трубку. Сколько это уже продолжается? — спросила она, показывая пальцем на них обоих. — Никаких контактов, Эмма. Помнишь это правило? Вы оба только что обрекли себя на полный кошмар.

Она развернулась и зашагала к своей сумочке. Эмма взглянула на Чёрча и поймала на себе его взгляд.

«Вот оно. Никаких планов. Никакой недели на подготовку. Ничего. Он сказал мне, что я действую необдуманно. И был прав».

Он кивнул, и по телу Эммы разлилось тепло. С тех пор как Чёрч вернулся в ее жизнь, они часто ссорились. Но было приятно знать, что они по-прежнему могут общаться без слов. Он открыл дверь в подвал.

— Не знаю, куда ты собрался! — закричала Марго, роясь в сумочке. — Ты и оглянуться не успеешь, как здесь будут копы. А для тебя, юная мисс, я попрошу, чтобы они пригнали спец фургон. Поверить не могу, что ты такая глупая, Эмма. Я же предупреждала, что этот парень тебя использует, пережуёт и выплюнет, именно так он и сделал. Оставил тебя со здоровенным шрамом и с мозгами набекрень.

Она выхватила мобильник, но не успела даже его разблокировать, как Эмма вырвала его у нее из рук.

— Ты с ума сошла?! — закричала Марго. — А ну, отдай быстро, не то я...

Эмма изо всех сил швырнула телефон на пол и с удовольствием услышала отвратительный хруст. Когда они обе посмотрели вниз, то увидели, что экран разлетелся вдребезги, а задняя панель полностью отломилась.

«Так быстро. Всё происходит так быстро. Словно поезд сходит с рельсов».

— О, — выдохнула Марго и рассмеялась.

В этот момент из подвала донёлся какой-то шум. Тихий стук.

— Я рада, что это случилось. Теперь я избавлюсь от тебя *навсегда*. Весь остаток своей жизни ты проведешь в смиренной рубашке, питаешься через трубку, а я буду получать твоё пособие по инвалидности. Никто не поверит ни единому твоему слову, потому что ты сумасшедшая. Я выйду замуж за доктора Каспериана и забуду об этой адской дыре и о тебе тоже. Спасибо, что облегчила мне задачу.

Она шагнула к стационарному телефону, но Эмма преградила ей путь. Мать свирепо на нее зыркнула и направилась в коридор, к телефону, стоящему у нее в спальне, но Эмма подрезала ее и там.

— Ты меня ненавидишь, — выдохнула она и уперлась рукой в стену, не дав матери пройти. — Да, сколько я себя помню. Зачем тебе вообще понадобилось рожать ребенка?

Марго запрокинула голову и рассмеялась.

— Думаешь, я тебя *хотела*? — хмыкнула она. — Конечно же нет, черт возьми. Но аборт оказался нам не по карману, а тот, что я сделала сама, не сработал, потому что ты проклята, Эмма. А потом твой папа предложил мне выйти за него замуж и уехать из этого гребаного трейлерного парка, тогда я подумала, что, может, всё как-нибудь обойдется. Но ты с самого первого дня создавала мне неудобства. Хорошо, что все это время от твоего существования была польза, не то я давно бы от тебя избавилась.

— Польза, — усмехнулась Эмма. — Приятно знать, что смогла тебе услужить.

— Эмма, нам нужно было на что-то жить, — указав на себя, раздраженно бросила ее мать. — Какой от тебя прок, если ты не можешь в этом помочь? И все было не так уж и плохо! Некоторые мужчины были к нам очень добры!

— У нас с тобой разные понятия доброты.

— Ах, тебя обидели, к тебе приставали, тоже мне, великое дело. Думаешь, папа меня не бил? Думаешь, мать меня не секла? Но я выросла и всё это пережила. В семнадцать я ушла от них и больше не вспоминала. Так что перестань барахтаться в нашем дерьмовом прошлом и просто *забуди* об этом.

— Это трудно сделать, когда ты *меня не отпускаешь!* — к концу фразы Эмма уже визжала. — Знаешь, иногда я не знаю, что хуже — то, что ты обращаешься со мной, как с проклятой, и спишь и видишь, как бы от меня избавиться, или то, что ты не даешь мне уйти. Знаешь, что мне кажется? Мне кажется, что я напоминаю тебе обо всем, чем ты могла бы стать, но так и не стала. Я не какая-то потрёпанная, вышедшая в тираж шлюха-аферистка. Ты меня ненавидишь и хочешь быть мной, поэтому не можешь меня отпустить, но и видеть меня не можешь. Чёрт, похоже, я не единственная чокнутая в нашей семье.

Марго вlepила Эмме пощёчину. Это был второй раз, когда мать её ударила. Девушка не пошевелилась, просто уставилась на маму, чувствуя, как горит от боли щека.

— Чокнутая, это уж точно, — проворчала Марго. — Чокнутая, как твой отец. Теперь пошла вон с дороги.

— Нет.

— Послушай, мне плевать, что у Джерри на тебя своего рода стояк, и что ты трахаешься с его полоумным сыном — *тут я распоряжаюсь твоей жизнью*. Поэтому убирайся с моего пути, или тебе не поздоровится.

«О, Марго, ты даже не представляешь как».

— Нет.

Лицо матери исказилось от ярости, она снова вскинула руку, но всё вокруг словно замедлилась. Эмма задумалась, а понимает ли Марго, как нелепо выглядит. Она протянула руку и просто схватила мать за запястье.

— Хочешь усложнить себе жизнь? — спросила Марго, пытаясь вырваться из ее хватки. — Да что с тобой такое?!

— Я больна, мама, — выдохнула Эмма, и, похоже, из всего, что они тут друг другу наговорили, это напугало ее мать больше всего. — Я слышу голоса и не знаю, кому из них верить.

— Что? — прошептала Марго, впившись ногтями в руку Эммы.

— Я сбита с толку, растеряна и все, чего я хотела, — с дрожью в голосе проговорила Эмма и, нависнув над матерью, пошла прямо на нее. — Это чтобы ты оставила меня в покое. Просто оставила меня в покое. Но ты никогда этого не сделаешь! И вот мы здесь, и мне хочется врезать тебе в глотку и повыдирать все твои чертовы волосы. Я в курсе, что это нехорошо, но боже, мне пиздец как этого хочется, и *это ты меня такой сделала!*

После такого Марго и впрямь начала терять самообладание — она завизжала и начала дергать Эмму за руку. Она оказалась на удивление сильной, и обе женщины, пошатываясь, прошли по коридору и врезались в стену.

— Думаешь, мне нравится быть такой?! — Эмма даже не сразу сообразила, что все еще говорит. Все еще кричит. Но слова всё срывались и срывались с ее губ. — Я не хотела такой быть! Не просила делать из меня чудовище! *Это ты меня в него превратила! Я не хотела, чтобы всё так вышло!*

Марго тоже закричала и, размахнувшись свободной рукой, стала колотить Эмму по плечам. Они потеряли равновесие и повалились на пол клубком спутанных конечностей. Марго удалось схватить Эмму за волосы и, дёрнув изо всех сил, ударить ее головой об стену.

— *Я отдала тебе все!* — завопила мать. — *Ты украла у меня молодость, мою фигуру и моих мужей! Я давала тебе крышу над головой, кормила тебя, заботилась о тебе, а ты ничего для меня не сделала! Неблагодарная, гадкая девчонка!*

Забавно, но все те годы, что Эмма накапливала целую выгребную яму гнева и ненависти, ей и в голову не приходило, что у Марго может быть такая же. Что Марго, возможно, тоже когда-то досталось. Конечно, все это уже не имело значения. Эмма тоже страдала, но никогда не направляла своих внутренних демонов на ни в чем неповинных людей.

«Ну, если не считать того раза, когда ты пыталась задушить кое-кого подушкой. Но это не считается — это было ради любви».

Вот к чему все свелось. Даже Чёрча нельзя было винить во всех тех ужасных поступках, совершенных Эммой за последние пару месяцев. Все они корнями уходили к этой жуткой женщине. Словно ходячая болезнь, она заразила свою дочь гноящимся злом, но не потрудилась ее научить, как с ним бороться. Она создала чудовище, но посадила его на хлипкую цепь.

И теперь оно освободилось.

С криком, копившемся в ней двадцать два года нескончаемого ада, Эмма рванулась вверх. Она была выше матери. Моложе, быстрее, сильнее. Ей не нужно было ее бояться. Она со всей силы оттолкнулась от пола, и ударила макушкой прямо Марго в нос. Женщина взвизгнула и была вынуждена слезть с дочери. Они обе вскочили на ноги, оказавшись на верхней ступеньке ведущей в подвал лестницы.

— Что ты собираешься делать? — прорычала Марго, у нее из ее носа текла кровь, а Эмма тем временем вцепилась ей в блузку. — Глупая сучка. Ты без меня *ничто*. Думаешь, ты была бы способна на такое, если бы не я? *Это я сделала тебя такой, какая ты есть*. Ты не сможешь мне навредить, и знаешь, почему? Потому что мы с тобой похожи, Эмма. *Подожди*.

Ее слова напомнили Эмме о Каспере и докторе Розенштейне. Напомнили ей о том, как они обе шантажировали этих людей одной и той же информацией, но ради достижения личных целей. От такого Эмму замутило. Ее ярость закипела с большей силой; дернув Марго за рубашку, она принялась трясти ее взад-вперед, вынуждая ее подойти к самому краю верхней ступеньки.

— Думаешь, мы похожи? — прошипела она. — Да ты *понятия не имеешь*, на что я способна.

Марго рассмеялась.

— Ты всегда так на меня злилась, когда я указывала тебе, что делать. Даже в детстве. Я уж думала, ты — Мисс Независимость. Думала, ты не такая как я. А ты теперь исполняешь приказы от человека, который тебя использовал и бросил умирать? Боже мой, как же повторяется история. Думаешь, мы разные? Дорогая, мы да практически *близнецы*.

Нет. Нет, нет, нет, нет. Она не допускала даже мысли о том, что каким-то образом стала похожа на свою мать.

Эмма вскрикнула и толкнула Марго. На мгновение на лице ее матери отразился шок — она реально не ожидала, что ее дочь причинит ей боль и царапнула ногтями по стене в поисках опоры. Сообразив, что ничего такого нет, она в последнюю секунду схватила Эмму за волосы. Затем в дело вступила гравитация.

Вскрикнув, Эмма полетела вперед и тяжело приземлилась на Марго. Голова с отвратительным треском ударилась о деревянную ступеньку. Потом они перевернулись, Марго кувырком покатила с лестницы, Эмма упала на бок. Она больно ударилась ребрами и не сомневалась, что парочку точно сломала, но отмахнулась от этой мысли. Девушка поняла, что упирается ногами в стену, и оттолкнулась от нее. На лестнице не было никаких перил, поэтому Эмма слетела с края ступенек. С криком она упала на пол подвала.

Из неё вышибло весь воздух. Там не было даже ковра, чтобы хоть как-то смягчить удар, лишь голый бетон. Из глаз хлынули слёзы, Эмма металась по полу беспомощно открывая рот и пытаясь набрать в лёгкие воздух. Она смутно догадывалась, что Марго в результате скатилась к подножию лестницы, сильно ударилась о стену и рухнула на пол. У Эммы начало темнеть в глазах, и, чтобы с этим справиться, она помотала головой.

«Не закрывай глаза. Не закрывай глаза. Ночью, когда ты спишь, приходят плохие люди, а она им не запрещает, ей все равно, и о, мама, как ты могла позволить им делать со мной такое? Мне страшно закрыть глаза».

— *Не закрывай глаза.*

Внезапно перед ней возник Чёрч. Лицо его оставалось бесстрастным, но во взгляде читалось беспокойство. Она сосредоточилась на нем, и темнота исчезла.

— Не могу... дышать... не могу..., — с трудом прохрипела она, ее голос казался чуть громче прерывистого дыхания.

— Можешь, — сказал он.

Она царапала себе грудь, как будто это могло как-то помочь, поэтому Чёрч взял ее ладонь в свою руку и сжал. Другой рукой он ощупал ее грудную клетку.

— Делай маленькие вдохи. Раз-два. Раз-два. Вдох-выдох. Просто потерпи.

Боже, как она ненавидела эту фразу. Эмма покачала головой.

— Она... она... она...

— Она без сознания. Или мертва. В любом случае, в ближайшее время она не очнется. Расслабься.

Эмма кивнула и полностью сфокусировалась на его глазах. На этих удивительных голубых озёрах. Слушала его дыхание и пыталась синхронизировать их сердцебиение.

Чёрч между тем осматривал ее грудную клетку и, когда его пальцы коснулись чувствительного места у нее на боку, слегка нахмурился. Да, точно сломаны ребра.

— С тобой всё в порядке. Я только отойду в другой конец комнаты и сейчас вернусь.

Не дожидаясь ответа, Чёрч ее отпустил и исчез из поля зрения. Эмма сосредоточилась на дыхании и изо всех сил старалась сохранять спокойствие. Сейчас ей стало легче, но это также означало, что шок от падения прошел. Девушка почувствовала в левом боку жжение, и, хотя теперь она могла дышать полной грудью, у нее не получалось. На глазах снова выступили слёзы.

— Я не хотела, чтобы все так вышло, — прошептала она, когда Чёрч вернулся.

— Знаю, Эмма. Знаю. Прими это.

Он просунул ей в рот три таблетки, а затем подставил горлышко бутылки. Чёрч заботливо приподнял ей голову, и Эмма чуть не подавилась, осознав, что пьет водку. Не успела она всё это проглотить, как он резко обхватил ее за плечи и привел в сидячее положение.

Эмма вскрикнула. Громко.

— О, черт, — простонала она, когда, наконец, смогла подобрать слова. — Больно, мать твою. Что ты мне дал?

— Тайленол, это все что у нас есть. Знаю, это больно, но ты должна поднять руки. У нас ещё много дел и не так много времени, так что помоги мне, Эмма.

Он дал ей еще глоток водки, а потом заставил зажать в зубах карандаш, который она чуть не прокусила, когда Чёрч стянул с нее рубашку. Скомкав рубашку, Чёрч прижал ее к сломанным ребрам Эммы, и от острой боли ее кожа покрылась испариной. Девушка снова вскрикнула, когда он принялся туго обматывать ее эластичным бинтом.

Когда Чёрч закончил, Эмма снова готова была упасть в обморок, но он ей не дал. Вместо этого Чёрч перешагнул через нее и, подхватив подмышки, поднял на ноги. На мгновение она, тяжело дыша, прижалась к нему.

— Ты молодец, — выдохнул он, глядя ее по волосам. — Ты вела себя как чертова психопатка и тебя чуть не убили. Но ты молодец. Просто продержись еще немного.

— Еще? — тяжело дыша, произнесла она и почувствовала, как Чёрч кивнул.

— Ты еще не закончила.

Он вложил что-то ей в руку, потом подвел к стене, где все еще лежала Марго, и Эмма впервые заметила заднюю дверь. Раньше она была заколочена досками; ее закрывал большой кусок фанеры. Эмма попыталась воскресить в памяти заднюю часть дома.

Примерно с торца здания двор уходил вниз по склону, открывая заднюю часть подвала. Правда, Эмма никогда не бывала на заднем дворе, поэтому даже не заметила, что под террасой есть отдельный вход. Пока она ругалась наверху с Марго, Чёрч открыл эту дверь. К дверному косяку был прислонен зловещего вида топор, а снаружи лежал уже покрывшийся тонким слоем снега кусок фанеры.

Эмма посмотрела на руки и обнаружила в них тонкий свитер Чёрча. Тут же в открытую дверь ворвался сильный порыв ветра, и пробрал ее до костей. Она как можно скорее натянула на себя кофту. Ночью обещали грозу, и Эмме показалось, что вдали она слышит раскаты грома.

«Поговорим об обломах, Чёрч. Похоже, я — и гром, и молния».

— Что, небольшая перепланировка? — тяжело дыша, проговорила она и снова отхлебнула прозрачного пойла. — Мне там наверху не помешала бы твоя помощь.

— Мне показалось, что ты отлично справляешься, — пробормотал Чёрч, склонившись над Марго. Он приподнял ей веки, и женщина застонала. — Она скоро придёт в себя. Так что там дальше в твоём плане?

— *В плане?* — Эмма рассмеялась, но тут же об этом пожалела. Она схватилась за грудную клетку. — На случай, если ты не заметил, все произошло несколько неожиданно. Нет, блядь, никакого плана.

— Не тупи, — огрызнулся он, подхватил Марго на руки и понес в другую часть подвала. — Ты должна была об этом подумать, ты давно знала, что хочешь этого. Время, конечно, не самое идеальное, но кто в этом виноват? Так что тебе лучше решить, как ты хочешь убить свою мать, или же мы забросим ее в больницу.

Чёрч так обыденно это сказал, словно речь шла о прополке какого-нибудь запущенного сада. Она нахмурилась и увидела, что он усадил ее мать в то жуткое, привинченное к полу кресло. Чёрч привёл ее в вертикальное положение, и Марго снова застонала.

— Нет. Я не... мы не можем этого сделать, — пробормотала Эмма и, захромав к нему, поняла, что при падении повредила еще и колено.

Она нахмурилась и уставилась на сидящую в кресле сломанную куклу, в которой едва угадывалась Марго. Она казалась изуродованной, как зомби. Или чудовище. При этой мысли Эмма громко рассмеялась, а Чёрч замер, застегивая наручник на левом запястье Марго.

— Она сказала, что мы одинаковые, и я ей не поверила, — истерически засмеялась она. Чёрч повернулся и взглянул на нее. — Но посмотри на нее. Посмотри на меня. Мы *абсолютно* одинаковые.

— Эмма, тебе лучше присесть.

— Нет. Нет. Я хочу разбудить ее и закончить то, что начала. То, что *она* начала двадцать два года назад.

— Подумай, что ты делаешь! — сказал он и, выпрямившись, пристально поглядел на нее. — Это тебе не игра, Эмма. Это не спокойно спящая в кровати Лиззи. Это твоя собственная мать, и примерно через две минуты она очнётся. В процессе тебе придется смотреть ей в глаза. Ты когда-нибудь об этом задумывалась?

— Не совсем, но я не...

— В последний раз, когда ты думала, что сможешь убить человека, ты чуть не убила саму себя, — прорычал он и, шагнув к Эмме, забрал у нее бутылку. Снаружи гремел гром, отдаваясь о стены дома. — На этот раз это не вариант. Это мне придется собирать тебя, когда ты снова развалишься на части. Больше никаких больниц, никаких докторов, всё

останется нашей тайной, которую мы будем хранить *вечно*, и я не хочу ставить наше будущее в зависимость от твоего нервного срыва. Я предполагал, у нас будет больше времени, чтобы тебя подготовить, но у нас его нет. Это всё. Поэтому тебе нужно очень, очень хорошо подумать, справишься ты с этим или нет. У нас еще есть возможность покончить с этим прямо сейчас — просто выбросим ее на больничной стоянке, а затем будем ехать, пока не выберемся за границу штата. Эмма, у нас еще будут другие возможности. Даже с ней. Так что либо перережь ей горло, либо садись в чертову машину, чтобы мы успели отсюда свалить.

Эмме хотелось послушать Чёрча. Хотелось услышать его слова, внимательно их переварить и честно поразмыслить над их ситуацией. Она была в долгу перед ним и перед собой, и прекрасно понимала, что им движет любовь. Должно быть, ему было трудно это говорить, пытаться положить конец ситуации, являющейся его самой большой фантазией. И он делал это ради нее. Вообще-то, это было даже немного трогательно. И самое меньшее, что она могла сделать, это потратить минуту и выслушать его.

Но Эмма так редко получала то, что хотела, поэтому глупо было надеяться, что на этот раз произойдет нечто подобное.

— О боже, — выдохнула позади них Марго, и они обернулись, Чёрч уронил бутылку водки.

Судя по проступившему у нее на лице ужасу, она уже какое-то время их слушала.

— Этот вечер становится все интереснее и интереснее, — фыркнул Чёрч, глядя на нее сверху вниз.

— Э-э-эм... Эмма, — запинаясь, пробормотала она. — Знаю, детка, у нас были разногласия. Знаю, что порой была с тобой строга. Я-я-я-я просто хотела, чтобы ты стала сильной. Пожалуйста, Эмма. Пожалуйста, ты же не хочешь, чтобы он причинил мне боль.

— *Он?* — усмехнулась Эмма, взглянув на Чёрча.

Затем снова посмотрела на него и поняла, что он часто задышал через нос, у него на скулах заходили желваки. Даже руки его были сжаты.

«Потому что Марго боится. Она чертовски напугана, и ему это нравится».

— Пожалуйста! — воскликнула Марго. — Я так с тобой обращалась, потому что... потому что...

— Потому что ты — отвратительное человеческое существо, которое получит то, что заслуживает, — возразила Эмма.

— Потому что этот мир ужасен и отвратителен. Потому что мой папа бил и домогался меня... и... и *мне просто не хотелось больше оставаться одной*.

Теперь Марго действительно плакала. Эмма попыталась вспомнить, видела ли она когда-нибудь плачущей свою мать.

— Значит, твоя цель заключалась в том, чтобы позволить кучке взрослых мужиков обращаться со мной так, как когда-то обращались с тобой, а потом мы с тобой стали бы чем-то вроде верных корешей? — предположила Эмма.

Вспышка молнии на мгновение осветила темный дверной проем, а затем сразу же последовал удар грома. Падавший снаружи снег превратился в крупные капли дождя.

— Но ты была такой маленькой! — воскликнула Марго. — Такой слабой, и я ненавидела тебя за это, прости меня. Пожалуйста, не делай этого, *пожалуйста*.

— Почему?! — крикнула Эмма, заглушая вой ветра. — Почему бы мне этого не сделать? Ты всегда отвратительно со мной обращалась, а когда необходимость во мне отпала, ты

захотела от меня избавиться. Запереть меня в психушке. Почему я вообще должна прислушиваться к твоим просьбам?

— Потому что я этого не заслуживаю! — закричала Марго. — У меня тоже была скверная жизнь, и я так боюсь, детка. Я все время боюсь. Меня пугаешь ты, он и будущее, я просто боюсь. Пожалуйста, отпусти меня. Мне так страшно.

«Оооо, Марго. Не те слова».

По-видимому, Чёрч устал убеждать их обоих в том, что этого лучше не делать. Он грозно шагнул вперед, и когда Марго автоматически отшатнулась, Эмма увидела, как Чёрч прерывисто вздохнул. Вот о чем он так долго мечтал. Он сделал еще шаг, и женщина отпрянула еще дальше, и это было похоже на причудливый танец. Марго пойдет за ним, куда угодно, потому что он главный. Он стал ее вселенной.

В этот момент он стал ее богом.

«Я понимаю. Теперь я понимаю, Чёрч. Я понимаю».

И тут вырубился свет.

ЧЁРЧ

Давайте кое-что проясним.

Мне хочется убивать. Хочется медленно мучить и пить страх своих жертв, а когда он ослабнет — вспороть и выставить напоказ их нутро.

Это не значит, что я думаю, будто все остальные испытывают такие же чувства или должны их испытывать. Если бы все чувствовали то же, что и я, это потеряло бы свою исключительность.

Я так давно этого хотел. Мечтал об этом. Планировал. Жаждал. Конечно, не обошлось без проблем, и, чтобы этого достичь, пришлось много трудиться. Долго убеждать.

Подтолкнуть здесь, поднажать там.

В смысле, мне ведь нужно было удостовериться, верно? Будет скверно, если все это произойдет лишь для того, чтобы утвоей замены на поле прямо перед ударом случился психический срыв.

Так что думаю, мы подошли к концу девятого иннинга, базы заполнены, по очкам — ничья, и вопрос не в том, сможет ли Эмма выбить мяч за пределы поля.

Вопрос в том, удалось ли мне убедить ее, что она действительно может играть в эту игру.

Подвал погрузился в темноту, и Марго закричала. Пронзительный женский визг, словно из дешевого фильма ужасов. Раздался шорох, и Эмма поняла, что Чёрч отошел в сторону. Он возился с большими галогеновыми лампами.

— Генератор, — раздался в темноте его тихий голос.

Снова сверкнула молния, на этот раз такая яркая, что, казалось, ударила в задний двор. Вспышка осветила половину подвала, и Эмма увидела, как Чёрч вышел через заднюю дверь, волоча за собой удлинитель. Кроме того, она заметила, что Марго вскочила с кресла и стала быстро прокрадываться к лестнице.

— Она на освободилась! — прокричала сквозь раскаты грома Эмма и, когда все снова погрузилось во тьму, побежала к лестнице.

Видимо, Марго поднялась на ноги. Эмма услышала на лестнице шаги, и в тот же миг ее нога коснулась нижней ступеньки. Девушка выругалась и как можно быстрее побежала вверх. Лампы зажглись как раз в тот момент, когда Марго выбегала из подвала.

— Она наверху!

Где, черт возьми, Чёрч? Он мог двигаться намного быстрее нее. Однако внутри он не вернулся. Эмма снова выругалась и продолжила свой путь на первый этаж.

Оказавшись в коридоре, она немного растерялась. Марго ещё не вышла из дома — она ломилась во входную дверь. Казалось, та никак не хотела открываться. Женщина кричала и пыталась выбраться.

Но еще более странными было освещение. В центре кухонного стола мягким светом горел желтый туристический фонарь. На кофейном столике стояло несколько зажженных свечей. Чёрч что, успел обежать дом, забраться внутрь и расставить все это до того, как они поднялись по лестнице?

«Это не имеет значения — сейчас Марго вспомнит, как работают дверные засовы, так что пошевеливай задницей».

Сделав глубокий вдох, Эмма преодолела жгучую боль в ноге и ребрах и бросилась через гостиную. Марго, наконец, ее заметила, но не так быстро, чтобы от нее увернуться. Эмма врезалась в нее плечом, как тараном, и Марго отлетела к стене у двери. Отскочив от стены, Марго взвизгнула и упала на пол. Эмма отшатнулась назад и сильно ударилась о выходящее на улицу окно. От раската грома стекло под ней задрожало.

— Не слишком приятно, правда, Марго? — хрипло рассмеялась Эмма. — Помнишь своего мужа номер три? Помнишь, как он гонялся за мной по всему дому, а я убежала и спряталась под твоей кроватью? Помнишь, что ты сказала? Что-то вроде... «Эмма, давай посмотрим правде в глаза, рано или поздно это всё равно случится». Боже, ты была дерьмовой матерью.

— По крайней мере, я не гребаная психопатка! — закричала Марго и, к удивлению Эммы, схватила ее за лодыжки и дернула на себя.

Эмма тоже взвизгнула и, приземлившись на больные ребра, заорала во все горло. Она

ничего не могла поделывать, когда Марго вскочила на ноги и побежала по коридору. Передние окна не открывались, но в спальнях они были раздвижными. Её мать могла с легкостью открыть их и сбежать.

«Где тебя черти носят, Чёрч?! Что там была за фигня насчет ударов молотков и дождя? Потому что если я не смогу положить конец этому пути разрушения, то лучше это сделать тебе».

Но он так и не появился. Зато, с трудом поднимаясь на ноги, Эмма увидела кое-кого другого. Из спальни появилась фигура, которая так сильно напугала Марго, что она упала на задницу. Вскрикнув, женщина начала отползать назад, и снова Эмме показалось, что она видит все в замедленной съемке. Она сделала глубокий вдох, и поднялась на ноги.

— Привет, Марго, — спокойно произнёс Джерри.

И если это был не самый крышесносный момент за весь вечер, тогда Эмма уж и не знала, какой.

По лицу Марго текла кровь, на лбу зияла глубокая рана, нос был явно сломан. Эмма знала, что она тоже неважно выглядит, поскольку стояла, держась рукой за стену и приподняв одну ногу над полом.

И все же это был старый скучный Джерри Логан. Все в той же гребаной рубашке с кофейным пятном. В тех же очках и галстук, с тем же мертвым выражением глаз. Какое-то время Эмма думала, что это просто пустой взгляд, но теперь поняла, как же она ошибалась. Его глаза явно были мертвы, потому что в глубине души Джерри таковым и являлся.

И в тот же момент она поняла, что Джерри взвел курок покачивающегося у него в руках дробовика.

— Дж-дж-джерри? — запинаясь пробормотала Марго и поползла из коридора.

Джерри медленно последовал за ней. Она наткнулась на край дивана и в конце концов стала его огибать.

— А у нас тут настоящая буря, — вздохнул он, выглянув на улицу через щель в жалюзи. — Похоже, электричества нет во всем квартале.

— Джерри! — рявкнула Марго, ее голос зазвучал с былой силой. Эмма вздрогнула и снова обхватила себя руками. — Слава богу, у тебя есть оружие! Они сумасшедшие! *Сумасшедшие!* Они хотят нас убить!

— Нет, Марго, — выдавила из себя Эмма. — Только тебя.

Если Джерри и удивило это заявление, то он не подал виду. Он снова вздохнул и отошел от окна.

— Ради бога, Джерри! Направь на нее ружьё, чтобы я могла вызвать полицию! — раздраженно бросила Марго и вытерла лицо рукавом свитера.

Потому что лишь Марго Хартли в такой момент могла беспокоиться о внешности и не врубиться, что только что был официально подписан ее смертный приговор.

— Эмма, ты на днях меня кое о чем спрашивала, — медленно проговорил Джерри, поднимая ствол дробовика, чтобы держать его обеими руками.

— О том, откуда ты, — вспомнила она. — О том, почему ты женился.

— И я сказал тебе, что женился на матери Чёрча, потому что она забеременела, а на Марго — потому что захотел познакомить тебя с моим сыном.

— Да. Я помню.

— Что, черт возьми, происходит? — настойчиво спросила Марго и захлебнулась собственными словами, когда ей в лицо нацелились дула двустволки. — *Джерри?!*

— Ты, — стальным голосом произнес он. — Человеческий мусор. Я понял это сразу же, как тебя увидел. Ходячая грязь, пытающаяся отравить своей желчью каждого встречного.

— Я что?! Ты сказал...

Джерри сделал шаг вперед, и она отползла от него в гостиную, к кофейному столику.

— Ты показалась мне просто идеальной. Я так давно этого не делал, и тут появляешься ты, словно подарок вселенной. Мы сходили на свидание. На несколько свиданий. Ты начала мне доверять. Захотела меня прибрать. А потом у нас было пятое свидание.

— Мы собирались пойти перекусить, — пропищала Марго. — Но я поняла, что что-то не так. Ты был так холоден, когда заехал за мной. Я подумала, что ты собираешься со мной порвать. К тому времени я уже узнала о твоей пенсии.

— Да, узнала. Скажи, это твой обычный трюк по завлечению мужиков? Выставить перед ними свою красивую дочь, словно телячью котлету? — спросил он.

— Да, — ответила за нее Эмма, и мать вздрогнула.

— Я не могла дать тебе уйти. Ты странно себя вёл, и я решила, что ты на нее поведешься. И какое-то время мне казалось... казалось, что это сработало.

Он прижал к плечу приклад дробовика, и Эмма впервые увидела, что когда-то Джерри, по всей вероятности, был пугающим человеком. Может быть, даже немного страшным.

— О, ещё как сработало. Если бы ты тем вечером не привела меня домой, если бы я не встретил Эмму, то убил бы тебя и сбросил твое тело с 72-го шоссе. Ты даже не представляешь, насколько близка была к смерти. Да ты должна была каждый день благодарить свою дочь, потому что тем вечером она спасла тебе жизнь.

— Она... ты... что? — выдохнула Марго.

— Я никогда не встречал никого, похожего на тебя, — сказал Джерри, переведя взгляд на Эмму. — Ты напомнила мне моего сына, который, как я уже знал, вырастет таким же, как я. Слишком непохожим на других, слишком особенным, чтобы быть как все остальные. Но его мать, еще одно чудовище вроде Марго, причинила ему боль. Она его надломилась. Ему нужна была чья-то помощь. Чья-то поддержка. Не моя. От меня он ни за что бы ее не принял. Он практически со мной не разговаривал. Но ты, Эмма... Я знал, что, если тебя слегка подтолкнуть, ты станешь для него именно тем, кем нужно.

Эмма уставилась на него, у нее шла кругом голова. Джерри хотел убить Марго? Господи, если бы он это сделал, то избавил бы их всех от кучи проблем.

Конечно, тогда бы Эмма, скорее всего, все еще жила в Алабаме, проводя часы в ожидании своей очередной попытки самоубийства, и, естественно, когда это неминуемо произошло, рядом не оказалось бы Чёрча, чтобы ее спасти.

И Чёрч остался бы совсем один, думая, что никто никогда не сможет его понять и полюбить. Что он тоже никого не сможет полюбить. И из-за этого ему бы никогда бы не удалось достичь истинного величия.

И какой трагедией бы всё это стало.

— Мать Чёрча..., — выдохнула Эмма, и ее голос стих.

Джерри кивнул и опустил дробовик. Это движение испугало Марго, которая явно была потрясена его признанием. Она вздрогнула и отодвинулась еще немного назад, теперь уже оказавшись между кофейным столиком и кухонным столом.

— Господи, — буркнул Джерри. — В те дни... я работал, переезжая из штата в штат, и это уже стало походило на игру. Даже когда мне не хотелось, я все равно... ну, иногда люди умирали. Видишь ли, у меня не было никого, кто мог бы мне помочь, как ты у Чёрча. Я

думал, что таким человеком для меня может стать его мать, но она оказалась сущим кошмаром. Жизнь в маленьком городке развела ее душу задолго до моего появления. Какое-то время я терпеливо ждал нового назначения, чтобы наконец от нее избавиться. Как вдруг она сказала мне, что беременна. И тут я понял... вот почему я постоянно переезжал с места на место. Вот почему я никогда не встречал никого похожего на себя. Потому что моим партнером, моей второй половиной, должен был стать мой *сын*. Но потом его чёртова мамаша сломила Чёрча, и с тех пор я пытаюсь загладить свою вину.

Ооо, это был почти милый момент в одной из самых жутких историй, какие она когда-либо слышала.

— Вы чокнутые, вы все чокнутые, — снова зарыдала Марго, обхватив голову руками и скорчившись на полу. — Я этого не заслужила. Я была хорошей женой. *Хорошей женой*.

— Марго, ты свою задачу выполнила, и я тебе за это благодарен, но тебя сложно назвать хорошей женой. Не прошло и месяца после твоего переезда сюда, как ты переспала с моим соседом, а потом начала спать с тем психотерапевтом. Жаль. Он так и не узнает, что по сути, ты причина его смерти.

— Его... что...? — ахнула Марго и наконец подняла голову.

Она взглянула на Джерри, потом на Эмму. Эмма молча смотрела на неё.

— О, боже мой, ты его убила. О, боже мой, вы все сумасшедшие, и вы хотите убить меня и *о, боже мой*.

— Эмма, — заговорил Джерри, не обращая внимания на причитания жены. — Я хочу, чтобы ты знала: даже если это выглядело совсем не так, я всегда был к тебе внимателен. Когда ты говорила о своих оценках, друзьях или Чёрче, я слушал. Слушал все эти слова и то, что между, над и под ними, и я тебя слышал. Думаю, ты способна на удивительные вещи, Эмма. Ты достойна чего-то *великого*.

Ах. Это слово, которое она так любила, то, чего она жаждала больше всего на свете. Эмма думала, что обрела его, когда влюбилась в Чёрча. Но теперь ей стало ясно, что это жило в ней всегда. Марго его растоптала и чуть не убила, но оно выжило. Для его пробуждения потребовалось немало времени, и пройдет еще больше, прежде чем это чувство по-настоящему окрепнет, но оно было. Ей больше не нужно было бояться. Она могла делать в этой жизни все, что душе угодно.

И она это делает.

Джерри протянул ей дробовик. Эмма улыбнулась, но, когда потянулась за ним, Марго, наконец, сделала свой ход. Упершись руками в пол, она оказалась в идеальном положении, чтобы вскочить на ноги и броситься вперед. Она изо всех сил рванула к задней двери, и пока Эмма возилась с тяжелым дробовиком и шипела от пронзившей ее бок боли, уже до нее добежала.

Входную дверь кто-то волшебным образом запер снаружи, но с задней дверью таких проблем не было. Видимо, Джерри о ней забыл. Не успела Эмма и шагу ступить, как Марго издала торжествующий крик и повернула дверную ручку.

— *Кто-нибудь!* — заорала она и, широко распахнув дверь, выбежала на террасу. — Кто-нибудь, помогите мне, они...

Её слова оборвал громкий хруст, и она застыла в дверном проеме, все еще держась за ручку. У нее из горла раздавался какой-то звук, похожий на бульканье. Не сводя с нее внимательного взгляда и сжимая дробовик под спусковым крючком, Эмма сделала несколько осторожных шагов. Марго по-прежнему не двигалась. Не пыталась убежать или

снова закричать. Она просто... булькала.

Затем небо пронзила молния, осветив всё вокруг, и Эмма ахнула от представшего перед ней зрелища.

Из темноты медленно показался Чёрч и направился к двери. Марго попятилась назад, её шаги были неуклюжими и неловкими. Медленными.

Хотя Эмма подумала, что ходить ей сейчас и впрямь трудновато, потому что в животе у нее торчал топор.

Марго захрипела, когда Чёрч взялся за рукоятку топора и, развернув женщину, подтолкнул ее в дом. Не вынимая лезвия и крепко сжимая в руках топор, он прижал ее к стене рядом с дверью и уставился на нее сверху вниз.

— Я же предупреждал, — прошептал он. — Помнишь? Я говорил, что, если ты еще хоть раз ее тронешь, я тебя убью. И я всегда держу свои обещания.

Марго не ответила. Не похоже, что она вообще могла говорить. Она просто открывала и закрывала рот, воздух со сдавленным хрипом входил и выходил у неё из легких.

Эмма подошла и встала рядом с Чёрчем. А он нехило размахнулся — лезвие топора вошло глубоко, по самую рукоятку. Оно торчало прямо в диафрагме, этим, вероятно, и объяснялось такое тяжелое дыхание Марго. Из раны текла кровь, образуя вокруг ее ног лужу.

— *Мама*, — прошептала Эмма.

Слово, которое она так редко произносила. Марго повернула голову, чтобы посмотреть на дочь, но, похоже, никак не могла сфокусировать взгляд. Она вытянула перед собой руку. Три окровавленных пальца коснулись щеки Эммы, затем нежно ее погладили.

Возможно, это был самый интимный момент между ней и матерью, и на мгновение — всего на одно мгновение — Эмма ему обрадовалась.

— Ты будешь громом, — задыхаясь, сказал Чёрч, наконец взглянув на Эмму.

Рука ее матери упала на топор, пальцы нащупали металлическую головку.

— А ты — молнией, — прошептала в ответ Эмма.

Ей хотелось бы предоставить это тьме и Чёрчу. Она может начать, а он закончит. Эмма сделала то, что советовал ей Розенштейн, проявила терпение и ждала, пока Чёрч не докажет ей свою преданность, и он, наконец, это сделал. *Они*, наконец, это сделали. Теперь они окончательно стали частями одного целого.

Эмма нахмурилась. Она все это понимала, и все же ситуация по-прежнему казалась ей не совсем... правильной. Во всяком случае, пока.

— Нет, — громко сказала она.

— Прости, что?

— В этот раз... я хочу быть молнией. Это я начала...

— Эмма, тебе не нужно ничего доказывать ни мне, ни своей...

— *И я это закончу*.

С этими словами она подняла дуло дробовика, направила его в лицо Марго и, бросив последний взгляд в прекрасные карие глаза своей матери, нажала на курок.

«Прощай, Марго. Желаю тебе, наконец, обрести покой, которого ты никогда не давала мне».

ЭММА

Если бы Каспер, самый Дружелюбный Насильник, был еще жив, я бы спросила его, работал ли он когда-нибудь с подавленными воспоминаниями.

Потому что, когда я нажала на курок, и дробовик выстрелил, он пробил дыру в моем сознании, и вместо того, чтобы увидеть смерть и разрушения, я увидела зеркало.

Это было трюмо моей матери. Зеркало казалось старым и тусклым, отражение не очень хорошим, но вокруг него светились лампочки, и я почувствовала себя кинозвездой.

Она сидела перед ним в комбинации, нанося на лицо пудру. Она была еще молода, еще красива. Я уже и забыла, но когда-то она казалась мне самой прекрасной женщиной в мире.

Я была ещё маленькой. Совсем юной. Может, лет пяти? И взглянув в зеркало, я увидела в отражении чудовище. Какая уж тут маленькая девочка: вокруг глаз у меня виднелись большие фиолетовые круги, а белки были кроваво-красными, и никто меня не любил. Не любят только чудовищ. Конечно же, эта красивая женщина не могла быть моей матерью.

— *Ты не чудовище*, — сказала она мне, накрасив губы.

Мне нравилось, как они блестели от света.

— *Но я уродина*, — прошептала я. — *И папа меня не любит*.

Затем она нанесла на ресницы такую особенную черную шпугу, от которой они стали длинными, попрыскала вкусно пахнущей шпугой себе на декольте, и, наконец, взяла меня на руки. Она усадила меня к себе на колени, и мне стало больно, потому что мне всегда было больно сидеть на попе, но я не возражала, потому что меня держала самая красивая женщина в мире.

— *Папа слишком сильно тебя любит*, — объяснила она. — *И он любит тебя так сильно, потому что ты красивая. Но от этого ему становится плохо, и чтобы больше не чувствовать себя плохо, он пытается превратить тебя в уродину.*

— *Но почему? Почему ему непременно нужно сделать из меня уродину? Почему ты ему это позволяешь?*

— *Потому что, Эмма. Таковы уж мужчины. Все начинается с твоего отца, со временем становится только хуже и длится всю оставшуюся жизнь. Я позволяю ему это сейчас, чтобы потом ты была к этому готова. Я тебя подготавливаю.*

— *Всю оставшуюся жизнь?*

— *Не бойся, Эмма*, — вздохнула она. — *Глупо бояться неизбежного, так ведь? Ты просто потакаешь прихотям этих глупых мужчин, потому что они нам нужны.*

— *Зачем они нам нужны?*

— *Потому что кто-то должен о нас заботиться.*

— *А сами мы не можем этого сделать?*

— *Нет, Эмма, не можем. Помни об этом— нам необходимо, чтобы эти мужчины о нас заботились, поэтому ты должна их слушаться, и позволять им делать всё, что они хотят. И не бойся, потому что твоя мать всегда, **всегда** будет с тобой. Я никогда тебя не отпущу.*

— *Тогда я никогда, никогда не буду бояться.*

— *Умница. А теперь беги, сейчас придёт мистер Джонсон, и мне нужно отработать*

арендную плату. Спрячься в шкафу и не выходи, пока я не скажу, хорошо? Вот так, Эмма. Умница, Эмма.

Прости, мама. Мне жаль, что никто в свое время тебя не защитил, и жаль, что этого не смогла сделать я. Но, мама, я была такой маленькой, такой маленькой, а ты внушила мне все эти ужасные мысли. Чтобы выкинуть их из головы мне теперь потребуются годы, а чтобы избавиться от твоего голоса у меня в голове — целая жизнь.

Мама, мне жаль, что ты была такой изломанной и такой одинокой. Мне жаль, что ради того, чтобы выжить, тебе пришлось сделать столько ужасных вещей, и жаль, что никто не сказал тебе о том, что есть более простые способы. Я сожалею о каждом мужчине, который причинил тебе боль, и о годах боли, которые тебе пришлось пережить.

Но мама, больше всего мне жаль, что я не убила тебя раньше.

— Эмма!

Откуда-то издали до нее донесся голос Чёрча. Она поморгала и попыталась сосредоточиться. Поняла, что смотрит в потолок. Она в постели? Нет, не может быть. В потолке не было дырок.

«Надо спросить его о них».

— Эмма!

Он по-прежнему говорил словно откуда-то издали, но Эмма почувствовала у уха его губы. Это показалось ей странным. Девушка нахмурилась и, оглядевшись вокруг, увидела, что Чёрч стоит рядом с ней на коленях.

— Что случилось? — спросила она, и была вознаграждена широкой улыбкой.

Ей это нравилось. Чёрч так редко улыбался, и это так ему шло. Он схватил ее за плечи и медленно поднял в вертикальное положение.

— Это... ты... у нас...

Что-то было не так. Она смотрела на него, видела, что Чёрч сидит всего в шаге от нее, но ей казалось, что ее уши набиты ватой. Вскинув одну руку, Эмма его прервала, а другой хлопнула себя по уху.

— Я тебя едва слышу, — сказала она.

Чёрч закатил глаза, обхватил ладонями ее лицо и наклонился к ней.

— Сейчас всё пройдет! — закричал он. — Это оглушение от выстрела.

А, вполне логично. Эмма кивнула, показывая, что слышит его.

— Отдачей тебя сбило с ног, и ты на несколько секунд потеряла сознание. Тебе нужно встать.

Не дожидаясь ответа, он осторожно обхватил ее за больные ребра и помог подняться. Эмма стонала и хрипела, но, наконец, встала на ноги.

— Все кончено? — спросила она, оглядываясь по сторонам.

В кресле у двери, положив руки на колени, сидел Джерри. Его лицо как всегда оставалось бесстрастным.

— Кончено? — Чёрч рассмеялся и нежно ее обнял. — Эмма, все только началось.

И вот тогда ее взгляд остановился на матери. Вернее, на том, что когда-то ею было. О, если бы Марго видела, в каком состоянии сейчас ее волосы! Ну, если бы у нее были глаза. Эмма сглотнула и отвернулась.

— Не трусь мне теперь, — предупредил ее Чёрч, и она покачала головой.

— Я не трушу, — ответила она. — Но это не значит, что я должна смотреть на кровавое месиво и любить его.

Чёрч поцеловал ее в макушку и подвел к Джерри. Тот вздохнул и снял очки. Протёр галстуком стёкла.

— Уезжайте, — только и сказал он.

Эмма удивленно вскинула брови, но взглянув на Чёрча, увидела, что он просто смотрит на своего отца.

— Я... почищу оружие. Подвал. До того, как мне придется позвонить, у меня есть, как минимум, пара часов. Полагаю, вы распланировали эту часть?

Чёрч кивнул, но об их планах рассказывать не стал.

— Хорошо. Не говорите мне, куда едете, я не хочу этого знать. Я сделаю все возможное, чтобы снять с вас здесь все подозрения.

— Но что, если..., — начала Эмма, не находя подходящих слов. — А если они подумают, что это сделал ты?

Джерри пожал плечами.

— В жизни я совершил немало плохих поступков. Сесть в тюрьму за тебя и моего сына, явно не самый худший из них. Просто уезжайте и... будьте счастливы, хорошо? Чёрч, я был не лучшим отцом. Я не знал, как им быть. Просто хотел создать второго себя. И Эмма, я уж точно был не лучшим отчимом. Но по крайней мере, я никогда не мешал вам быть самими собой. Полагаю, это уже кое-что, — со вздохом закончил он.

Эмме не хотелось уходить. На самом деле, ей хотелось обнять Джерри. Он оказался лучшим родителем за всю ее жизнь. Но обниматься было бы глупо — она вся была забрызгана кровью Марго. Она перепачкает Джерри, а он по большей части чист. И если он не вмешался и позволил сыну убить его жену, что ж, тогда минимум, что могла сделать Эмма для Джерри, это не вынуждать его взять на себя их вину.

— Нам нужно куда-то уйти, — сказал Чёрч, помог ей перешагнуть через растёкшуюся на полу кровь, а затем поспешил вниз по ступенькам.

На улице завывал ветер, но, к счастью, дождь прекратился.

— Стейси, — выдохнула Эмма, и подавила крик, когда они бросились через задний двор. Из-за сломанных ребер было трудно дышать. — Дом Стейси... там пусто... я знаю, как туда войти.

Они прошли через растущий позади дома лесок и, выбравшись из него, оказались в соседнем квартале. Чёрч оставил ее сидеть у дерева, а сам растворился во мраке. Электричество все еще не включили. Эмма призадумалась, не стоило ли им захватить туристический фонарь. Она сидела в поглотившей ее темноте, и пыталась понять, нормально ли себя чувствует.

«Нормально? Да у меня такое чувство, будто я наконец-то вернулась домой».

В конце концов, на дороге показалась пара горящих фар, и рядом с Эммой остановился знакомый внедорожник. Она осталась сидеть на месте, и когда к ней подбежал Чёрч, то даже не стал заморачиваться тем, чтобы помочь ей встать. Он просто подхватил ее на руки и понес к машине.

Эмма не могла с уверенностью сказать, стало ли от этого лучше ее ребрам.

К счастью, дом Стейси стоял на отшибе. Поблизости соседей не было. Свет в этом районе тоже не горел, поэтому Чёрч высадил Эмму из машины в конце подъездной дорожки, а сам уехал, чтобы спрятать внедорожник.

Пролететь в подвал со сломанными ребрами оказалось непростой задачей, и когда она неуклюже приземлилась на колени, то позволила себе рухнуть на пол и расплакаться. Но услышав, как кто-то скребется в окно, Эмма тут же взяла себя в руки. Она подползла к окну и подтянулась к опорной балке.

На пол упало что-то большое. По звуку это напоминало мешок или типа того. За ним

последовал еще один, но, судя по звуку, уже поменьше. Наконец, она услышала, как пола коснулась пара ног, и в подвал пролез Чёрч. По крайней мере, Эмма решила, что это Чёрч. Вокруг стояла кромешная темнота.

— Как ты? — выдохнул он, и тут загорелся экран его мобильного.

Эмма подняла руку и заслонила глаза от света.

— Потрясающе. Что ты так долго?

— Перетаскивал все это из машины, — сказал он, роясь в одном из своих мешков. — Здесь никого не должно быть, поэтому я не мог просто припарковаться у дома и как ни в чем не бывало пронести все это через парадную дверь.

— Ах. Кстати, откуда взялись эти мешки? — спросила Эмма и радостно вздохнула, когда Чёрч достал из сумки фонарик. Он поставил его рефлектором вверх, и подвал наполнился мягким светом.

— Из багажника.

— Вау, ни за что бы не догадалась.

Чёрч ухмыльнулся и бросил ей бутылку с водой.

— В большом — все мои вещи. Я старался как можно меньше заполнять подвал Джерри на случай, если произойдет нечто подобное. В рюкзаке кое-что из твоей одежды, я собрал ее, пока ты была на одном из твоих групповых занятий.

— Как заботливо.

— Не то слово. Еще я прихватил вот это.

Неожиданно Чёрч чем-то в нее бросил. Какое-то время она безуспешно пыталась это поймать, потом уронила на пол. Это был пухлый конверт. Когда Эмма его подняла, он открылся, и из него показалась толстая пачка денег.

— Господи. Где ты это взял?

— Я на самом деле ездил в Нью-Йорк, — сев напротив нее, сказал Чёрч. — Сразу после того, как ты попала в больницу. Я снова включил все коммунальные услуги и избавился от жилья. Потом пошел в банк и снял все свои деньги. У меня в мешке еще много таких конвертов. После этого я купил угнанную машину, зарегистрированную на какое-то подставное имя в Огайо, и вернулся сюда.

— Черч Логан, ты самый умный социопат из всех, кого я знаю.

— Достойный поклонения?

— Достойный гимнов, проповедей и всех книг Библии, — вздохнула она, откинув голову на балку.

— Полиция найдет браслет Райана, — продолжил он.

Эмма кивнула и закрыла глаза. Адреналин покидал ее тело, и она начинала чувствовать всю свою боль. Интересно, а не захватил ли Чёрч помимо прочего Тайленол?

— Так и было задумано, верно? Кроме того, в спальне обнаружат его отпечатки пальцев, волосы и клетки кожи, — сказала она ему.

— И ты думаешь, он сбежит?

— Да. Услышав, что полиция разыскивает его по подозрению в убийстве, он сойдет сума. Он и так уже невротик и параноик, это типа его основные эмоции.

— Хорошо. Они бросятся за ним в погоню.

— Да, бросятся. И Розенштейн им поможет — я сказала ему, что Райан отравлял мне жизнь, преследовал меня, — проговорила Эмма, затем подняла голову и нахмурилась. — Но не покажется ли подозрительным то, что я тоже исчезла?

Чёрч пожал плечами и на мгновение задумался.

— Нет. Необязательно. Может... может, ты уехала со мной в Нью-Йорк.

— Что? — спросила она.

Чёрч кивнул.

— Черт, жаль, что мы подольше не задержались дома. Я должен вернуться. Слушай, Джерри нужно сказать копам, что я приехал домой. Тебе ведь стало намного лучше от сеансов психотерапии, верно? Розенштейн это подтвердит. Марго, Джерри и я решили удивить тебя Рождественской поездкой в Нью-Йорк. От мысли, что ты уезжаешь с другим мужчиной, Райан слетел с катушек и пришел, чтобы устроить сцену, но мы уже уехали. Дома осталась только Марго. Бедная Марго, совершенно одна в доме с психически нездоровым человеком.

— Только Марго..., — выдохнула Эмма.

«Марго больше никогда не будет дома».

— Это идеально. Черт, мне нужно выбраться отсюда.

— Подожди, что? — спросила Эмма и, не обращая внимания на боль в боку, села прямо.

— Мне нужно вернуться. Джерри сказал, что будет там убирать — я могу помочь, и проработать с ним эту легенду, чтобы, когда копы будут нас допрашивать, наши версии совпадали.

— Нет, — нахмурившись, покачала головой Эмма. — Разве это не рискованно — так часто ходить туда-сюда? В смысле... Господи, мы оба забрызганы кровью. Ты не можешь поговорить с ним попозже?

— Нет. Нам нужно разобраться с этим прямо сейчас, пока не поздно. Я могу прибраться в доме.

— Прекрасно. *Прекрасно*, — простонала она, пытаясь подняться на ноги. — Но тебе придется вытолкнуть меня через это чертово окно, потому что ребра начинают зверски болеть.

— Эмма, — вздохнул он и, положив руку ей на плечо, снова заставил ее сесть. — Тебе следует остаться здесь.

— Что? Нет, Чёрч, я часть этого. Я нажала на курок. *Я* это сделала. Я должна помогать, должна быть там, — настаивала она.

«Не оставляй меня здесь одну. Моя тьма — это твоя тьма, и, если ты ее заберешь, я боюсь, что голоса вернутся».

— Прекрати, — придвинувшись ближе, сказал Чёрч. — Ты ранена. Измотана. Ты еле стоишь на ногах. Эмма, ты столько сегодня сделала. Столько поразительных вещей... Если честно, я сомневался, что ты на такое способна. Теперь позволь мне сделать это для тебя.

— Ты шутишь? Чёрч, ты практически разрубил мою мать пополам. Ты и так достаточно сделал — даже *более* чем достаточно. Пожалуйста, не оставляй меня здесь, — взмолилась она, от чего почувствовала себя как-то глупо.

— Я вернусь, — прошептал Чёрч, и его губы внезапно оказались рядом с ее губами. — Ты и не заметишь. Мы приготовим тебе постель, я уложу тебя, а когда вернусь, все уже будет позади. Вот увидишь. Мы уедем, как ни в чем не бывало, а завтра этот город проснется и узнает, какие разрушения мы учинили. Все будут знать, бояться, ужасаться. Нас будет страшиться целый город, не догадываясь, что это мы, а мы свалим отсюда в целостности и сохранности. Удивительно. Мы сделали это, Эмма. *Вместе*. И все остальное мы будем делать вместе, обещаю. Но сейчас, совсем ненадолго, ты должна меня отпустить.

— Ты скоро вернешься? — выдохнула Эмма, глядя ему в глаза.

Они были большими и широко распахнутыми, зрачки огромными. Из-за этого и тусклого освещения голубая радужка была почти не видна. Он казался... изголодавшимся. Словно чудовище, впервые ощутившее вкус чего-то великого и возжелавшее ещё.

«Но не без меня. Только со мною вместе, Чёрч. Ты не можешь без меня».

— Туда и обратно, — пообещал он.

Эмма вздохнула и наклонилась к нему.

— Хорошо.

А потом Чёрч поцеловал ее, его пальцы скользнули по лицу Эммы и зарылись ей в волосы. Она провела ладонями по его голове и шее, не обращая внимания на то, что ребра ноют от боли. Эмма ей не противилась. Она была ей рада.

Поскольку боль означала, что она жива. Пожалуй, впервые в жизни.

— Я вернусь, — выдохнул он, когда наконец от нее отстранился. — Всего один час. Может, два.

Чёрч помог ей добраться до импровизированной кровати, которую она соорудила на днях. Или это было этим утром? Господи, неужели это и впрямь было этим утром? С тех пор весь мир изменился. Раньше на этих одеялах спала совершенно другая девушка, а теперь на ее месте лежит Новая Эмма.

— Эй, — прошептала она, когда Чёрч укутал ее одеялом до подбородка.

— Что? — спросил он и, убрав с ее лица волосы, поправил подушку.

— Голоса. Они исчезли, — сказала ему Эмма. — Я слышу только... себя.

— Хорошо. Значит, ты слышишь и меня тоже.

Она улыбнулась ему.

Он улыбнулся ей.

— Эмма Хартли, ты потрясающая, — выдохнул наконец Чёрч, поглаживая пальцем ее щеку.

Улыбка Эммы превратилась в усмешку.

— Может, даже красивая? — поддразнила его она, и Чёрч усмехнулся.

— Нет. По-прежнему не красивая. Тебе никогда не стать красивой. Эмма, ты — произведение искусства.

Чёрч быстро поцеловал ее еще раз и поспешил в другой конец подвала. Он застегнул молнию на спортивной сумке, схватил фонарик и принес его ей.

— Тебе нужна сумка? — спросила она.

Чёрч кивнул.

— Деньги. Еще не так поздно, я попробую найти нам дешевую подержанную машину. Мы не можем ехать назад на угнанной, тем более, если полиция скоро начнет расследование, — объяснил он. — Все мои деньги здесь. О! И еще кое-что, чуть не забыл.

Ей хотелось ему возразить. Хотелось сказать, чтобы он взял деньги и оставил сумку. Но тут Чёрч вытащил какой-то маленький серебряный предмет, и когда он ей его протянул, Эмма чуть не заплакала.

— Где ты это взял? — спросила она, забирая у него свой старый портсигар.

— После того, как ты себя порезала, — объяснил он. — Я вернулся в дом. Нашел его и хранил у себя. Выкурил все сигареты, что в нем были.

— Ты курил?

— Мне хотелось быть рядом с тобой. Я пока ещё не такой крутой мастер самокруток

как ты. Но я наполнил его для тебя.

— Я... спасибо, Чёрч. Спасибо тебе за всё, — сказала она хриплым от волнения голосом.

— Не за что, — усмехнулся он, затем потянулся и выключил фонарик. — А теперь спи, ладно? Это приказ. Когда ты проснешься, мы свалим отсюда.

— Хорошо. И Чёрч?

К тому времени он уже был в другом конце подвала, и, судя по звукам, просовывал в окно сумку.

— Да?

— Я люблю тебя, — сказала она. — Павда. Спасибо, что позволил мне это сделать, что был терпелив со мной. Что позволил мне быть растерянной, чокнутой и злой. Боже, я вела себя с тобой просто ужасно.

Чёрч так долго молчал, что ей уже начало казаться, что, пока она говорила, он ушел. Но тут он откашлялся.

— Ты вела себя ужасно лишь потому, что я тебя такой сделал. Спасибо, что веришь в меня. Спасибо, что научила меня быть собой. Спасибо... спасибо, что любишь меня, — его голос упал до шепота. — И спасибо за то, что позволила мне любить тебя так, как я умею.

А потом он протиснулся в окно, и Эмма услышала его удаляющиеся шаги.

Как только Чёрч ушел, она закуталась в одеяло и сжала в руках портсигар. Теперь он частично принадлежал Чёрчу, на нем еще оставалось тепло его прикосновений. Эмма почувствовала, как медленно погружается в сон, и прижала металл к щеке.

«Когда я проснусь, все будет по-другому. Я буду здесь с ним, и мы покинем это место. Когда я проснусь, мы выберемся отсюда. Мы будем вместе. И все станет в сто раз лучше».

Эмма надеялась, что проснется очень, очень скоро.

Проблема снов в том, что в конце концов они обрываются. В конце концов, человек вынужден открыть глаза. Привстать и обнаружить себя в холодном, пустом, тускло освещенном подвале. Осмотреться по сторонам и понять, что пролетели часы, взошло солнце, наступило утро, а он по-прежнему совершенно, совершенно один.

«Он не вернулся».

Эмма не запаниковала.

Вместо этого она села и огляделась. Рядом с ней на полу лежал рюкзак, поэтому она схватила его и расстегнула. Всё из него вытащила. Две пары брюк, шорты, несколько рубашек. Много трусиков. Ни одного лифчика. Слава богу, в добавок ко всему прочему в рюкзак второпях зачихнули ее сумочку, и Эмма смогла вытащить из нее зажигалку.

Она откинулась на спину и закурила сигарету. Тут ее внимание привлекло кое-что ещё. Чёрч оставил на полу конверт, который бросил ей прошлой ночью. Она подняла его и взвесила в руке. Потом открыла и достала из него пачку денег. Пачка еще была обернута банковской лентой, под которой, похоже, находились новенькие столлларовые купюры.

«Ну, ладно, давайте-ка посмотрим, что тут у нас».

Эмма дважды пересчитала деньги, чтобы убедиться, что у нее не поехала крыша, потом разложила их веером вокруг себя и оглядела.

Десять тысяч долларов.

Она никогда в реале не видела столько денег сразу. Такие бабки были только в клипах у рэперов. Эмма почувствовала легкое головокружение. И он сказал, что у него в той сумке еще больше? Господи, насколько больше? Нет, она знала, что у Чёрча есть деньги, но не представляла, сколько.

Эмма наклонилась и посмотрела на лицо Бенджамина Франклина. Как бы круто ни выглядели 10 000 долларов, однако разгуливать с такими деньгами было все же опасно. На самолетах запрещалось перевозить сумму, превышающую 10 000 долларов наличными, предварительно ее не задекларировав. А к поездкам в машине это относится? Этому Эмма не знала.

Но она точно знала, что будь у нее такие деньги, она ни за что бы не оставила конверт с ними на полу.

Девушка взглянула на часы. Она не спала уже примерно час. Потом взглянула на окно.

«Потерпи. Не теряй веру. Прошлым вечером он уже проявил себя. Не теряй веру».

Впрочем, выкурив половину сигарет у себя в портсигаре, Эмма почувствовала, что вера ее слабеет. Был уже полдень. Ей пришлось рискнуть и подняться в дом Стейси, чтобы стащить воды и какой-нибудь еды. Чёрч отсутствовал уже почти восемнадцать часов.

Черт, а что, если его поймали? Если его арестовали? Телефоном воспользоваться она не осмелилась — ей не хотелось, чтобы ее запинговала ближайшая вышка сотовой связи, когда по легенде она давно должна быть на пути в Нью-Йорк. Поэтому Эмма пробралась наверх, в спальню Стейси, и включила местные новости.

Убийство Марго, явно стало сенсацией дня. Такой маленький городок? Убийств в нем не было уже *много лет*. Когда канал, который она смотрела, направил камеру на лужайку Джерри, Эмма увидела там кучу репортеров из других новостных агентств. Были даже журналисты из Мемфиса и Сент-Луиса. Довольно впечатляюще. Эмма поняла, почему все это так окрыляло Чёрча — она чувствовала себя значимой. Всесильной. Может, они этого не знали и никогда не узнают, но все они говорили *о ней*.

Но о чем они точно не говорили, так это о Чёрче. Кроме упоминания о том, что у мистера Джерри Логана есть сын, о нем не прозвучало ни слова. Они даже имени его не назвали. Да и Эмминого тоже. Только высказали несколько предположений и переключились на снимки полицейского управления, куда, как сообщалось, мистер Логан пришел с заявлением.

Эмма выключила телевизор и спустилась вниз. Если его не поймали и не арестовали, то где же, черт возьми, его носит? Даже если бы Чёрч решил подождать до утра, чтобы купить машину, он бы уже вернулся. Было почти пять часов вечера! Солнце уже садилось. Ей придется провести еще одну ночь в одиночестве, в этом дурацком подвале.

«Я в тебя верю, Чёрч. Ты меня слышишь? Я в тебя верю. Вернись за мной».

Когда и на следующее утро Эмма снова проснулась в одиночестве, она даже не озаботилась тем чтобы сесть и оглядеться. Все равно сигареты у нее кончились.

Она спокойно собрала все постельное белье и отнесла его наверх. Положила в стиральную машину все, кроме наволочки, которая была слишком сильно испачкана кровью, поэтому Эмма засунула ее в рюкзак. Затем она прибралась на кухне, поставив все тарелки в точности туда, откуда их взяла. Потом положила в сушилку мокрые покрывала и, пустившись в подвал, приступила к нудному сбору своих вещей.

«Глупая девчонка. Идиотка. Нельзя доверять мужчине. Никогда нельзя доверять мужчине. Идиотка. Розенштейн сейчас бы над тобой оборжался».

Чёрчу всегда хотелось кого-нибудь убить. Это было его заветной мечтой. Целью всей его жизни. Она исполнила для него это желание. Второй раз за неделю! Какой же способной ученицей она оказалась! Чёрчу достаточно только попросить, и Эмма Хартли позаботится о том, чтобы он всё получил.

Сложив все свои вещи, Эмма начала запихивать их в рюкзак.

Ей нужно с этим смириться. Чёрч не вернется. Он получил от нее то, чего хотел. То, чего всегда хотел. С Лиззи она облажалась — конечно, Чёрч не мог позволить ей убить его сестру в спальне посреди вечеринки, это бы все испортило. Разоблачило бы его.

Поэтому он ее остановил. Опутал паутиной красивой лжи и попросил постараться для него. Дождаться его. Жить, дышать, тосковать, строить планы и, черт побери, жизнь Эммы превратилась в какую-то коллективную дрочку, а она — в тупую суку, сидящую посреди всего этого.

Эмма поднялась наверх и достала из сушилки белье. Красиво и аккуратно застелила кровать в комнате для гостей. Надела на подушку новую наволочку. Затем схватила рюкзак, поблагодарила Стейси за гостеприимство и ушла.

Вышла прямо через парадную дверь.

Она не приняла душ. Заляпавшие её лицо брызги крови давно высохли и стягивали кожу. Под ногтями словно была сухая корка. Но ей это даже нравилось.

Не то, чтобы ей все время хотелось так ходить. Естественно, Эмма с удовольствием приняла бы душ, но делать это в доме Стейси она боялась, боялась оставить где-нибудь после себя следы крови, поэтому просто осталась, как была. Она не возражала немного походить грязной, ей нравилось иметь нечто вроде материальных доказательств того, что ночь не прошла впустую. Ей больше не с кем было это вспомнить, не с кем разделить мгновение ее величия, так что пока придется довольствоваться кровью.

Глядя на свои ладони, Эмма шла через внушительный участок земли в лес, ее ноги вязли в мокрой земле. Руки, эти красные пальцы, несли смерть и разрушения. Ладно, может, ей все время лгали, может, Чёрч ее не любит, и это ужасно, но она всегда будет помнить эту ночь. Это яркое мгновение, когда она взяла будущее в свои руки и убрала из него Марго Хартли.

Навсегда.

«И всё же. Было бы здорово довериться хотя бы одному человеку».

Вытирая с лица слезы, Эмма очень надеялась, что не размажет кровь ещё сильнее.

Она думала о том, что сделала. Чёрч, может, и нанес смертельный удар, но как ни крути, именно Эмма оборвала существование Марго. Она выстрелила матери в голову, вышибла ей мозги. Не было ни мягкого прижимания подушкой, ни быстрого взмаха ножа, ни медленного погружения в бессознательное состояние.

Она стала дочерью, убившей собственную мать. Конечно, Марго была довольно злобной. Эгоистичной и жестокой, и, хотя она редко поднимала на дочь руку, но зато регулярно позволяла это другим. За всю жизнь Эмма не слышала от нее ни одного доброго слова; лишь нескончаемый поток помоев, чтобы вызвать у дочери неприязнь ко всему миру. Но заслуживала ли она смерти? Эмма так не считала. Ей просто хотелось, чтобы Марго умерла. Разве это справедливо?

Проходя через лес, Эмма глубоко вздохнула. Она — ужасный человек, и за свой поступок, скорее всего, сгорит в аду, но, если честно, Эмма чувствовала... большое *облегчение*. Даже радость. Чувствовала себя так хорошо, как никогда в жизни. Ей никогда больше не придется беспокоиться — не придётся *думать* — о Марго Хартли. Никаких больше мужиков, никаких этих уловок, этого голоса и, Боже, никакой этой мерзкой душонки.

За содеянное прошлой ночью она может сесть в тюрьму на всю оставшуюся жизнь, и все же Эмма никогда об этом не пожалеет.

Ей не хотелось идти по дороге, не хотелось никого видеть. Ей хотелось одного — погрязнуть в своем абсолютном одиночестве и убраться подальше отсюда. Поэтому Эмма брела по полям, лесам и задним дворам. За время ее прогулки небо прояснилось, выглянуло солнце, и, хотя от этого воздух обжигал ее как огонь, зато земля высохла, и идти стало немного легче. Хорошо, что колено ее больше не беспокоило — на нем был ужасный синяк, но длительная передышка сотворила с ним чудо.

Рёбра, напротив, все еще адски болели. Эмма попыталась самостоятельно их перевязать, но сделала только хуже. Приходилось, не сбавляя скорости, делать быстрые, неглубокие вдохи, и это делало ходьбу невыносимой. Чтобы снять боль, Эмма на ходу потягивала поллитровую бутылку бренди, которую нашла у Стейси в холодильнике.

Через час она села и съела последнюю прихваченную из дома Стейси еду. Через два —

допила остатки воды и алкоголя. Стиснув зубы, она продержалась еще час, проклиная себя за то, что не поискала у Стейси карту. Она все еще боялась пользоваться телефоном — Эмма даже его выключила, так что, хоть у нее и имелось приблизительное представление о том, где она находится и в каком направлении движется, существовала вероятность, что она не туда свернула и теперь слепо шагает за город.

Тут ей пришлось в голову свернуть на первую же увиденную ею приличную дорогу. Она протиснулась сквозь ветки и увидела нечто прекрасное.

Рекламный щит.

Рассмеявшись про себя, Эмма вышла на открытое пространство. Как она и надеялась, там проходила дорога, но еще лучше то, что там был город. Она прошла тринадцать километров на восток до ближайшего города.

До ближайшей автобусной остановки.

Эмма, пошатываясь, шла по дороге, ощущая в ногах каждый из этих тринадцати километров. На углу улицы стояла маленькая замызганная забегаловка, и девушка практически ввалилась во входную дверь. В зале сидело всего три человека, но все они тут же повернулись и, разинув рты, уставились на нее.

Эмма тоже на них уставилась, затем откашлялась.

— Я тут немного неудачно упала, — выдохнула она. — Пока гуляла. Здесь поблизости нет автобусной остановки?

К ней тут же подскочила какая-то сердобольная официантка и, можно сказать, втолкнула Эмму в кабинку. Принялась суетиться над ней и причитать:

— *Ах, ты бедняжечка! Твоя мама, должно быть места себе не находит, что там стряслось с ее гуляющим в одиночестве ребенком! А завтра Рождество, Господи, о чем ты только думала?! Вот возьми кофе, а теперь скажи мне, что тебе хочется поесть, и, пока ты будешь умываться, я мигом все приготовлю.*

Затем умчалась с заказом Эммы, больше напоминающим супер-завтрак Хи-Мена. (*Хи-Мен — вымышленный герой в линии медийных продуктов и игрушек «Властелины Вселенной», созданной американской компанией Mattel, производителем игрушек, выпускающим знаменитую куклу Барби — Прим. пер.*) Четыре сосиски, четыре куса бекона, лепёшки с соусом, два омлета, картофельные оладьи и два печенья. Потому как, если уж ей нельзя раскошелиться после жестокого убийства собственной матери, то, когда тогда можно?

К тому же, весь банкет был за счет Чёрча. Пять его сотенных купюр лежали у нее в заднем кармане, а остальные — на дне рюкзака.

Какое-то время Эмма сидела неподвижно, потягивая горький кофе. Какая-то женщина за барной стойкой все время на нее оглядывалась, поэтому Эмма широко ей улыбнулась. Должно быть, она здорово походила на дьявола — половина ее лица была перепачкана засохшей кровью.

«Может, я и есть дьявол. Может, поэтому меня никто не любит».

У нее за спиной распахнулась входная дверь, и раздался звон колокольчика. Все посетители снова подняли головы, но Эмме было плевать. Ей просто хотелось съесть свой завтрак в четыре тысячи калорий, а потом сесть в автобус и ехать куда глаза глядят. Может, на запад. Может, на восток. А может, добраться до самого Нью-Йорка, долбиться в дверь к Чёрчу, колотить его головой об стену и орать на него, пока он, наконец-то, не влюбится в нее по-настоящему.

Эмма крепко зажмурилась и, стараясь прогнать подступившие слезы, сделала еще глоток.

«Он мне не врал. Я в это верю. Чёрч меня любил. Может, лишь минуту. Может, все время. Он просто этого боится и не признаёт, но это ничего не меняет. Это правда. Я в это верю. Верю. Я верю в тебя, Чёрч».

А потом из-за облака выглянуло солнце, и Эмма почувствовала, как сквозь окно закусочной пробился луч света и ласково коснулся ее щеки, словно погладил пальцем. Она улыбнулась про себя и сделала еще один большой глоток кофе.

— *Я уж думал, ты никогда сюда не доберешься.*

Какое-то время Эмма продолжала улыбаться, не открывая глаз. Она и впрямь слышала этот голос? Или он звучал только у нее в голове?

«В твоей голове больше нет голосов. Ты пальнула по ним всем из двуствольного ружья. То, что ты сейчас слышишь, это голос Бога».

Чёрч скользнул на сиденье напротив нее с таким видом, словно у него никогда в жизни не было неприятностей. На мгновение Эмме показалось, что у нее галлюцинации. Затем он взял у нее из рук кружку и отпил кофе.

— Это была долгая прогулка, — наконец, ответила она, сложив на столе руки.

Чёрч вскинул брови.

— Ты шла пешком?

— А как бы еще я сюда попала? Ты бы подобрал автостопщика, похожего на нечто подобное? — спросила она, окинув себя взглядом.

— Я бы подобрал автостопщика, похожего на *тебя*.

— Подхалимство — лучший путь к успеху, мистер Логан.

— Знаю, мисс Хартли. И как же ты обходила дорожные блок-посты?

Теперь настала очередь Эммы вскинуть брови.

— Дорожные блок-посты? — спросила она.

Чёрч кивнул и допил кофе.

— Ммм, хмм. Вот почему я не смог вернуться. После того, как я рассказал Джерри с наших планах и помог ему убрать в подвале, я поехал за реку — мне нельзя было покупать машину в городе, это показалось бы подозрительным, тем более, что я вообще не должен был там находиться. Но машину там найти не удалось, поэтому я поехал в этот город и, наконец, увидел припаркованный автомобиль с табличкой «Продается». По оставленному номеру мне целый час никто не отвечал, а парень, который наконец-то взял трубку, оказался полным козлом. Начал со мной торговаться. Потом не мог найти гребанные документы.

— К тому времени, как я обо всем позаботился, Джерри уже давно вызвал полицию. Они выставили дорожные блок-посты в надежде поймать таинственного убийцу Марго. Я не мог вернуться и понимал, что не смогу тебе позвонить. Эмма, я на самом деле считаю тебя умной девочкой, поэтому не сомневался, что, когда я не появлюсь, ты оттуда уйдешь. Это ближайший город. Так что я ждал тебя и спал на заднем сиденье машины — за это ты передо мной в неоплатном долгу.

Эмма рассмеялась.

«Вселенная разворачивается самым непостижимым, удивительным образом».

— Ты... великолепен, — уставившись на него, сказала она. — Откуда ты знал, что я приду в эту закусочную?

— Нет. Я знал только, что ты придешь с запада. Знал, что ты либо будешь на меня

злиться, либо искать, но в любом случае, остановишься где-нибудь, чтобы собраться с мыслями.

— Да?

— Эмма, ты всегда так делаешь.

— Думаю, да.

— Так что мне оставалось лишь проверить. Здесь лучшими вариантами были эта забегаловка, удобный магазин, что далее по улице, и автовокзал. Я кружил между ними тремя. Если бы к вечеру ты не пришла, завтра утром я попытался бы пробраться в город.

— Как мило с твоей стороны, — вздохнула она, подперев рукой подбородок. — Есть еще новости из города?

— Райана объявили в розыск. Ты отлично всё продумала, Эмма, я впечатлен. Многие из наших соседей помнят, как однажды он приходил к нам в дом, и как ты на него кричала. Потом полиция заявила к нему в мотель — ты была права, он сбежал, — сказал Чёрч. — И это было грандиозно. Он оставил после себя море всякой херни, включая документы, украденные с «Солнечного ранчо». Досье на Каспериана, и несколько на *тебя*.

— В общем-то, я не удивлена, — сказала Эмма. — Но несколько?

— Да. У него нашли копии всех записей Розенштейна о тебе, твою медицинскую карту и заметки Каспера о твоих занятиях на групповой терапии. Также сообщают о какой-то тетради с *кучей* песен, которые он написал о тебе. Очень романтично, не правда ли?

— Очень, — согласилась она.

— Жаль, что ты никогда его больше не увидишь.

— Не сказала бы, что буду по нему скучать.

— Это хорошо. Потому что я по тебе скучал, — сказал он. — А ты по мне скучала?

— Я на тебя злилась, — заявила Эмма. — Просто зверски.

— Да, но все же ты по мне скучала.

— ... Да.

— И что теперь, Эмма? — вздохнул он, вытянув руки вдоль задней стенки кабинки. — Ты осуществила все мои мечты. Как насчет твоих?

Эмма на секунду задумалась, ковыряя кончик испачканного в крови ногтя.

— Я хочу увидеть океан, — сказала она ему. — И посмотреть твою нью-йоркскую квартиру. Побывать в какой-нибудь другой стране.

— Такие простые желания. Тебе очень легко угодить.

— А потом я хочу найти своего отца и отрезать ему голову.

— Ах, — вздохнул Чёрч, закрывая глаза. — Вот оно. Ты знаешь, что нужно сказать, чтобы мое сердце забилося быстрее. Я чертовски люблю тебя, Эмма.

— Хорошо. Ты и должен. Я достойна всей любви.

— Так и есть.

Их разговор прервало появление самой большой тарелки с едой, какую Эмма когда-либо видела. Официантка водрузила её на стол, затем взяла с подноса бутылочки с приправами и поставила их рядом.

— Слава богу, хоть кто-то появился! — сказала она Чёрчу, и он приветливо ей улыбнулся. — Как ты мог отпустить свою несчастную девушку гулять по лесу одну?

— Не знаю, — положив руку на сердце, сказал он. — Я никогда себе этого не прощу, но надеюсь, что когда-нибудь *она* меня простит.

Эмма никогда раньше не видела, чтобы Чёрч кокетничал. Ей почти понравилось.

— А я-то удивлялась, как такая тощая бедолага, съест всю эту еду, — усмехнулась официантка, сунув под мышку пустой поднос. — Рада видеть, что твой парень появился как раз вовремя, чтобы съесть свою долю, пока она еще не остыла.

— Конечно, — ответил он, опередив Эмму. — Мы ведь родственные души, что фактически делает нас одним человеком, поэтому, вполне естественно, что она заказала сразу на нас двоих.

— О, какая же ты прелесть! Я принесу вам еще кофе.

Когда она ушла, Эмма с Чёрчем развернули салфетки и принялись за еду. Эмма жадно поглощала лепешки с соусом и неотрывно наблюдала за тем, как Чёрч режет сосиски на маленькие кусочки.

«Что за язычники так их едят?!»

— Эй! — воскликнула она, кое о чем вспомнив, и поспешно проглотила кусок.

— Что? — ответил Чёрч, расправляя на коленях салфетку.

— Что это за дырки у тебя на потолке?

— Прости, что? — спросил он, не донеся до рта вилку.

— У тебя в спальне, — объяснила она. — На потолке. Целая куча дырок. Таких маленьких, как от кнопок. Ты, видимо, что-то прикреплял к потолку. Я пыталась это выяснить.

На мгновение Чёрч растерялся, явно пытаясь понять, о чем она говорит.

— Не знаю, что ты...

Его голос затих. Потом Чёрч отвел от нее взгляд и на какое-то время задумался. На мгновение повисло молчание, а затем он проговорил:

— Звезды.

— Звезды? — переспросила она.

Чёрч кивнул, положив вилку на стол.

— Звезды. Множество звезд. Господи, я совсем о них забыл, — выдохнул он, потирая рукой подбородок.

— У тебя на потолке были звезды?

— Да. Такие, которые светятся в темноте, — сказал ей Чёрч. — Моя... моя мать, это она их туда прикрепила. Я был одержим космосом. Солнечной системой. Мне было тогда всего, наверное, года четыре? Пять? Шесть? И она почти всё время вела себя со мной отвратительно, но в тот раз...

Чёрч погрузился в воспоминания, и между ними повисла еще одна долгая пауза.

— Мать сделала это, когда я был в детском саду. Помню, когда я вернулся домой, она не пустила меня в комнату. Мне пришлось ждать до вечера. И когда мать открыла дверь, то заставила меня закрыть глаза. Там горел свет, но она его выключила. Потом закрыла дверь и, распахнув глаза, я оказался в космосе. Ну, мне показалось, что в космосе.

— Это очень мило, Чёрч, — тихо произнесла Эмма.

— Мы легли на кровать, и я сказал ей, что это красиво и необычно, и... и признался ей, что мы будто в церкви. Я никогда не бывал в церкви, у меня не религиозная семья, но мне казалось, что там именно так. И тогда она обняла меня и сказала, что это я особенный, и что это — моя церковь. Поверить не могу, что забыл об этом. Господи, может, отсюда и пошло мое прозвище. *(Здесь снова игра слов «Church» (англ.) означает «церковь», а также имя главного героя — Прим. пер.)*

По какой-то нелепой причине глаза Эммы наполнились слезами. Она подумала о

мутном трюмо Марго и ее красных губах. О звездах Чёрча и словах его матери. О пространстве, времени и судьбе. Об острых ножах, громких выстрелах и о том, как же это здорово, наконец-то, чувствовать себя свободной.

«Ты особенный, и ты — моя церковь, и я буду молиться у твоего алтаря столько, сколько ты мне позволишь. Во веки веков, аминь».

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigoed.net